

ISSN 1563-0285
Индекс 75873; 25873

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия международные отношения и международное право

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

INTERNATIONAL RELATIONS AND INTERNATIONAL LAW JOURNAL

№3 (87)

Алматы
«Қазақ университеті»
2019

KazNU Science • ҚазҰУ Ғылымы • Наука КазНУ

ХАБАРШЫ

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ СЕРИЯСЫ №3 (87) қыркүйек

ISSN 1563-0285
Индекс 75873; 25873

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Куәлік № 16503-Ж

*Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)*

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ:

Жекенов Д.К., PhD-доктор, доцент м.а.

(Қазақстан)

Телефон: +7 701 830 7457

E-mail: Duman.Zhekenov@kaznu.kz

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Айдарбаев С.Ж., з.ғ.д., профессор – ғылыми редактор

(Қазақстан)

Губайдуллина М.Ш., т.ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)

Күкеева Ф.Т., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Сайрамбаева Ж.Т., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)

Макашева К.Н., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Елемесов Р.Е., э.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Ауған М.Ә., т.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Сейдикенова А.С., филол.ғ.к. (Қазақстан)

Омиржанов Е.Т., з.ғ.к., доцент (Қазақстан)

Варику К., профессор, Дж.Неру университеті (Үндістан)

Грегори Глиссен, саяс.ғ.д., профессор Нью-Мехико университеті (АҚШ)

Аджай Кумар Патнайк, саяс.ғ.д., профессор (Үндістан)

Торстен Бонаккер, саяс.ғ.д., профессор (Германия)

Шабаль П. PhD, профессор (Франция)

Курылев К.П., т.ғ.д., профессор (Ресей)

Кембаев Ж., құқық докторы, профессор (Германия)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ:

Татаринов Д.В., з.ғ.к. (Қазақстан)

Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясында қазіргі кездегі халықаралық қатынастар мәселелері, әлемдік интеграциялық үдерістер, халықаралық қауіпсіздік мәселелері, халықаралық қатынастар және сыртқы саясат тарихы, халықаралық құқықтың өзекті мәселелері, мемлекетішілік құқық, халықаралық экономикалық қатынастар бағыттары бойынша мақалалар жарияланады.

ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
Б А С П А У Й І

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова

Телефон: +7 747 125 6790

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева

Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 13075

Пішімі 60x84 ¹/₈. Көлемі 8.8 б.т. Тапсырыс №6080.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2019

1-бөлім
**СЫРТҚЫ САЯСАТ
ПЕН ДИПЛОМАТИЯ**

Section 1
**FOREIGN POLICY
AND DIPLOMACY**

Раздел 1
**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
И ДИПЛОМАТИЯ**

Kuramayeva G.N.¹, Suleimenov T.S.²

¹PhD candidate (Doctoral student), Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: gkuramaeva@mail.ru

²Doctor of Political Sciences, Academician Acting Professor at the Institute of Diplomacy of Academy under the President of Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: suleimenov41@mail.ru

EDUCATION AS AN INSTRUMENT OF «SOFT POWER» IN THE FOREIGN POLICY OF KAZAKHSTAN

Nowadays a variety of different countries including great powers, regional powers use an instrument of foreign policy such as soft power to achieve their goals in international relations. Though the economic leaders of the world do have enough amount of money to promote their languages, give scholarships for foreign students and grant loans for developing countries, the regional powers or, even more, developing countries which pursues a goal to join the club of privileged states have to allocate funds for the soft power.

The article discusses the urgent issue of using the attractiveness potential of Kazakhstani education as an instrument of political influence in the international arena. The changes in the resource base of leadership in modern world politics are successively analyzed, the advantages and potential of the «soft power» of the Kazakhstani higher education system are examined, and existing state initiatives in the field of improving the quality and attractiveness of Kazakhstani universities are evaluated. Comprehensive modernization of the mainstream of the modern educational system at all levels is a key issue in Kazakhstan's domestic policy. Today, higher education is based on constant, mobile work, communication, self-development and intercultural cooperation.

Key words: education, «soft power», modernization of the education system, academic mobility, foreign policy of Kazakhstan.

Курамаева Г.Н.¹, Сулейменов Т.С.²

¹PhD докторанты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: gkuramaeva@mail.ru

²Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының саяси ғылымдары докторы, академик, Дипломатия Институты профессорының м.а., Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: suleimenov41@mail.ru

Білім Қазақстанның сыртқы саясатындағы «жұмсақ күш» құралы ретінде

Қазіргі уақытта әртүрлі мемлекеттер, оның ішінде ұлы державалар, аймақтық державалар халықаралық қатынастардағы мақсаттарына жету үшін «жұмсақ күш» сияқты сыртқы саяси құралды қолданады. Әлемдік экономикалық көшбасшылардың өз тілдерін алға жылжыту үшін жеткілікті қаражаттары болғанымен, шетелдік студенттерге стипендия және дамушы елдерге, аймақтық державаларға, сонымен қатар дамыған мемлекеттер клубына кіруді көздейтін дамушы елдерге несие беру мүмкіндігі «жұмсақ күшке» қаражат бөледі.

Мақалада қазақстандық білімнің тартымдылық әлеуетін халықаралық аренадағы саяси ықпал құралы ретінде пайдалану туралы өзекті мәселе талқыланады. Қазіргі әлемдік саясаттағы көшбасшылықтың ресурстық базасындағы өзгерістер дәйекті түрде талданады, қазақстандық жоғары білім беру жүйесінің «жұмсақ күшінің» артықшылықтары мен әлеуеті қарастырылады, Ресей университеттерінің сапасы мен тартымдылығын арттыру саласындағы қолданыстағы мемлекеттік бастамалар бағаланады. Барлық деңгейдегі заманауи білім беру жүйесінің негізгі моделін жан-жақты жаңғырту – Қазақстанның ішкі саясатындағы басты мәселе. Бүгінгі таңда жоғары білім тұрақты, ұтқыр жұмыс, коммуникация, өзін-өзі дамыту және мәдениетаралық ынтымақтастыққа негізделген.

Түйін сөздер: білім, «жұмсақ күш», білім беру жүйесін модернизациялау, академиялық ұтқырлық, Қазақстанның сыртқы саясаты.

Курамаева Г.Н.¹, Сулейменов Т.С.²

¹докторант PhD Академии государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: gull-naz@inbox.ru

²доктор политических наук, академик, и.о. профессора Института дипломатии
Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: suleimenov41@mail.ru

Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Казахстана

В настоящее время различные страны, включая великие державы, региональные державы, используют такой инструмент внешней политики, как «мягкая сила», для достижения своих целей в международных отношениях. Хотя у мировых экономических лидеров достаточно денег для продвижения своего языка, возможности предоставления стипендий иностранным студентам и займов развивающимся странам, региональным державам или, более того, развивающимся странам, преследующим цель вступить в клуб привилегированных государств, выделяют средства на «мягкую силу».

В статье рассматривается актуальный вопрос использования потенциала привлекательности казахстанского образования в качестве инструмента политического влияния на международной арене. Последовательно анализируется изменение ресурсной базы лидерства в современной мировой политике, рассматриваются преимущества и потенциал «мягкой силы» казахстанской системы высшего образования, дается оценка существующим государственным инициативам в области повышения качества и привлекательности казахстанских вузов. Комплексная модернизация основного направления современной образовательной системы на всех уровнях является ключевым вопросом внутренней политики Казахстана. Сегодня высшее образование строится на постоянной мобильной работе, общении, саморазвитии и межкультурном сотрудничестве.

Ключевые слова: образование, «мягкая сила», модернизация системы образования, академическая мобильность, внешняя политика Казахстана.

Introduction: Significance of «Soft power» concept

The main task of the foreign policy of any state is to strengthen its position and authority in the international arena, creating favorable external conditions for the long-term socio-economic development of the country. The foreign policy instrument for realizing this task is changing from one era to another. If in the XX century in the conditions of the bipolar world, the dominant tendency was the buildup of «hard power» in the first place – military and economic power, then at the present stage of world development under the influence of globalization and in the formation of a new «polycentric system of international relations» to the forefront as the main factors the influence of states on world politics, along with military-political weight and economic resources, factors of «soft power» are put forward: the achievements of states in the field of culture and art, science, technology, education, etc. The new resource of leadership in the modern world «Soft power» is «the ability of states to attract others to their side, seeking to support their own agenda in international relations by demonstrating their cultural and moral values, the attractiveness of the political course and

the effectiveness of political institutions» (Nye, 2004). This strategy includes such instruments of positioning the country in the international arena as exporting education, promoting the language and disseminating national cultural values.

In today's global world, competition takes on a cultural and civilizational dimension. International leadership is increasingly determined by the ability of the state to «purposefully develop» its neighbor or competitor (Bogaturov, 2006). The realization of such leadership is impossible today without the accelerated development of human potential – the basis for the formation of a new knowledge economy, the information society (Podbereskin, 2012). Therefore, many rapidly developing states (Brazil, Russia, India and China), in the process of transition to an innovative economic model, pay special attention to the modernization and internationalization of the national education system. Only a developed educational system that meets the requirements of an innovative high-tech economy and is integrated into the international educational and scientific space is capable of becoming one of the most important competitive advantages of modern Kazakhstan in the «global struggle for minds.» Only she can attract the most talented students from abroad to the country. The

provision of educational services to foreign students is one of the most important tools of the «soft power» of the state. Creative thinking students from other countries during their studies actively study the language of the host country and with genuine interest get acquainted with the achievements of science and culture. Such students, gaining valuable social capital, returning to their homeland with new accumulated knowledge, connections, contacts, likes and new friends, become effective conductors of the language and culture of the country where they studied. As a result, the effectiveness of influencing the outside world with the help of national education as an instrument of «soft power» is much higher than with the help of military or other levers of pressure.

Theory and Methodology

The theoretical and methodological basis of the paper consists of a set of generally accepted methods in the world political science: systems analysis, which allowed treating the subject of research as a complex process. Also were used the methods of comparative analysis, formal-logical, structural-functional, statistical, sociological, comparative-historical, retrospective, which allowed us to study the images of states in a historical and modern environment.

The principles of dialectical, concrete-historical approach to the understanding of reality and artificially constructed image were used in the writing of the thesis. Of particular importance are the principles of multidimensionality, consistency, the ratio of the subjective factor and objective conditions. The paper uses the methods of PEST and content analysis.

However, recognizing that foreign researchers have gone ahead in developing the problems under consideration, and that change in the socio-economic and political spheres, democratic transformations of public life will bring us closer in many respects to the West, that it is important for young Kazakhstani political science to use analytical tools of foreign scientists.

Of course, Western research models cannot be used fully in Kazakhstan, since it is impossible not to take into account differences in the levels of socio-economic and political development of society, differences in the conditions of life, political and general culture of the population, and the duration of citizen participation in democratic processes.

Thus, many of the recommendations for building the image of developed countries are not always suitable for our state, due to their objective differ-

ences in the structure of society. The study of real processes has shown the need to use a comprehensive multidimensional methodology, which involves the simultaneous participation of several scientific disciplines.

«Soft power» policy of Kazakhstan

Formation of a positive image of Kazakhstan in the context of the international transformation of the global world order is one of the basic tasks of Kazakhstan's foreign policy. Over 28 years of independence, our country has gained a great deal of unique experience and developed mechanisms that require in-depth understanding and building further successful work in order to consolidate a place on the world stage. At the meeting with representatives of the diplomatic mission in Akorda, the first President of Kazakhstan N. Nazarbayev noted that Central Asia is experiencing a new stage of its development. Hence, according to the President, it is extremely important to continuously strengthen and develop multilateral and mutually beneficial peaceful cooperation, as well as to establish cooperation with countries and organizations whose work is characterized by N.A. Nazarbayev as weak today. «Our policy, as before, is aimed at equal partnership, uniting the efforts of our countries to enhance the role of the region in international affairs and ensure prosperity in the five countries ... We will continue to cooperate with global and regional international organizations in which Kazakhstan participates» (Nazarbayev, 2017).

In modern world politics, as a result of various processes, the tools and sources of power change, the influence priorities shift from traditional models to new ones.

So, if traditional instruments of influence and influence in world politics were understood as military power, force, nuclear weapons, economic pressure, which in modern international relations are designated as hard power, today economic success, ideological propaganda and cultural attractiveness of the state are increasingly being used, which are instruments of «soft power» – a new trend in the system of international relations.

Having worked in the US government for considerable time, he witnessed many complex processes and changes in foreign policy relations between states at the turn of the 20th and 21st centuries. These materials gave him the opportunity and the basis for a new vision and explanation of changes in world politics, the essence of which can be reduced to the fact that in world politics today,

«soft power» has become an objective and legitimate tool that contributes to the implementation of a common state foreign policy. It should be noted that at the present stage, many states recognize the need to update foreign policy tools. Politicians and political scientists at the highest political level are working on the conceptualization of the soft power model of their country, the implementation of which is expressed in practical steps. O. Leonova reflects this idea in the following formula: «any country has «soft power», which is the sum of two concepts: IMAGE (image) plus ACTION (using the tools of «soft power»)» (Leonova, 2014).

The main resources, instruments of «soft power» of Kazakhstan

The fundamental resource of «soft power» of Kazakhstan is its cultural and historical heritage. A unique fusion of cultures, traditions and customs of the steppe civilization, art, science, achievements and experience in building a peaceful interfaith dialogue, the vast expanses of the earth, rich in minerals, the location itself, which is a connecting bridge between two great cultures – the East and the West – all this distinguishes Kazakhstan.

According to scientists, the history of Kazakhstan is directly connected with the great Turkic history. For example, Professor S. Bulekbaev notes that «the Kazakhs, as a people historically living in the Great Steppe, in the center of Eurasia, where the most important historical events, often changing the course of world history, mostly began and were completed, are one of the main subjects of the great Turkic history. Hence, the history of the Kazakhs is inseparable from the Turkic history. In the course of his research, the author comes to the 2nd conclusion: the first one says that the Turkic civilization is a great, completely original and self-sufficient civilization, which was underestimated for a number of ideological reasons, and the second is that most historical materials on Turkic history, culture and civilization has not yet been fully studied. The peculiarity of the Turkic culture, to which the Kazakh belongs, is that the worldview of the Turks was oriented to absorb all the best that other peoples had. Based on this approach, or rather their tolerance, the Turks managed to absorb a lot of useful things from other cultures and civilizations, and at the same time create their own, possessing signs of uniqueness, originality and self-sufficiency. This, in our opinion, is one of the main principles of the concept of «Soft power» (Bulekbaev, 2016).

The next resource is the geographical location of Kazakhstan. The «soft power» of Kazakhstan lies in its transcontinental position. Kazakhstan is the place where the East and the West meet, where most of the Great Silk Road is located, which is a peculiar symbol of the connection of these great cultures. In this regard, the Silk Road Economic Belt project is one of the greatest projects of the 21st century. For its large-scale significance for humanity, it has no equal for a number of reasons: it links 42 states of the world with transport and other connections; transforms to a certain extent the architecture of the world economy and world politics; changes the worldview and philosophy of international relations (a kind of transition from the concept of «Big Game» to the philosophy of «Big Benefit»); opens up new opportunities and prospects for the development of the economy and other spheres of society for many countries of the world located on the Great Silk Road.

The main perspectives and expectations that have begun to be realized and undoubtedly will change many of the ideas of the world economy and politics, filling them with new content. In addition, the nature of Kazakhstan is rich in unique places to attract both tourists and researchers. It is no coincidence that such a popular American edition as The Huffington Post recommends travelers to visit Kazakhstan.

This rating included 17 places for «epic» travel in 2017, where Kazakhstan occupies the third position, and also advises not to be just a tourist, but to be a researcher (Hu Jintao, 2007).

The achievements of the socio-economic development of the Republic of Kazakhstan over the years of independence have been widely recognized as a unique model of the accelerated development of an independent state. These achievements are directly related to the personality of the First President of Kazakhstan – N. Nazarbayev. The phenomenon of N. A. Nazarbayev is also a resource of «soft power» of Kazakhstan, which is connected with his merits in implementing fundamental reforms, the peculiarities of the political situation in the republic, the mental and psychological characteristics of the population and the promotion of the national brand Kazakhstan (Askeeva, 2017). «A unique situation has developed in Kazakhstan: a rigid vertical of power, but at the same time the country is open and has managed to attract investments from various places – from Russia, from Europe and the USA, from China. In other countries of Central Asia, the situation is worse ...», – says the expert in the article» Who can live well without the USSR: the results

of the development of the former Soviet republics over 25 years» (IMEMO, 2017). The Republic of Kazakhstan, having experienced a deep crisis in the period of gaining independence since 2000, was able to improve economic growth and the well-being of citizens. If in 1998 the Heritage Foundation put Kazakhstan on the 136th place in the world in terms of economic freedom, now our country is in the 68th place, overtaking such western countries as France and Italy.

In these difficult conditions, the first president of the young republic, N. Nazarbayev, assumed the entire burden of responsibility for the international policy of independent Kazakhstan. As acknowledged by many foreign and domestic experts, it was this circumstance that made it possible to avoid many costs in the process of establishing Kazakhstan in the global political space. The personal contacts established by the head of state at the highest level helped to solve the most important tasks of the formation of Kazakhstan's foreign policy. In his work «The Strategy of the Formation and Development of Kazakhstan as a Sovereign State» as far back as 1992, N. Nazarbayev writes: «Kazakhstan, due to its geopolitical position and economic potential, does not have the right to focus on narrow regional problems. This would be incomprehensible not only to our multi-ethnic population, but also to the entire world community. The future of Kazakhstan is in Asia, and in Europe, and in the East, and in the West. Conducting just such a policy, we will be able to eliminate any manifestations of a threat to the security of Kazakhstan». Many victories have been achieved over the 25 years of leadership in Kazakhstan: the chairmanship of the OSCE, the CICA, the OIC, the voluntary abandonment of nuclear weapons, the closure of the nuclear test site, the active participation in the search for mechanisms to resolve the Ukrainian crisis, participation in the «Minsk» negotiation process and recent achievements – the election of Kazakhstan as a non-permanent member of the UN Security Council, the organization and holding of the «Astana process», the holding of image events of the Universiade-2017, as well as the exhibition «EXPO-2017» (Karin, 2017).

Multinationality and religious policy are the following strategic resources and advantages of Kazakhstan. If we cite the figures voiced at the Republican Forum of the Assembly of Peoples of Kazakhstan (ANK), they say a lot, namely, Kazakhstan has created comfortable conditions for the life of representatives of more than 100 ethnic groups and 17 confessions, there are 962 ethnic cultural associations, newspapers and magazines in

the country published in 15 languages, and theatrical productions can be seen in 7 languages. Small assemblies work in each region of Kazakhstan. The Assembly of the People of Kazakhstan is a unique institution whose activity is aimed at ensuring tolerance, interfaith and intercultural harmony. During the years of independence, the idea of creating this institution and the subsequent development of the country refuted the postulate that multinationality is a weak link in the construction of the state. Over the years, the Kazakhstan model of a multiethnic, multi-ethnic state under the leadership of N. Nazarbayev has been turned into an advantage of our country.

Here it is also necessary to note the policy of repatriation of the Kazakhs, which is declared as one of the priorities of the migration policy of Kazakhstan. Since independence, special programs, quotas and conditions for the study of the Kazakh language, life and traditions are created. All this, of course, there are influential factors of international processes. At the same time, it is important to create an information and communicative space for unhindered interaction and promotion of Kazakh culture and language.

Discussion: Modernization of the education system of Kazakhstan: current status and development prospects

The quality and accessibility of education is a key factor in the competitiveness of Kazakhstan and the success of its development in the context of the unfolding 4 industrial revolution. Today, Kazakhstan has entered the final stage of modernizing education in line with global trends in accessibility, improving the quality of educational content, improving infrastructure and material and technical base, technical equipment, introducing new technologies with the aim of creating a highly educated intellectual nation. The success of modernization of education in Kazakhstan is recognized in the UNESCO Education Monitoring Report of 2017, according to which the country entered the four leaders. The current stage of world development is determined by the rapidly developing processes of the Fourth Industrial Revolution, in which the role of human capital is becoming increasingly stronger. The most important component of human capital is education, its accessibility and quality.

Today, in connection with the global processes of the development of a new scientific and technological revolution, the role of education is growing. «Nowadays, the competitive advantages

are no longer determined either by the size of the country, or by rich natural resources, or by the power of financial capital. Now everything is decided by the level of education and the amount of knowledge accumulated by society» (Nazarbayev, 2018). From the category of social expenditures of the state, education has become the main factor in economic growth, and investment in education has become a contribution to the country's better future. According to the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), an increase in the duration of studies for residents of a particular country by only one year leads to an increase in its gross domestic product (GDP) by 3-6%. A 1% increase in spending on education leads to an increase in the country's GDP by 0.35%. For a long time, world practice considers public spending on the development of education as a very profitable investment. Therefore, in the Message of the President of the Republic of Kazakhstan «Growth in the welfare of Kazakhstanis: improving income and quality of life» it is provided: «Within 5 years, it is necessary to bring the costs of education, science and healthcare from all sources to 10% of GDP» (Nazarbayev, 2018). According to the United Nations Human Development Reports in the education category, aspects such as coverage and access to education, its quality, as well as the level of education of the economically active population are evaluated; in global competition in the conditions of Revolution 4.0, countries that systematically promote their educational potential and improve its quality win. Today, it is the quality of education that is becoming the leading trend in world development. From the first years of independence in the Republic of Kazakhstan, the reform of education was aimed at creating a training system that is consistent with international best practice and covers all levels – from preschool to higher and postgraduate.

Education is one of the most important priorities, which is enshrined in all government documents and strategic programs. The First President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev has special and exclusive attention to education issues. The leader of the country emphasizes: «Knowledge and professional skills are key guidelines of the modern education system. Kazakhstanis must become a highly educated nation in the world, otherwise we will not achieve the goals that we set» (Humanitarian Encyclopedia, 2018). In the New Address of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 5, 2018, «issues of the quality and accessibility of education» are called the most important component and the key to success of the state (Nazarbayev, 2018). The

main goals and objectives of the development of education are formulated in the State Program for the Development of Education of the Republic of Kazakhstan for 2011-2020, they are: «improving the competitiveness of education, developing human capital to improve the material and spiritual well-being of citizens, sustainable economic growth by ensuring the availability of quality education for everyone» (Humanitarian Encyclopedia, 2018). As a result of efforts to develop education, Kazakhstan in the ranking of human development in 2017 was included in the list of countries with a very high level of HDI, which is a significant achievement. In the category «education», the country showed rather good results, the literacy rate of the population exceeded 99.7%. According to the Education Index in the World Countries (Education Index), which is a combined indicator of the UN Development Program for 2015 and published in 2016, Kazakhstan took 39th place among 188 countries of the world (UNESCO, 2017). The index measures the country's achievements in terms of the level of education of its population in terms of the adult literacy index (2/3 of the weight) and the index of the total share of students receiving primary, secondary and higher education (1/3 of the weight). In the final Index, these indicators are summarized and standardized in the form of numerical values from 0 (minimum) to 1 (maximum). In the Education Index 2016, the indicator of Kazakhstan was 0.805. Australia took the first place in the Rating with 0.939. In addition to Australia, TOP-5 includes Denmark (0.923), New Zealand (0.917), Norway (0.916) and Germany (0.914). The United States is in 8th place, Britain closes the top ten. Of the post-Soviet countries, Lithuania has the highest rate – 14th place, 16th place in Estonia, 25th place in Latvia and 26th place in Belarus. Russia with an indicator of 0.816 took 34th place. Among the post-Soviet countries, Kazakhstan takes 6th place, slightly ahead of Ukraine, which took 40th place in the overall ranking. Among the countries included in the Eurasian Economic Union, Kazakhstan ranks 3rd after Belarus and Russia. The gap between the leader of the ranking Australia and Kazakhstan is 0.134. And between our country and China (108th place) – 0.174. In the Global Competitiveness Index 2015-2016 of the World Economic Forum (WEF), Kazakhstan took 42nd position among 140 countries of the world (UNESCO, 2017). Education and science in this ranking are evaluated by 12 indicators. In 8 of them, the country has made progress. This applies, first of all, to such indicators as the quality of the education system and research organizations, access

of schools to the Internet, access to research and educational services. Significantly higher are the results of Kazakhstan, noted in the annual Report of UNESCO on monitoring education for all for 2017, according to which our country is in the top four of the leading countries according to the Education Development Index (IRO) (UNESCO, 2018). The Republic of Kazakhstan achieved high positions in the ranking as a result of compulsory and free pre-school education and eleven-year secondary education, 100% coverage by secondary education and the absence of gender discrimination.

New trends in higher education of Kazakhstan

In 2017, the number of state organizations of technical and vocational education amounted to 454, in which 281.9 thousand students were enrolled. In 2017, the number of people accepted into these educational institutions amounted to 101.2 thousand, 85.4 thousand people graduated (UNESCO, 2018). In the Address of the President of the Republic of Kazakhstan «New Development Opportunities in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution» the task was set: «to update training programs in technical and vocational education with the involvement of employers and taking into account international requirements and digital skills. It is necessary to continue the implementation of the project «Free Vocational Education for All» (Nazarbayev, 2018). This project will create conditions for the social integration of youth; will become an «elevator» to a better future. To date, the implementation of the project has begun in all regions of Kazakhstan, the first working profession is available free of charge to everyone. Another key trend of our time is the increase in enrollment in higher education, which is growing particularly rapidly in countries with developed economies. According to UNESCO, the number of students in the world over 40 years has increased 6 times (UNESCO, 2018). In Kazakhstan in the academic year 2017-2018, the number of universities was 122, in which 496,209 students were enrolled.

Gross enrollment in higher education in 2017 was 54.29%. Compared to 2000, this indicator grew by 16.53 points. This is a rather high indicator, but still insufficient, given the needs that are developing in trend 4 of the industrial revolution of the economy. The dynamics of changes in the gross enrollment of young people in higher education in Kazakhstan demonstrates strong volatility. In 2000, this indicator had the smallest values, in 2005 – the maximum (57.16 %). By 2010, it fell to 49.5, by 2015 – to

48.44%. In 2016, there was an increase of 2.7 points, in 2017, growth continued. As a transition to a qualitatively new level of higher education is taking place, it is likely that the percentage of enrollment in them will become a long-term trend. A key area in the development of higher education in Kazakhstan in line with global trends is the quality of training. The number of grants for specialties in demand in the conditions of the 4th industrial revolution was increased in the country. Only those universities that provide high quality education should remain on the educational market, and the criterion for the success of the university is the provision of employment and employment of graduates. The First President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev said: «Only those that provide high quality education should remain on the market. It is important to develop partnerships with leading universities in the world, attracting the best foreign top managers according to the experience of Nazarbayev University. I consider it necessary to create a new regional university based on the existing educational infrastructure, following the example of Nazarbayev University » (Nazarbayev, 2018). Further development of higher education in Kazakhstan in accordance with world trends will be carried out along the path of internationalization, close integration with science, production, business, massification and high quality that meets the best international standards. Thus, the high quality and accessibility of education at all levels are key factors in the country's competitiveness and success. Today, Kazakhstan is modernizing education in order to become a society with high quality human capital in the 21st century, a highly educated and intellectual nation with the knowledge, skills and competencies to build a better future.

At the same time, do not forget that today competition between national university systems and universities has intensified significantly. Almost all universities without exception participate in the race for the best applicants. So, in Kazakhstan, universities are competing not only among themselves, but also with foreign universities, including elite educational institutions in the USA and Great Britain, where education is quite expensive, as well as with universities in Central and Eastern Europe, where education, on the contrary, is inexpensive.

Conclusion: Internationalization of higher education and its influence on universities of Kazakhstan

In order to increase the importance of education as an instrument of «soft power» in Kazakhstan,

it is necessary to develop multifaceted ties with foreign universities, including creating network universities, developing exchange programs with foreign partner universities, attracting foreign teachers and students, and publishing the results of research studies by professors teaching staff in leading foreign magazines.

The process of internationalization in higher education and its impact on universities in the context of globalization can be seen in the fact that over the past three decades, the number of students studying outside their own country (or «mobile students», according to UNESCO classification) has more than quadrupled (from 0.8 million people in 1975 to 3.7 million people in 2009). Between 1975 and 2004, UNESCO marks the three most notable upsurge in international student mobility. During the first rise (1975 – 1980), the total number of «mobile students» increased by 30% – from 0.8 to 1.04 million people. The next rise was observed from 1989 to 1994, when the number of «mobile students» increased by 34%. From 1999 to 2004, there was a third rise – by 41% (Ministry of National Economy of Kazakhstan, 2018). Over the past ten years, international student mobility has continued to grow rapidly. According to forecasts, by 2020 this figure will reach 5.8 million people and 8 million people – by 2025 (Ministry of National Economy of Kazakhstan, 2018).

Today we can observe the fourth wave of «internationalization of higher education», which is a reflection of the modern processes of globalization and internationalization in the economy and society¹³. International student mobility is stimulated by various programs (in Europe these are the Erasmus, Socrates, Nordplus

programs) and can take various forms: from full-cycle programs in foreign universities to language programs. Following student mobility, international academic mobility is growing, mainly due to the activities of specialized export promotion services for educational services and the academic exchange of teachers and students, such as the French Edu France, Egide or German DAAD. In the past fifteen years, along with international student and academic mobility, new forms of internationalization have arisen and are actively developing, characterized by the cross-border mobility of universities or university programs. Software mobility, for example, may include distance learning courses offered by foreign universities. The mobility of the universities themselves involves the opening by universities of foreign campuses or the establishment of a completely new university with the capital of a foreign university. As a result of the development of globalization and internationalization of education, the social, economic and political role of universities has significantly increased. The so-called global research university model has gained wide popularity all over the world, «within the framework of which universities become active players not only in the production of new knowledge, but also in their dissemination and use through innovative activity» (Ministry of National Economy of Kazakhstan, 2018). A modern university is unthinkable without science. It is no coincidence that the Bologna Declaration specifically emphasizes that education should be based on scientific research. This means that in universities a mechanism should be created for the fastest possible introduction of innovative scientific developments into the educational process.

References

- Аскеева Г. Б., Бекеева Л. К. Нурсултан Назарбаев – прагматичный лидер XXI века. 11 Января 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://ehistory.kz/ru/contents/view/1316>
- Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. Т.4. №3(12) URL: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm>
- Булекбаев С. Б. Тюркский вклад в мировую культуру и цивилизацию. – Алматы, 2016. – 318 с.
- Hu Jintao's report at 17th Party Congress // Xinhua. 24.10.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/90001/90776/90785/6290120.html>
- ИМЭМО РАН назвал уникальным развитие Казахстана за годы независимости [Электронный ресурс]. URL: http://lenta.inform.kz/ru/ekspert-imemoran-nazval-unikal-nym-razvitie-kazahstana-za-gody-nezavisimosti_a2983118
- Карин Е. Доктрина мира Нурсултана Назарбаева // Казахстанская правда от 4 июля 2017 г. – с. 3
- Казахстан в цифрах. Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. Брошюра. Астана, 2018. – 19 с. – С.8.
- Leonova O. «Soft Power»: instruments and coefficients of impact // Observer, 2014. № 3 (301). С. 18-28. – p. 18.
- Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan. «The growth of well-being of Kazakhstan: increasing income and quality of life». October, 5, 2018. / akorda.kz. (Date of the application: 10.11.2018)

Назарбаев Н. Сегодня Центральная Азия переживает новый этап своего развития. Казахстан, Политика. 3 июля 2017 г., 13:56. [Электронный ресурс]. URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/segodnya_tsentralnaya_aziya_perezhivaet_novii_etap_svoego_razvitiya_nazarbaev

Nye J. The Means to Success in World Politics. – NY. – 2004.

Подберезкин А.И., Большова Н.Н., Подберезкина О.А. Современные университеты - кузница идей, технологий и креативного класса // Вестник МГИМО-Университета. 2012. – № 2. – С. 231.

Reiting of countries of the world in terms of education. Humanitarian Encyclopedia // Center for Humanitarian Technologies, 2006-2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (Date of application: 09.11.2018)

EFA Global Monitoring Report “Education for All 2000-2017: Achievements and Challenges”, UNESCO, 2017. - 202 p.

References

Askeeva G., Bekeeva L. Nursultan Nazarbayev – pragmatichnyi lider XXI veka. [“Nursultan Nazarbayev is the pragmatic leader of the 21st century.”] January, 11, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://ehistory.kz/ru/contents/view/1316>

Bogaturov A. Liderstvo i decentralizatsiys v mezhdunarodnoi sisteme // Mezhdunarodnye process [“Leadership and decentralization in the international system // International processes”], 2006. Т.4. № 3(12) URL: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm>

Bulekbayev C. Tyurkskiy vklad v mirovuyu kulturu i civilizatsiyu. [“Turkic contribution to world culture and civilization”] – Almaty, 2016. – 318 p.

Hu Jintao’s report at 17th Party Congress // Xinhua. 24.10.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.people.cn/90001/90776/90785/6290120.html>

IMEMO RAN nazval unikalnym razvinie Kazakhstana za gody nezavisimosti [“IMEMO RAS called the development of Kazakhstan over the years of independence unique”] [Электронный ресурс]. URL: http://lenta.inform.kz/ru/ekspert-imemoran-nazval-unikal-nym-razvitie-kazahstana-za-gody-nezavisimosti_a2983118

Karin Ye. Doctrina mira Nursultana Nazarbayeva // Kazakhstanskaya Pravda [“Doctrine of the world of Nursultan Nazarbayev // Kazakhstanskaya Pravda”], July 4, 2017. – p. 3

Kazakhstan v cifrah. Ministry of National Economy of Kazakhstan. [“Kazakhstan in numbers. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan”] Statistics. Brochure. – Astana, 2018. – 19 p. – P.8.

Leonova O. «Soft Power»: instruments and coefficients of impact // Observer, 2014. № 3 (301). С. 18-28. – p. 18.

Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan. «The growth of well-being of Kazakhstan: increasing income and quality of life». October 5, 2018. / akorda.kz. (Date of the application: 10.11.2018)

Nazarbayev N. Segodnya Centralnaya Aziya perezhivaet novyi etap svoego razvitiya. Kazakhstan, Politika. [“Nazarbayev N. Central Asia is experiencing a new stage in its development today. Kazakhstan, Politics”] July, 3, 2017. URL: https://total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/segodnya_tsentralnaya_aziya_perezhivaet_novii_etap_svoego_razvitiya_nazarbaev

Nye J. The Means to Success in World Politics. – NY. – 2004.

Подберезкин А., Большова Н., Подберезкина О. Sovremennye universitety – kuznitca idei, technologiy i kreativnogo klassa // Vestnik MGIMO [“Modern universities - a forge of ideas, technologies and creative class”], 2012. – № 2. – P. 231.

Reiting of countries of the world in terms of education. Humanitarian Encyclopedia // Center for Humanitarian Technologies, 2006-2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (Date of application: 09.11.2018)

EFA Global Monitoring Report “Education for All 2000-2017: Achievements and Challenges”, UNESCO, 2017. – 202 p.

Фоминых А.Е.

кандидат политических наук,
Поволжский государственный технологический университет,
Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола,
e-mail: alexfom@volgatech.net

**ВЫСТАВКА «ФОТОГРАФИЯ В США» В АЛМА-АТЕ (1976):
АМЕРИКАНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
В КАЗАХСКОЙ ССР**

Недолгий период «разрядки международной напряженности» характеризовался оживлением научно-технических и культурных обменов между СССР и США. Важным компонентом этого взаимодействия являлись технические и художественные выставки, представляющие передовые достижения двух сверхдержав. Осенью 1976 года в г. Алматы (в тот период – столице Казахской ССР) была показана передвижная выставка «Фотография в США», организованная Информационным агентством США (USIA). В статье анализируется выставка как часть инструментария американской публичной дипломатии в СССР, а также ее восприятие гражданами советского Казахстана, отраженное как в архивных документах USIA, так и в воспоминаниях современников. Несмотря на идеологическое противоборство двух сверхдержав, непосредственный контакт с американцами привлекал массы казахстанцев, экспозиция пользовалась большой популярностью среди жителей и гостей Алматы и вызвала широкий резонанс. Американская публичная дипломатия достаточно эффективно воздействовала на целевую аудиторию через демонстрацию технологического превосходства, а также очевидной разницы в уровне жизни и потребления между США и СССР. С точки зрения современных теорий публичной дипломатии, эффективность американских передвижных выставок эпохи разрядки в СССР представляется исключительно высокой. История культурной дипломатии периода «холодной войны» в Центральной Азии – это предметное поле, практически не охваченное исследователями, что создает перспективы для будущих совместных проектов.

Ключевые слова: публичная дипломатия, холодная война, США, культурные обмены.

Fominykh A.E.

candidate of political sciences, Volga State University of Technology,
Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola,
e-mail: alexfom@volgatech.net

**The «Photography USA» Exhibition in Alma-Ata (1976):
the US Public Diplomacy in Soviet Kazakhstan**

The short détente period brought remarkably vivid scientific and cultural exchanges between the USSR and USA. Technology and culture exhibitions played important role in these exchanges, representing the best achievements of both superpowers. In autumn of 1976 Alma-Ata, then capital of the Kazakh SSR, hosted the moving exhibition "Photography USA" organized by the United State Information Agency (USIA). The article analyzes the exhibition as a part of the US public diplomacy toolkit, and its perceptions by people of Soviet Kazakhstan reflected both in the USIA documents and in public memory. Despite the Cold war ideological confrontation, live contact with Americans attracted crowds of people in Kazakhstan, and the exhibition gained great popularity in Alma-Ata and beyond. The US public diplomacy was quite effective in reaching its focus groups by manifestation of technological supremacy and visible difference in standards of living and consumption between the United States and the Soviet Union. From the point of view of modern theories of public diplomacy, the effectiveness of American traveling exhibitions of the era of détente in the USSR seems extremely high. The history of the cultural diplomacy of the Cold War period in Central Asia is a subject field that has hardly covered by researchers, which creates prospects for future joint projects.

Key words: public diplomacy, Cold war, USA, cultural exchanges.

Фоминых А.Е.

саяси ғылымдарының кандидаты, Поволжье мемлекеттік технологиялық университеті,
Мари мемлекеттік университеті, Ресей, Йошкар-Ола қ.,
e-mail: alexfom@volgatech.net

**Алматыдағы «АҚШ-тағы сурет» көрмесі (1976):
Қазақ КСР-дегі америкалық көпшілік дипломатиясы**

«Халықаралық шиеленісті бәсеңдетудің» аз уақыттық кезеңі КСРО мен АҚШ арасындағы ғылыми-техникалық және мәдени алмасудың жандануымен сипатталады. Бұл қарым-қатынастың маңызды құрамдасы болып екі жоғары державаның алдыңғы қатарлы жетістіктерін көрсететін техникалық және көркем көрмелер табылады. 1976 жылдың күзінде Алматы қаласында (сол кездегі Қазақ КСР астанасы) АҚШ (USIA) Ақпараттық агенттігі ұйымдастырған жылжымалы «АҚШ-тағы сурет» көрмесі өткізілді. Мақалада көрме USIA мұрағат құжаттарында, сонымен қатар, замандастар естеліктерінен көрінетін КСРО-дағы америка көпшілік дипломатиясы құралының бөлігі ретінде, сонымен қатар, кеңестік Қазақстан азаматтарының оны қабылдауы талданады. Екі жоғары державаның идеологиялық қарама-қайшылықтарына қарамастан, америкалықтармен тікелей байланыс көптеген қазақстандықтарды қызықтырды, экспозиция Алматы тұрғындары мен оның қонақтары үшін танымал болып, кең резонанс тудырды. Америкалық көпшілік дипломатиясы мақсатты аудиторияға оның технологиялық басымдылықтарын, сонымен қатар, АҚШ пен КСРО арасындағы өмір сүру деңгейі мен тұтынудың айқын көрінетін айырмашылығын көрсету арқылы тиісті түрде тиімді әсерін тигізді. Қазіргі заманғы дипломатияның теориялары тұрғысынан КСРО-да ұстау дәуіріндегі америкалық саяхат көрмелерінің тиімділігі өте жоғары болып көрінеді. Орталық Азиядағы Қырғи-қабақ соғыс кезеңіндегі мәдени дипломатия тарихы зерттеушілердің алдағы уақытта бірлескен жобаларды жүзеге асырудың перспективаларын ашатын тақырыптық саласы болып табылады.

Түйін сөздер: көпшілік дипломатиясы, қырғи қабақ соғыс, АҚШ, мәдени алмасу.

Введение

Проблема реализации публичной и культурной дипломатии в условиях конфронтации представляется весьма актуальной для современных международных отношений. Устойчивые человеческие контакты, помогающие донести свое видение вызывающих противоречия проблем до партнеров по диалогу, представляются чрезвычайно важным инструментом достижения взаимопонимания, поддержания международного мира и стабильности. Обращение к сравнительно недавнему, но почти забытому опыту прошлых десятилетий оказывается полезным в свете «Холодной войны 2.0», как временами характеризуются современные отношения между ведущими мировыми державами – например, США и Россией, США и Китаем.

Объектом исследования выступают советско-американские отношения в период «холодной войны». Предметом – американские тематические выставки в СССР как часть инструментария публичной США в годы «разрядки международной напряженности». Целью исследования, выполненного в канонах case study, является, во-первых, изучение характера и содержания американских тематических выставок, истории их проведения в Казахской ССР, во-вторых – оценка эффективности публичной

дипломатии США через анализ восприятия советской аудиторией конкретной экспозиции – выставки «Фотография в США» (1976).

Выставочная деятельность была типичной формой советско-американской культурной дипломатии периода «холодной войны». Значимость таких экспозиций в эпоху до появления Интернет и цифровой революции трудно переоценить. Помимо осмотра экспонатов, посетители получали доступ – открыто и легально, пусть и на краткий срок – к информации о жизни в Соединенных Штатах, и могли вживую общаться с работавшими на выставках американскими гидами. Демонстрируемые достижения американской науки и индустрии, и, особенно, уровень потребления и качество жизни «среднестатистического американца» были призваны произвести на советских посетителей ошеломляющее впечатление, убедить их в успешности рыночной экономической модели и демократического общественного устройства. Полученные на выставках сувениры – буклеты, журналы, значки, даже полиэтиленовые пакеты в руках советских посетителей превращались в вожаемые трофеи из-за «железного занавеса». Именно поэтому Государственный департамент США рассматривал выставки как важнейший инструмент своей публичной дипломатии.

В контексте данной статьи термин «публичная дипломатия» используется в его современном прочтении как способ коммуникативного влияния государства на зарубежное общественное мнение с целью реализации определенных политических, дипломатических, военных и экономических задач (Цветкова, 2015: 186). Современная публичная дипломатия действительно похожа на пропаганду – в том смысле, что она пытается внушить определенные идеи и ценности. Однако ее фундаментальное отличие от пропаганды состоит в том, что публичная дипломатия подразумевает диалог, она «прислушивается к тому, что люди хотят сказать» (Melissen, 2007: 18). Характерно, что американцы сознательно избегали употребления термина «пропаганда» применительно к своей коммуникационной активности, направленной на зарубежную аудиторию. В современной теории международных отношений общепризнано, что словосочетание *public diplomacy* ввел в употребление в 1965 году декан Флетчерской школы права и дипломатии Университета Тафтса Э. Гуллион как эвфемизм для пропаганды, то есть в исследуемую эпоху он уже находился в употреблении (Hansen, 1989: 3-4).

В общей сложности, до распада СССР Информационное агентство США (USIA) – главный правительственный институт, ответственный за реализацию программ публичной и культурной дипломатии – провело в Советском Союзе 19 тематических выставок. Советским посетителям демонстрировалась индустриальная мощь Америки, передовые научные достижения и технические новинки, в том числе бытового назначения, а также культурные явления и произведения искусства. Почти каждая такая выставка показывалась поочередно в нескольких городах, поэтому общее число показов в 1959-1991 гг. составило 87, а география охвата включала 25 городов – как столичные мегаполисы (Москва, Ленинград, Киев), так и достаточно удаленные от союзного центра – Ташкент, Новосибирск и Владивосток (US Department of State, 2009). Большая часть таких тематических показов пришлась на недолгий период разрядки.

Союзные республики Средней Азии и Казахстан играли в программах USIA заметную, хотя и не центральную роль. Помимо радиовещания «Голоса Америки» на русском и узбекском (с 1972 г.) языке, агентство занималось распространением журнала «Америка», а также иногда

включало столицы среднеазиатских республик и Казахстана в список мест для показа передвижных экспозиций.

Хронология американских выставок в Средней Азии и Казахстане включала следующие мероприятия:

- 1971: «Образование в США» – Ташкент;
- 1975: «Технологии для американского дома» – Ташкент;
- 1976: «Фотография в США» – Алма-Ата;
- 1978-79: «Сельское хозяйство в США» – Целиноград, Душанбе;
- 1988: «Информатика в жизни США» – Ташкент;
- 1990: «Дизайн в США» – Душанбе, Алма-Ата.

Таким образом, для советского Казахстана первым опытом прямого контакта с американской публичной дипломатией (или пропагандой, как ее подавали в Советском Союзе) стала выставка «Фотография в США» (Photography USA), прошедшая осенью 1976 года в Алма-Ате. Для подавляющего большинства посетителей это была уникальная возможность приобщиться к западной культуре в непосредственном контакте с ее носителями.

К сожалению, этот эпизод почти не получил освещения в историографии холодной войны; академические публикации казахстанских историков и культурологов, посвященные этому событию, также не обнаружены. В то же время, пролить свет на события той эпохи позволяют документальные материалы из американских архивов, а также источники, которые до недавних пор воспринимались как маргинальные – в частности, воспоминания очевидцев выставки.

Источники

Основными источниками в исследовании послужили хранящиеся в Национальном архиве США в г. Колледж-Парк, штат Мэриленд (NARA) аналитические записки (меморандумы) USIA и комментарии посетителей в книгах отзывов выставки (рукописные оригиналы и их английские переводы).

Доступные как в оригинале, так и в переводе на английский язык книги отзывов выставки «Фотография в США» зафиксировали впечатления алматинцев и гостей города, которым удалось посетить экспозицию. Оригинальные отзывы с выставки в Алма-Ате охватывают период с

6 октября по 23 ноября 1976 года (машинописный перевод USIA – только до 20 октября включительно) (NARA).

Следует оговориться, что работа с такими комментариями как с историческим источником имеет свою специфику и ограничения. Во-первых, сложно определить, при каких обстоятельствах – добровольно или под давлением – была сделана та или иная запись. Во-вторых, доподлинно неизвестно, насколько полно, или, наоборот, фрагментарно представлены отзывы в архивной подборке. Наконец, не всегда у исследователя есть возможность оценить по отзывам (вернее, подписям) аудиторию мероприятия – во многих случаях остается неизвестен пол, возраст, уровень образования, этническая принадлежность, род занятий комментаторов.

Тем не менее, сохранность именно оригинальных, а не переведенных персоналом USIA книг отзывов из Алма-Аты придает этому источнику несомненную ценность, поскольку в подавляющем большинстве случаев историку приходится иметь дело с английскими переводами. Так, профессор Сьюзен Рейд, систематизировавшая массив комментариев Американской выставки в Москве 1959 г., отмечает, что сотрудники USIA весьма избирательно подходили к отбору отзывов или даже получали инструкции переводить главным образом позитивные комментарии. Некоторые отзывы самими переводчиками обозначались как фрагментарные. Кроме того, качество самих переводов нельзя назвать высоким; переводы не несут той уникальной визуальной и материальной нагрузки, которой по определению обладают подлинные книги отзывов других советских выставок эпохи «оттепели» [*в нашем случае – разрядки – Прим. автора*] с их характерным обрезом бумаги, рисунками, стрелками, вымаранными комментариями и т.п. Переводы редко содержат какую-либо социально-демографическую информацию, позволяющую привлекать к исследованию методы социологии. По этой причине систематический анализ переведенных отзывов по социальным категориям комментаторов не представляется возможным. При этом С. Рейд допускает, что такого рода исследования можно было бы проводить, основываясь на анализе используемой лексики, грамматических конструкций, почерка – при условии обладания оригинальными книгами отзывов (Reid, 2008: 871-873).

Кроме того, исследователям доступны мемуары американских гидов, работавших на передвижной экспозиции. Из их числа особенный

интерес представляют воспоминания Изабеллы Табаровски (2016; 2017), в настоящее время – научного сотрудника Института Кеннана в Вашингтоне, а также воспоминания очевидцев, в том числе публикуемые в современной казахстанской и российской блогосфере.

Не стоит пренебрегать любыми другими источниками, способными разнообразить видение исследуемых событий. Выставка достаточно хорошо задокументирована в фотографиях, однако большая часть снимков сделана в ходе показов в Тбилиси, и особенно в Новосибирске, где уже в 1977 году работал известный фотопортретист Натан Фарб. Тем не менее, фото, буклет экспозиции, значки и прочие сувениры с алматинской выставки сохранились и могут быть привлечены к работе.

Историография

Теоретически и методологически исследования советско-американских культурных обменов ведутся, как правило, в рамках «традиционной» историографии «холодной войны», а также культурной антропологии (the Soviet Studies). В науке о международных отношениях кейс американских выставок изучается с позиций теории публичной дипломатии. При этом большинство публикаций затрагивают, в основном, первое десятилетие обменов (1959-1970), в то время как выставки эпохи разрядки и перестройки остаются вне поля зрения историков и политологов.

Историографическая традиция исследований «холодной войны» помещает выставочные обмены в контекст идеологического противоборства Востока и Запада. Среди публикаций на русском языке выделяется фундаментальный труд Э.А. Иваняна «Когда говорят музы» (2007), посвященный истории связей США с Россией и Советским Союзом, в особенности в период 1950-х – 1980-х гг. Американская литература по культурной дипломатии представлена работами Йеля Ричмонда (Richmond, 1987; 2003; 2008), Уолтера Хиксона (Hixson, 1996) и ряда других авторов. Й. Ричмонд, сам в прошлом практик культурной дипломатии, выстраивает насыщенную деталями картину деятельности USIA в эпоху «холодной войны», в том числе и на советском направлении. У. Хиксон, в свою очередь, подает обмены как «постепенное культурное проникновение, которое американцы смогли организовать для экспорта своих символов, стиля жизни, потребительской культуры и стержневых ценностей общества» (Hixson, 1996: xii). Хро-

нологически книга У. Хиксона охватывает период только до начала 1960-х годов, однако она представляется весьма значимой для понимания эволюции публичной дипломатии США в последующий период. Ричард Арндт, ветеран USIA, в своем пространном труде (Arndt, 2007) анализирует становление культурной дипломатии США в XX веке, уделяя особое внимание бюрократической культуре, стоящей за реализацией программ культурных обменов.

Культурная антропология и социальные науки используют прецеденты советско-американских культурных обменов для исследования восприятия «другого» (the other) – концепта, характеризующего отношения противоборствующих лагерей в «холодной войне». В рамках настоящего исследования использовалась работа С. Рейд (Reid, 2008), в которой убедительно доказывается разнообразие реакций советских посетителей на американские выставки, в зависимости от социальной, гендерной, этнической принадлежности, политических и культурных предпочтений. Марк Липовецкий (2010), работавший с воспоминаниями Н.С. Хрущева, также выделяет неоднозначность восприятия экспозиций советским лидером, в то же время определяя эффект от проведения выставок как «травму» для коммунистической идеологии.

Определенный интерес для исследователя представляют искусствоведческие и иные работы по истории американской материальной культуры, демонстрация которой происходила на зарубежных выставках. Эндрю Джеймс Вулф (Wulf, 2015) изучает историю американских выставок с XIX до начала XXI века, указывая, что материальная культура США была важнейшим инструментом достижения победы в «битве за умы и сердца». Иллюстрированный труд Джека Мэйси и Конвэя Ллойда Моргана (Macey and Morgan, 2008) дает артистическую ретроспективу «культурной холодной войны». В работе Грегга Кастилло (Castillo, 2010) исследуется роль американского бытового дизайна как компонента публичной дипломатии и одного из сильнейших по степени воздействия средств убеждения иностранной аудитории в технологическом превосходстве США. Томас Толвасас (Tolvasas, 2010) в своей статье одним из первых обратил внимание на важнейшую роль гидов в построении человеческих контактов на выставках и разрушении пропагандистских стереотипов о враждебности американцев.

Из числа работ, посвященных непосредственно публичной дипломатии США, можно

выделить практическое пособие Аллена Хансена (Hansen, 1989), в котором выставки фигурируют в числе других средств коммуникации наряду с теле- и радиовещанием, печатью и образовательными обменами. Авторитетным автором является Николас Калл (Cull, 2008), посвятивший свое исследование истории Информационного агентства США. Публикаций по теме на русском языке сравнительно немного; из общего числа выделяется книга А.И. Кубышкина и Н.А. Цветковой «Публичная дипломатия США» (Кубышкин, Цветкова, 2013).

Таким образом, имеющиеся источники и литература способны помочь воссоздать исторический контекст культурных обменов между США и СССР в эпоху разрядки. К сожалению, выставка в Алма-Ате на этом фоне выглядит забытым эпизодом, воскресить интерес к которому и призвана данная статья.

Выставочные обмены в системе культурной дипломатии США

Несмотря на жесткое идеологическое противостояние и геополитическое соперничество, отношения СССР и США в период «холодной войны» далеко не всегда и не во всем носили конфронтационный характер. «Железный занавес» все же был проницаем, хотя каналы взаимодействия между простыми гражданами Востока и Запада были немногочисленны и находились под строгим государственным контролем, причем с обеих сторон. Это, прежде всего, касалось сферы культуры, где проникновение «чуждой» идеологии на свою территорию воспринималось особенно чувствительно как на Востоке, так и на Западе. Как следствие, конкурирующие сверхдержавы стремились урегулировать взаимные контакты в области культурных обменов. «Хрущевская оттепель» в Советском Союзе благоприятствовала некоторому смягчению антиамериканской риторики. Именно по инициативе советской стороны 27 января 1958 года в Вашингтоне было подписано первое соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях. Вошедшее в историю как «соглашение Лэйси-Зарубина» – по именам специального помощника государственного секретаря США У.С. Лэйси и посла СССР Г.Н. Зарубина – оно создавало правовую основу для будущих межгосударственных культурных и научно-технических контактов.

Следует отметить, что строгая обоюдная регламентация культурных контактов была характерна исключительно для советско-американских отношений. Как указывает Э.А. Иванян, подобные меры были немыслимы в сфере культурных связей США с другими странами мира: «представить себе англо-американский, франко-американский, да и любой официальный культурный обмен США с любой другой страной Запада было просто невозможно» (Иванян, 2007: 340-341).

Первый обмен национальными выставками между СССР и США состоялся вскоре после подписания соглашения Лэйси-Зарубина: 29 июня 1959 года в Нью-Йорке была открыта выставка «Достижения СССР в области науки, техники и культуры». В июле того же 1959 года в московском парке Сокольники при огромном стечении народа начала работу Американская национальная выставка, запомнившаяся историкам в основном благодаря знаменитым «кухонным дебатам» Н.С. Хрущева и прибывшего на торжественное открытие вице-президента США Р. Никсона. В 1960-е годы, несмотря на регулярные обострения напряженности, советско-американские выставочные обмены продолжались; «соглашение Лэйси-Зарубина» продлевалось каждые два года.

«Разрядка международной напряженности» способствовала существенному оживлению советско-американских научных и культурных контактов. В мае 1972 года состоялся знаменательный визит президента США Ричарда Никсона в Москву. Был подписан целый ряд важных межгосударственных соглашений, в том числе в области контроля над вооружениями (ОСВ-I, Договор по ПРО), а также по сотрудничеству в космосе (будущий проект «Аполлон-Союз»).

19 июня 1973 г. в Вашингтоне было подписано Общее соглашение между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве на период до 31 декабря 1979 года. Культурные и научно-технические связи заметно оживились. До конца 1970-х было создано около 240 двусторонних рабочих групп и комиссий, которые занимались реализацией совместных исследовательских проектов. Тысячи ученых и деятелей культуры участвовали в межгосударственных программах обмена (Richmond, 2008: 137-138). Активизировалась гастрольная, книгоиздательская деятельность: только с 1971 по 1975 год в СССР было издано 1606 наименований книг американских авторов общим тиражом 49 млн. экземпляров, при этом четверть названий и бо-

лее половины тиража приходилась на художественную литературу (Иванян, 2007: 388-389). В 1976 году вышел на экраны первый совместный советско-американский художественный фильм «Синяя птица».

Несмотря на обозначившееся потепление, советско-американские культурные обмены в период разрядки по-прежнему окружала атмосфера взаимной подозрительности и недоверия. Информационный фон для взаимодействия оставался, в основном, негативным: Соединенные Штаты увязали во вьетнамском конфликте, продолжалась конфронтация на Ближнем Востоке. Советский Союз подвергался международному давлению из-за нарушений прав человека и гражданских свобод. Самыми яркими эпизодами середины 1970-х годов стали кампании в поддержку свободы эмиграции советских евреев (т.н. «отказников»). В 1974 году стал «невозвращенцем» знаменитый танцовщик Большого театра Михаил Барышников; были вынуждены выехать из страны М.Л. Ростропович и Г.П. Вишневская, был выдворен будущий Нобелевский лауреат Александр Солженицын (в 1975 году обосновавшийся в США). В США регулярно происходили не только антисоветские пикеты и демонстрации, но и физические нападения на дипломатов и культурных агентов СССР, попытки срыва выставок и концертов советских артистов.

Помимо непростой политической обстановки, сам процесс организации международных передвижных выставок в доцифровую эпоху была очень непростым предприятием, требовавшим немало финансовых и трудовых затрат. Например, чтобы напечатать буклеты выставки требовалось послать макет из США в типографию, расположенную в Маниле или Бейруте, и уже оттуда переправить готовый тираж в Москву. Сама выставка, по впечатлениям устроителей из USIA, напоминала передвижной цирк шапито. Ветеран агентства Гэйл Бекер вспоминает детали: «Выставочные образцы перевозились в десятифутовых контейнерах, количество которых могло достигать двадцати. Все это хозяйство было просто гигантским, просто потому, что мы не могли отправить за границу одну только выставку. Там, например, был запас туалетной бумаги из расчета на 30 человек на два месяца... Также мы стали направлять на каждую выставку медсестру или врача. Там были не только гиды, но и административно-технический персонал. Поэтому и бюджет был огромный. До окончания показов, то есть до 1980-х годов, подгото-

вить выставку, перевезти ее, нанять персонал и показать в 6 городах стоило порядка 20 миллионов долларов. Это были большие деньги. И все делалось в очень сжатые сроки. Все должно было быть на складе в Бруклине к назначенной дате и быть готовым к погрузке на судно. Затем груз шел в Европу, откуда на грузовиках или по железной дороге направлялся в город первого показа» (Tabarovski, 2016).

Америка приходит в Алма-Ату

Местом проведения выставки в Алма-Ате была определена территория в районе Дворца спорта им. 50-летия Октября (в настоящее время – Дворец спорта и культуры им. Балуана Шолака). Сама выставка представляла собой систему сборных павильонов (модулей) из пластика и текстиля на металлических каркасах, где размещались стенды, экспонаты и работали гиды. Интересно, что в обустройстве и последующем демонтаже экспозиции принимали участие сами сотрудники USIA. Так, сохранились фото, на которых запечатлен Джон Байерли (в 2008-2011 гг. – посол США в России), разбирающий конструкции павильонов. О выставке информировал большой баннер с логотипом (стилизованным изображением американского флага и фото-пленки), растянутый перед входом на экспозицию. От USIA мероприятие курировал директор выставки Фрэнк Урсина (Frank Ursina) и его заместитель Том Робертсон (Thomas Robertson) – будущий посол США в Словении и советник по России в Совете национальной безопасности США.

Выбор фотографии в качестве центральной темы американской выставки в СССР 1976 года как искусства и области применения самых передовых технологических решений не был случайным. Буклет экспозиции, который раздавали всем посетителям показа, открывался обращением новоизбранного президента США Джимми Картера: «Фотография – самое молодое среди всех изобразительных искусств. Являясь средством общения между людьми, она оказывала заметное влияние на происходившие в нашем мире перемены. Благодаря своей способности воспроизведения образов, понятных каждому, фотография помогает ликвидировать разрывы, как между отдаленными друг от друга странами, так и между поколениями. И американский народ, и народы Советского Союза – энтузиасты фотографии... Я надеюсь, что в лежащие перед нами годы будет неуклонно расширяться поток

взаимопонимания и сотрудничества между нашими народами» (Фотография в США, 1976).

Примечательно, что выставка практически совпала по времени с кампанией по выборам президента США (1976) после уотергейтского скандала и отставки Р. Никсона. По итогам выборов 2 ноября 1976 года 39-м президентом Соединенных Штатов был избран Джимми Картер. Но он должен был вступить в должность 20 января 1977 г., поэтому формально президентом оставался Джеральд Форд, и именно Форду адресованы многие комментарии алматинцев в книгах отзывов.

Открытие выставки 6 октября 1976 года почтили присутствием представители республиканского и городского руководства. В частности, сохранились фото, запечатлевшие визит на открытие выставки председателя Алма-Атинского горисполкома Компартии Казахстана Кенеса Аухадиева (U.S. Department of State, 2009). Однако информационное освещение мероприятия со стороны советских СМИ было сведено к минимуму (как это, впрочем, практиковалось еще со времен первой Американской национальной выставки в Москве 1959 года). Однако отсутствие информации в печати, по радио или телевидению компенсировалось слухами; «сарафанное радио» доносило до людей сведения о приехавших в город американцах и суперсовременных новинках фототехники, которые можно посмотреть во Дворце спорта, поэтому поток посетителей шел почти бесперебойно.

Всем гостям при входе дарили сувенирные эмалевые значки с эмблемой выставки и глянцевого буклет с описанием экспозиции (который сам по себе был прекрасным образцом современного графического дизайна). Кроме вступительного очерка истории фотоискусства в США в нем содержались инновационные для советского человека тезисы о роли фотографии в искусстве рекламы, науке, современном фоторепортаже в журналистике. USIA отобрало для показа более 400 работ именитых американских фотомастеров, таких как Роберт Капа, Джерри Уилсмен, Алексей Бродович (русский по происхождению, переехал в США в 1930 г.), Ван Дерен Кок, Робин Перри, Бен Роуз, Джон Майзел, Ричард Горовиц, Флип Шулке, Мэри Эллен Марк и другие. Изабелла Табаровски (Табаровски, 2017) вспоминает: «В спартанских условиях суровой советской действительности вывешенные на стенах фотографии очаровывали, производя сильное впечатление. Здесь были представлены самые последние достижения американской

фототехнологии, а также большое разнообразие объектов, включая фото показа мод под водой, стоп-кадр летящей пули, художественные снимки полуобнаженных моделей, от которых у советского цензора волосы встали бы дыбом».

Американская выставка глазами алматинцев

Аналитические записки USIA, отзывы и воспоминания советских посетителей выставки и работавших на ней американских гидов позволяют выстроить многомерную картину события и реконструировать различные грани восприятия американской культуры (и шире – Америки) жителями и гостями Алма-Аты осени 1976 года.

Если одних зрителей завораживала фотография моды или спорта, то другие все внимание уделяли техническим достижениям наподобие голографии, макросъемки или чудо-новинкам – суперкомпактному (по тем временам) фотоаппарату «Кодак Истматик» или камере Polaroid SX-70 с функцией моментальной печати фотографий. «Полароид» вообще был, пожалуй, самым популярным экспонатом: моментальные снимки предлагалось сделать всем желающим. Таковых оказалось слишком много, и у стенда моментальной фотографии всегда была толпа. Зрители также могли наблюдать за процессом проявки снимков – для этого была сооружена темная комната со стеной из специального стекла.

В USIA очень грамотно подошли к формированию содержательной части экспозиции, не забывая за художественными образами донести идеологическую составляющую. Так, в программу удачно вписались фотографии, сделанные на Луне астронавтами НАСА – высадка американцев на Луне в 1969 году почти не освещалась в Советском Союзе, поскольку воспринималась партийным руководством как поражение в космической гонке супердержав. Фотограф Натан Фарб, работавший на той же выставке, но уже в Новосибирске (1977), вспоминал: «Все знают, что Советы первыми рванули в космос, но потом американцы отправили на Луну человека и выиграли космическую гонку. Фотографии с Луны были гвоздем нашего шоу. Высшей формой американской магии» (Филимонов, 2017). Гид USIA Роберт Хаузер вспоминал: «В Алма-Ате один мальчик задал вопрос: правда ли, что Никсон летал на Луну? И я подумал: вот это да! (wow), сюда все-таки доходят какие-то слухи» (Tabarovski, 2016).

Стоит отметить, что сильнейшее психологическое воздействие на посетителей оказывали не только (и не столько) экспонаты сами по себе, сколько внушаемое выставкой представление о *доступности* всех демонстрируемых товаров и технологий обычным гражданам. В условиях довольно скромного советского быта и уже обозначившегося товарного дефицита фокус американских устроителей на консьюмеризм был, возможно, гораздо более сильным средством пропаганды, чем «подрывная» антисоветская литература или вещание «Голоса Америки».

Так, посетители онлайн-форума «Все вместе» в дискуссии «Строим Алматы из воспоминаний» оставили свои заметки о выставке «Фотография в США»:

«Насколько я помню, это был октябрь 76-го года, тротуары в листе... Значок этот у меня до сих пор хранится где-то, года два назад я его встречал, круглый такой. Классная была выставка, и во Дворец спорта пошел весь город, а учителя в школе проводили беседы о тлетворном влиянии Запада. Но, образ потенциального врага был разрушен в наивной детской душе».

«...Значок у меня до сих пор сохранился. А журнал, как тут уже рассказывали, – раздербанили. Водители вырезали фото девушек (блондинка в красном, блондинка с платком на голове, в полный рост, реклама пеньюаров фирмы «Сира», реклама губной помады) и украшали автобусы и троллейбусы. А фото американского салата и яичницы мы, школьницы, использовали для украшения тетрадок, куда записывали рецепты на уроках домоводства» (Все вместе, 2019).

Хранящиеся в Национальном архиве США книги отзывов выставки зафиксировали впечатления алматинцев и гостей города, которым удалось посетить американскую экспозицию. Следует оговориться, что работа с отзывами как историческим источником имеет свою специфику и ограничения. Во-первых, сложно определить, при каких обстоятельствах – добровольно или под давлением – была сделана та или иная запись. Во-вторых, доподлинно неизвестно, насколько полно, или, наоборот, фрагментарно представлены отзывы в архивной подборке. Наконец, не всегда у исследователя есть возможность оценить по отзывам (вернее, подписям) аудиторию мероприятия – во многих случаях остается неизвестен пол, возраст, уровень образования, этническая принадлежность, род занятий комментаторов. Тем не менее, сохранность именно оригинальных, а не переведенных пер-

соналом USIA книг отзывов из Алма-Аты придает этому источнику несомненную ценность, поскольку в подавляющем большинстве случаев историку приходится иметь дело с английскими переводами. Профессор Сьюзен Рейд, систематизировавшая массив комментариев Американской выставки в Москве 1959 г., отмечает, что сотрудники USIA весьма избирательно подходили к отбору отзывов или даже получали инструкции переводить главным образом позитивные комментарии. Некоторые отзывы самими переводчиками обозначались как фрагментарные. Кроме того, качество самих переводов нельзя назвать высоким; переводы не несут той уникальной визуальной и материальной нагрузки, которой по определению обладают подлинные книги отзывов других советских выставок эпохи «оттепели» [*в нашем случае – разрядки – Прим. автора*] с их характерным обрезом бумаги, рисунками, стрелками, вымаранными комментариями и т.п. Переводы редко содержат какую-либо социально-демографическую информацию, позволяющую привлекать к исследованию методы социологии. По этой причине систематический анализ переведенных отзывов по социальным категориям комментаторов не представляется возможным. При этом С. Рейд допускает, что такого рода исследования можно было бы проводить, основываясь на анализе используемой лексики, грамматических конструкций, почерка – при условии обладания оригинальными книгами отзывов (Reid, 2008: 871-873).

Оригинальные отзывы с выставки в Алма-Ате охватывают период с 6 октября по 23 ноября 1976 года (машинописный перевод USIA – только до 20 октября включительно). Следует отметить, что подавляющее большинство записей имеют позитивный характер – это выражения благодарности, признательности и перечисление достоинств экспозиции (орфография источника сохранена):

«Большой вам о'кей. Гениально!» [подпись: 9 «Б», 81 шк. Харин Игорь].

«Студенты Алма-Атинского музыкального училища очень благодарны вам за прекрасные работы. Мы остались очень довольны. Спасибо!» [подписи, 6/X-76 г.].

«Америка, это грандиозная чудо-лаборатория последних научно-технических и социальных достижений современности. Об этом свидетельствует выставка «USA-76» в Алма-Ате. Горячий привет американскому народу! Peace and Friendship! [подпись: Александр Сачков. 6.10.1976 г.].»

«Торопился ужасно, потому что не знал, когда именно начнется выставка. Впечатлений масса. В основном эти впечатления связаны с непосредственным общением с американцами. Именно такие встречи, беседы на различные, интересующие как их, так и нас, темы (относительно техники и аппаратуры, то и она вызывает самые лестные отзывы) сближают наши, не побоюсь сказать, великие народы» [подпись: Авиатехник 4 разряда Махметов Тулеген] (NARA).

Что касается отзывов скептического характера, то они в большинстве своем укладываются в схему, предложенную С. Рейд применительно к восприятию выставки в Сокольниках 1959 г. – разумеется, с поправкой на место и время.

Догоним и перегоним (To Catch up and Overtake). Суть подобных отзывов сводится примерно к следующему: да, американцы добились серьезных успехов в развитии, но подождите немного – и у Советского Союза будет то же самое, и даже больше и лучше.

Не настоящая Америка (Not the «Real Thing»). Многие советские граждане откровенно не верили показанному на выставке уровню материального благосостояния населения США; подозревали, что организаторы скрывают истинное положение дел, в то время как «простым американцам» демонстрируемые на выставке инновации недоступны.

Сомнительность американских достижений, демонстрируемых на выставке (Questioning the Modernity). Аргументами советских комментаторов в заочной полемике с американцами становились достижения социализма: социальная справедливость, бесплатное образование и здравоохранение, пенсионное обеспечение, а также недостатки американского общества: социальное неравенство, наличие бедных и малограмотных, расовая дискриминация, ограниченный доступ к образованию и достижениям культуры (Reid, 2008: 902-903). Снова обратимся к отзывам гостей выставки «Фотография в США» в Алма-Ате:

«Мне представляется, что данная выставка по тематике не совсем продумана. Главная цель ее – вызвать сенсацию. Это, несомненно, удастся, поскольку большинство иллюстраций по характеру – сенсационны. Нет рабочего класса Америки, чем живет ее трудовой народ? С точки зрения искусства большинство снимков, в частности, портретных – не жизненны, т.е. в них воочию чувствуется позирование. Что касается техники фотографий, то она во многом совершенна» [подпись: Петров. 6.10.76].

«Фотоискусство прекрасно! Жаль, что оно не передает жизнь народа вашей страны» [подпись: Группа учителей].

«На выставке представлены безупречные в техническом отношении снимки, но в СССР есть мастера, в художественном отношении стоящие несколько не ниже представленных...» [подпись: Просто посетитель]».

«У вас дискриминация. Выставку не обслуживает ни один темнокожий» [подпись: Студент] (NARA).

Выставка «Фотография в США» 1976 года в Алма-Ате уникальна еще и по наличию в архивах NARA своеобразных документальных свидетельств антиамериканских настроений в советском обществе. Дело в том, что в обязанности гидов выставки входил сбор и фиксация различного рода обращений, анонимных писем самого различного характера – от запросов в содействии в эмиграции до антисоветских записок и памфлетов. В архиве (NARA) сохранены переданные (подброшенные?) манифесты в стихах:

«Наши выставки вы громите,
Убиваете наших послов,
Может, бомбу сбросить хотите?
Мы вам сбросим тогда, поглядите!
Не забыли военных годов?»

«Пусть смеется Пентагон,
И грызет свой апельсин,
Есть у вас Мерилин Монро,
А мы верим в КОММУНИЗМ!»

[подпись: ГРУППА ПАТРИОТОВ «АЛФА»]

Вероятнее всего, американские устроители выставки стали мишенью для советских граждан, возмущенных убийством в Вашингтоне сотрудника советского посольства Сергея Васильевича Степанова. Покушение произошло вечером 3 октября 1976 года; Степанов получил смертельное огнестрельное ранение в голову при выходе из продуктового супермаркета. Основной версией нападения полиция назвала ограбление, хотя все вещи и ценности дипломата оставались при нем (*Around the Nation*, 1976). Это происшествие дало повод для слухов о «войнах» спецслужб. Для нас, между тем, имеет значение, в какой непростой политической обстановке происходила реализация программ культурных обменов между СССР и США в 1970-е годы.

В этих условиях приходилось работать американским гидам выставки. Обслуживающий экспозицию коллектив включал около 30 человек,

как кадровых дипломатов и сотрудников USIA, так и стажеров – в основном, студентов, изучающих русский язык, историю и культуру. Джон Олдридж, один из гидов, вспоминал: «USIA хотело представить через них географию всей страны. Они хотели, чтобы половина гидов были женщины, половина – мужчины, чтобы среди них были коренные американцы и афроамериканцы. Все должны были говорить по-русски, но было еще требование номер один: они хотели нанять людей с быстрой реакцией» (Tabarovski, 2016). Именно экскурсоводы – «молодые, дружелюбные, легко идущие на контакт американцы, которые день за днем демонстрировали оборудование и отвечали на вопросы советских посетителей», стали самым главным экспонатом выставки. Помимо хорошего знания русского языка и владения базовой информацией о США, экскурсоводы USIA должны были уметь легко идти на контакт и достойно представлять самих себя. «В глазах USIA эти молодые люди, каждый со своей индивидуальностью, собственными политическими взглядами (и отсутствием страха делиться ими), культурными предпочтениями и личными перспективами – и были лучшим американским брэндом – тем, который резко контрастировал с навязанным одинаковым образом мысли в Советском Союзе... Разговорчивая и искренняя американская молодежь, стоящая среди толпы советских посетителей, честно и непосредственно отвечающая на их вопросы, должна были воплощать в себе все, чего так боялась советская система» (Tabarovski, 2016).

Воспоминания гидов удивительным образом передают атмосферу места и времени, характерные детали восприятия советской аудиторией представителей иной культуры и идеологии. Именно в общении с гидами – на русском языке! – выяснялись многие особенности жизни в США. Так, многих посетителей удивляло, что девушки-гиды в свои двадцать «с хвостиком» лет не были замужем и не имели детей. По воспоминаниям гида Тима Бикертонa, 95 % вопросов аудитории касались повседневной жизни в США. В беседах с гидами советские посетители могли задавать самые разнообразные, подчас шокирующие вопросы, например: «Есть ли у американских коров вставные зубы?» «Правда ли, что американские женщины вынашивают детей 5 месяцев?». Иногда тональность таких вопросов была достаточно враждебной («Почему вы бомбили наших моряков во Вьетнаме?» «Почему вы убиваете чернокожих?»)» (Табаровски, 2017).

Наряду с этим ежедневно возникали ситуации с т.н. «агитаторами» – добровольными или специально направляемыми на выставку зачинщиками дискуссий, которые задавали гидам «неудобные» вопросы о войне во Вьетнаме, расовой дискриминации, разгуле преступности в США и т.п. Временами «агитаторы» своей напористостью и эмоциональным давлением даже доводили некоторых гидов до слез.

Однако к работе в таких условиях USIA было вполне подготовлено. Роланд Мерулло вспоминал, что перед выставками проходили обязательные тренинги по безопасности, на которых молодых гидов предупреждали об угрозах провокаций со стороны КГБ. Иногда такой инструктаж приводил к паранойе, когда гиды испытывали тревогу в ожидании происков всесильной советской спецслужбы (Tabarovski, 2017). Впрочем, за время работы в СССР американские гиды почти привыкали к провокациям и слежке, иногда даже демонстративной.

Тем не менее, в большинстве случаев общение носило доброжелательный, подчеркнуто вежливый характер. Многие советские посетители выставки, не готовые делиться с гидами своими откровенными мыслями о жизни в СССР и советско-американских отношениях, находили иные способы выражения симпатии: приглашали американцев в гости к себе домой или на дачу, дарили недорогие, но символически важные подарки.

Заключение

Возникает резонный вопрос: почему же руководство СССР допускало проведение на своей территории программ американской публичной дипломатии, прекрасно осознавая степень сильнейшего психологического воздействия на советское население? Ответ кроется в том, что программа выставок входила в не подлежащую пересмотру часть соглашения об обменах и сотрудничестве, которое рассматривалось Москвой как важный канал поступления в страну валютной выручки и новых технологий. Поэтому с американскими выставками, которые, несомненно, подрывали устои советского строя и несли «тлетворное влияние Запада», приходилось смириться как с неизбежным злом (хотя и сами экспозиции предоставляли возможность заниматься промышленным шпионажем почти открыто).

С точки зрения современных теорий публичной дипломатии, эффективность американских передвижных выставок эпохи разрядки в СССР представляется исключительно высокой. В условиях советского товарного дефицита и искусственного информационного голода – в том числе по общению с представителями иных стран и культур – такие показы ненадолго становились окном в большой мир. Как пишет И. Табаровски, «Прорываясь сквозь оболочку пропаганды и политической риторики, USIA помогло обычным американцам и советским гражданам найти что-то общее во времена Холодной войны, когда достичь этого было сложно. Несмотря на то, что в итоге программа выставок разрослась и стала бесконечно дорогостоящей, она десятилетиями позволяла гражданам двух враждующих стран находить возможности для общения друг с другом. Вполне вероятно, что эта программа в итоге явилась одной из наиболее успешных кампаний «завоевания умов и душ», которая когда-либо проводилась Соединенными Штатами» (Табаровски, 2017).

В атмосфере взаимного недоверия «холодной войны» культурные связи чаще всего приносились в жертву политическим интересам соперничающих сверхдержав. Так произошло и с обменом выставками, который прервался в 1979 году после ввода советских войск в Афганистан. По образному выражению Э.А. Иваняна, за шагом вперед в сфере культурного сотрудничества следовал, как правило, шаг, а то и два назад: «То, что удавалось реализовать, было, скорее результатом своеобразной инерции, набранной в предшествующие годы, чем подуманным и сознательным шагом, направленным на преодоление постоянно возникающих препятствий на пути культурного сотрудничества между СССР и США» (Иванян, 2007: 399).

С сожалением приходится признать, что история повторяется (*history repeats itself*) – в том числе, и в сфере современных культурных контактов между Соединенными Штатами и Российской Федерацией как правопреемницей СССР. В то же время, эта конфронтация практически не затронула другие бывшие советские республики, в том числе Казахстан. История культурной дипломатии периода «холодной войны» в Центральной Азии – это предметное поле, практически не охваченное исследователями, что создает перспективы для будущих совместных проектов.

Литература

- Все вместе. Строим Алматы из воспоминаний / Форумы, режим доступа: <https://vse.kz/topic/45458-stroim-almati-iz-vospominanii/page-117>
- Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. – М.: Международные отношения, 2007. – 432 с.
- Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 271 с.
- Липовецкий М. «Зная лимоны»: Американская выставка в мемуарах Хрущева // *Ab Imperio*, 2/2010. – С. 171-186.
- Табаровски И. Поставить себя на место другого. Взгляд сквозь железный занавес / Наш Техас. 2017. Август. Выпуск # 452, режим доступа: <http://ourtx.com/archives/34602>
- Филимонов А. Сеанс американской магии в советской Сибири. Интервью / Сибирь. Реалии. Декабрь 27, 2017, режим доступа: <https://www.sibreal.org/a/28928872.html>
- Фотография в США. Буклет выставки, 1976.
- Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (54), С. 186-189.
- Arndt, R. (2007). *The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century*. Potomac Books, 608 p.
- Around the Nation (1976, October 4). *The New York Times*. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/1976/10/04/archives/around-the-nation-optimism-on-agreement-fades-in-auto-talks-senator.html>
- Castillo, G. (2010). *Cold War on the Home Front: The Soft Power of Midcentury Design*. University of Minnesota Press, 304 p.
- Cull, N. (2008). *The Cold War and the United States Information Agency*. New York: Cambridge University Press, 568 p.
- Hansen, A. (1989). *USIA, Public Diplomacy in the Computer Age*. New York – Westport, Connecticut: Praeger.
- Hixson, W. (1996). *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945-1961*. New York: St. Martin's Press, xvi + 283 p.
- Masey, J. and Morgan, C.L. (2008). *Cold War Confrontation: U.S. Exhibitions and Their Role in the Cultural Cold War*. Baden, Switzerland: Lars Muller Publishers, 423 p.
- Melissen, J. (2007). *The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice*. In: *The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age (Studies in Diplomacy and International Relations)* / Ed. Jan Melissen, Donna Lee and Paul Sharp – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 221 p., pp. 3-27.
- NARA – National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Office of Exhibits, «Comment Books and Lists of Visitors Related to U.S. Exhibits in the U.S.S.R, Rumania, and Bulgaria. R&D Exhibit Donetsk, 1972 to Outdoor Recreation- USA: Kishinev. Box No. 1».
- Reid, S. (2008). Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. No. 4. Pp. 855-904.
- Richmond, Y. (1987). *U.S.-Soviet cultural exchanges, 1958-1986: Who wins? (Westview special studies on the Soviet Union and Eastern Europe)*. Westview Press, 170 p.
- Richmond, Y. (2003). *Cultural Exchange & the Cold War: Raising the Iron Curtain*. Penn State Press, 249 p.
- Richmond, Y. (2008). *Practicing Public Diplomacy: A Cold War Odyssey (Explorations in Culture and International History)*. Berghahn Books, 192 p.
- Tabarovskiy, I. (2016) «A Tribe of Exhibit People»: American Guides Recall Soviet Journey. *The Wilson Quarterly*. Fall 2016: The Lasting Legacy of the Cold War. Retrieved from: <https://wilsonquarterly.com/quarterly/thelastinglegacyofthecoldwar/Atribeofexhibitpeopleamericanguidesrecallsovietjourney>
- Tolvaisas, T. (2010). «Cold War «Bridge-Building»: U.S. Exchange Exhibits and Their Reception in the Soviet Union, 1959–1967». *Journal of Cold War Studies*, Fall 2010, Vol. 12, No. 4, pp. 3-31.
- U.S. Department of State (2009). 50th Anniversary of the American Exhibits to the U.S.S.R. Diplomacy in action, retrieved from: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/ci/rs/c26473.htm>
- Wulf, A. J. (2015). *U.S. International Exhibitions during the Cold War: Winning Hearts and Minds through Cultural Diplomacy*. Roman and Littlefield Publishers, 356 p.

References

- Vse vmeste. Stroim Almaty iz vospominaniy. Forумы. Retrieved from: <https://vse.kz/topic/45458-stroim-almati-iz-vospominanii/page-117> (in Russian).
- Ivanyan, E. (2007). *Kogda govoryat muzy: Istoriya rossiysko-amerikanskikh kulturnykh svyazei* [When the Muses Speak: History of Russian-American Cultural Ties] (Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2007), 432 p. (in Russian).
- Kubyshkin, A. and Tsvetkova, N. (2013) *Publichnaya diplomatiya S Sh A* [The US Public Diplomacy]. Moscow: Aspekt Press, 271 p. (in Russian).
- Lipovetsky, M. (2010). «Znaya limony»: Amerikanskaya vystavka v memuarakh Khrushcheva [«Knowing Lemons»: The American Exhibition in Khrushchev's Memoirs]. *AbImperio*, 2/2010, pp. 171-186 (in Russian).
- Tabarovskiy, I. (2017, August). Postavit sebya na mesto drugogo. Vzglyad skvoz zheleznyi zhanaves. In: *Nash Tekhas. # 452*. Retrieved from: <http://ourtx.com/archives/34602> (in Russian).
- Filimonov, A. (2017, December 27). Seans amerikanskoi magii v Sibiri. Sibir. Realii. Retrieved from: <https://www.sibreal.org/a/28928872.html> (in Russian).

- Photography USA (1976): a booklet from the exhibition (in Russian).
- Tzvetkova N.A. (2015). Publichnaya diplomatiya S Sh A: teorii I konceptsii. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie I yuridicheskie nauki, kulturologiya I iskusstvovedenie. Voprosy teorii I praktiki. № 4-1 (54), pp. 186-189 (in Russian).
- Arndt, R. (2007). *The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century*. Potomac Books, 608 p.
- Around the Nation (1976, October 4). *The New York Times*. Retrieved from: <https://www.nytimes.com/1976/10/04/archives/around-the-nation-optimism-on-agreement-fades-in-auto-talks-senator.html>
- Castillo, G. (2010). *Cold War on the Home Front: The Soft Power of Midcentury Design*. University of Minnesota Press, 304 p.
- Cull, N. (2008). *The Cold War and the United States Information Agency*. New York: Cambridge University Press, 568 p.
- Hansen, A. (1989). *USIA, Public Diplomacy in the Computer Age*. New York – Westport, Connecticut: Praeger.
- Hixson, W. (1996). *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945-1961*. New York: St. Martin's Press, xvi + 283 p.
- Masey, J. and Morgan, C.L. (2008). *Cold War Confrontation: U.S. Exhibitions and Their Role in the Cultural Cold War*. Baden, Switzerland: Lars Muller Publishers, 423 p.
- Melissen, J. (2007). *The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice*. In: *The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age (Studies in Diplomacy and International Relations)* / Ed. Jan Melissen, Donna Lee and Paul Sharp – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 221 p., pp. 3-27.
- NARA – National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Office of Exhibits, «Comment Books and Lists of Visitors Related to U.S. Exhibits in the U.S.S.R, Rumania, and Bulgaria. R&D Exhibit Donetsk, 1972 to Outdoor Recreation- USA: Kishinev. Box No. 1».
- Reid, S. (2008). Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. No. 4. Pp. 855-904.
- Richmond, Y. (1987). *U.S.-Soviet cultural exchanges, 1958-1986: Who wins? (Westview special studies on the Soviet Union and Eastern Europe)*. Westview Press, 170 p.
- Richmond, Y. (2003). *Cultural Exchange & the Cold War: Raising the Iron Curtain*. Penn State Press, 249 p.
- Richmond, Y. (2008). *Practicing Public Diplomacy: A Cold War Odyssey (Explorations in Culture and International History)*. Berghahn Books, 192 p.
- Tabarovsky, I. (2016) «A Tribe of Exhibit People»: American Guides Recall Soviet Journey. *The Wilson Quarterly*. Fall 2016: The Lasting Legacy of the Cold War. Retrieved from: <https://wilsonquarterly.com/quarterly/thelastinglegacyofthecoldwar/Atribeofexhibitpeopleamericanguidesrecallsovietjourney>
- Tolvasias, T. (2010). «Cold War «Bridge-Building»: U.S. Exchange Exhibits and Their Reception in the Soviet Union, 1959–1967». *Journal of Cold War Studies*, Fall 2010, Vol. 12, No. 4, pp. 3-31.
- U.S. Department of State (2009). 50th Anniversary of the American Exhibits to the U.S.S.R. Diplomacy in action, retrieved from: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/ci/rs/c26473.htm>
- Wulf, A. J. (2015). *U.S. International Exhibitions during the Cold War: Winning Hearts and Minds through Cultural Diplomacy*. Roman and Littlefield Publishers, 356 p.

2-бөлім
**ӘЛЕМДІК САЯСАТ ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҢ
ҚАЗІРГІ МӘСЕЛЕЛЕРІ**

Section 2
**CURRENT ISSUES
OF WORLD POLITICS AND
INTERNATIONAL LAW**

Раздел 2
**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Ахметов Е.

доктор Ph.D, доцент кафедры юриспруденции,
Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем,
Казахстан, г. Уральск, e-mail: mup_ereke2019@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Статья посвящена исследованию истории функционирования отдельных коллективных учреждений, действовавших в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 50–70-е гг. XX века, а также имевшим место проблемам международно-правового обеспечения военно-политической безопасности в данном регионе.

На современном этапе Азиатско-Тихоокеанский регион является осью широкомасштабной геополитической системы, соединяя диаметрально различные по уровню развития государства региона в единый, комплексный механизм взаимодействия. В данных условиях Казахстан не может недооценивать важность данного региона с точки зрения политических и экономических интересов. Также стоит отметить, что неоднородность пространства Азиатско-Тихоокеанского региона в политическом, экономическом и культурном плане, затрудняющая процесс создания институтов региональной безопасности, претерпевает в последнее время некоторые изменения.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе анализа международных документов, статистического обзора, научных взглядов, а также правоприменительной практики показать историю функционирования отдельных коллективных учреждений в военно-политической сфере и определить перспективы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в части военно-политического измерения.

Предметом данного исследования являются механизмы функционирования некоторых организаций, действовавших в Азиатско-Тихоокеанском регионе в сфере обеспечения военно-политической безопасности.

Научная и практическая значимость работы состоит в том, что она может быть использована в правоприменительной деятельности органов внешних сношений Республики Казахстан, при международно-правовой оценке, а также послужить в дальнейшем базой для других аналогичных исследований.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Азия, военно-политический аспект, ООН, региональная безопасность.

Akhmetov Y.

PhD, Associate Professor, Department of Jurisprudence,
Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication systems,
Kazakhstan, Ural'sk, e-mail: mup_ereke2019@mail.ru

**Features of the functioning of individual collective institutions in the field
of security in the Asia-Pacific region
(historical and legal aspect)**

The article is devoted to the study of the history of the functioning of individual collective institutions that functioned in the Asia-Pacific region in the 1950s–1970s. XX century and the problems of international legal support of military-political security in the region.

At the present stage, the Asia-Pacific region is the axis of a large-scale geopolitical system, connecting diametrically different in terms of the level of development of the state of the region into a single, integrated mechanism of interaction. Under these conditions, Kazakhstan cannot underestimate the importance of this region in terms of political and economic interests. It is also worth noting that the heterogeneity of the space of the Asia-Pacific region in political, economic and cultural terms, complicating the process of creating institutions of regional security, has recently undergone some changes.

The purpose of the article is to show, based on the analysis of international documents, statistical review, scientific views, and law enforcement practice, the history of the functioning of individual collective institutions in the military-political sphere and determine the prospects for security in the Asia-Pacific region in terms of the military-political dimension.

The subject of this study is the mechanisms of operation and activities of some organizations that functioned in the Asia-Pacific region in the field of military-political security.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that it can be used in law enforcement activities of the external relations bodies of the Republic of Kazakhstan, in the development of international legal assessment, and serve as a basis for other similar studies.

Key words: Asia-Pacific region, East Asia, politico-military aspect, UN, regional security.

Ахметов Е.

PhD докторы, заңтану кафедрасының доценті,
Қазақстан инновациялық және телекоммуникациялық жүйелер университеті,
Қазақстан, Орал қ., e-mail: mur_ereke2019@mail.ru

**Азия-Тынықмұхиты аймағындағы қауіпсіздік саласындағы
бөлек ұжымдық мекемелердің қызмет жасауының ерекшеліктері
(тарихи-құқықтық аспекті)**

Мақала XX ғасырдың 50-70-ші жж. Азия-Тынықмұхиты аймағында жұмыс жасаған жеке ұжымдық мекемелердің тарихын және осы аймақта орын алған әскери-саяси қауіпсіздікті халықаралық-құқықтық қамтамасыз етудің мәселелерін зерттеуге арналған.

Қазіргі кезеңде Азия-Тынықмұхиты аймағы кең ауқымды геосаяси жүйенің бел ортасы болып табылады, ол даму деңгейі бойынша әртүрлі диаметральды аймақ мемлекеттерін бірыңғай, өзара әрекеттесудің кешенді тетігіне біріктіреді. Бұл жағдайда осы өңірдің саяси және экономикалық мүдделері тұрғысынан маңыздылығын Қазақстан жете бағалай алмайды. Сонымен бірге, Азия-Тынықмұхиты аймағы кеңістігінің аймақтық қауіпсіздік институттарын құру процесін қиындататын саяси, экономикалық және мәдени тұрғыдан біркелкі еместігі соңғы уақытта кейбір өзгерістерге ұшырауда.

Мақаланың мақсаты халықаралық құжаттарды, статистикалық шолуды, ғылыми көзқарастарды талдау, сондай-ақ құқық қолдану тәжірибесі негізінде әскери-саяси саладағы жеке ұжымдық мекемелердің қызмет ету тарихын көрсетуге және әскери-саяси өлшем бөлігінде Азия-Тынықмұхиты аймағындағы қауіпсіздікті қамтамасыз ету келешектерін анықтауға бағытталған.

Осы зерттеудің пәні болып әскери-саяси қауіпсіздікті қамтамасыз ету саласында Азия-Тынықмұхиты аймағында жұмыс істеген кейбір ұйымдардың жұмыс істеу тетіктері мен қызметі табылады.

Жұмыстың ғылыми және тәжірибелік маңыздылығы оның Қазақстан Республикасының сыртқы қатынастар органдарының құқық қолдану қызметінде, халықаралық-құқықтық бағалауды әзірлеу кезінде пайдаланылуы мүмкін, сонымен қатар басқа да ұқсас зерттеулер үшін негіз болуы мүмкін.

Түйін сөздер: Азия-Тынықмұхиты аймағы, Шығыс Азия, әскери-саяси аспекті, БҰҰ, аймақтық қауіпсіздік.

Введение

Актуальность темы исследования. Понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» (далее – АТР) является сравнительно новым географическим, социально-экономическим и политико-правовым обозначением, появившимся после завершения процесса деколонизации и начала глобальных интеграционных процессов на всех (и прежде всего восточной и западной) частях Тихого океана. Раньше он был больше известен под термином «Тихоокеанское кольцо». Регион сегодня включает в свое пространство 47 государств, в которых в совокупном отношении про-

живаает более 60 % населения Земли, а экономика составляет 28 % мирового ВВП. Формально он разделен на Южную Азию, Юго-Восточную Азию, южную часть Тихого океана, Восточную Азию, Северо-Восточную Азию и на западную часть Тихоокеанского бассейна с побережьями Южной и Северной Америк. При этом включение тех или иных государств в состав АТР отражает проэкономический и, преимущественно англосаксонский подход, к формированию «региона». Вместе с тем его одновременно характеризуют и как «регион субрегионов», и как «регион институтов сотрудничества», и, что немаловажно, как регион, в пределах которого традиционная

идея о защищенности понимается не как баланс сил, а как безопасность через совместное развитие. Это означает, что одним из определяющих и главенствующих факторов сохранения стабильности в регионе является экономическое развитие расположенных в нем государств, и, соответственно, установление между ними экономической взаимозависимости. Поэтому подавляющее большинство государств АТР, как правило, считают, что безопасность достигается именно через такое сотрудничество – либо через многосторонние, либо через двусторонние организационно-правовые формы, – а не через опору на военно-политические потенциал и ресурсы. Вследствие такой позиции военно-политическое измерение, несмотря на свою роль и значимость, утратило прежнее монопольное положение в официальных доктринах, стратегиях и действиях основной группы государств региона.

В то же время, имея в виду *достаточно* успешные примеры взаимодействия в рамках постоянно осуществляемых процессов регионализации в сфере безопасности, нельзя однозначно утверждать, что АТР – это район, в котором сотрудничество в рассматриваемой области является общепринятой международно-правовой нормой. Государства региона склонны решать возникающие вопросы с помощью политического диалога и прибегая чаще всего к источникам «мягкого права», нежели посредством использования твердых, юридических обязательных средств и процедур. В регионе в этой связи все еще не решены кардинальные проблемы обеспечения мира и безопасности, существуют серьезные конфликтные противоречия, среди которых, в частности, можно отметить: практический бесконтрольный рост вооружений, и особенно высокую концентрацию современных видов из них, в том числе ядерного; неурегулированные пограничные и территориальные споры, носящие многоцелевой характер и преследующие вполне определенные цели с участием России, Японии, Южной Кореи, Китая, ряда государств-членов АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии); угрозы развертывания отдельными государствами (к примеру, США и Китаем) стратегических, тактических и опознавательных систем ПРО в целом. Сюда же можно добавить такие совершенно новые вызовы, как обострение религиозно-этнических отношений, морское пиратство, терроризм, экстремизм и т.д.

Между тем *status quo* в АТР диктует необходимость, чтобы свое место и значение в происходящих процессах региональной интеграции

занимали военно-политические аспекты безопасности и формирование юридически дееспособных механизмов для их обсуждения и решения вместо структур, в которых государства, состоящие членами, не проявляют готовности поступаться частью суверенитета в пользу наднациональных учреждений, и следовательно, до сих пор остаются зависимыми от консенсуса, принимаемая обладающие лишь рекомендательной силой акты и налаживая главным образом неформальные отношения между высшими должностными лицами.

Вместе с тем тема исследования представляет интерес для Казахстана в аспекте его стремления получить членство в Региональном форуме АСЕАН по вопросам безопасности и в будущем в самой организации, а также в контексте его полноправного членства в ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

Объектом исследования является комплекс международных отношений, связанных с правовым обеспечением военно-политической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Предметом исследования являются международная нормативная база и механизмы функционирования региональных организаций Азиатско-Тихоокеанского бассейна, которые специализировались на вопросах в сфере обеспечения военно-политической безопасности.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе комплексного анализа международных договоров, политических актов, внешнеполитических доктрин и концепций, официальных и научных взглядов, а также правоприменительной практики показать историю функционирования отдельных коллективных учреждений в военно-политической сфере и определить перспективы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в части военно-политического измерения.

Для достижения цели обозначена следующая *задача*, которая состоит в том, чтобы проследить и выявить особенности формирования и деятельности региональных (субрегиональных) учреждений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в сфере обеспечения военно-политической защищенности с учетом прежде всего исторических, политических и правовых обстоятельств.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные способы научного познания, в частности, синтез, аналогия, метод системно-структурного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод толкования права, метод модели-

рования, контент-анализ документов и материалов практики.

Теоретическую (нормативную и эмпирическую) основу исследования составляют специальные международно-правовые акты в виде договоров, деклараций, хартий, самостоятельные и коллективные научные разработки (монографии, научно-аналитического и справочно-информационного характера статьи) исследователей по выбранной теме работы, учредительные, программные и иные материалы региональных международных организаций.

Значительный вклад в развитие общих теоретических основ обеспеченности и защищенности азиатско-тихоокеанской военно-политической безопасности, а также всесторонней разработке тех или иных сторон (или измерений) военно-политической безопасности в рассматриваемом обширном и многообразном во всех отношениях (географическом, политическом, социальном, экономическом и культурном) регионе внесли такие отечественные и зарубежные ученые, как Ж.М. Аманжолов, А. Бакишев, А.Н. Бородавкин, А. Гаврилова, Г.Б. Рахманова, В. Соловьев, И.А. Сухарьков, В.Н. Тимошенко, В. Трифонов, Э. Усубалиев, Р. Коэн, М. Михалка, Ch. Bajraee, J. Bradford, S. Gurpreet, D. Gabriel, P.K. Ghosh, R.K. Karanjia, P. Khanna, A. Liff, R. Maitra, M. Mckinnon, M. Raja, V. Sakhuja, S. Shyam, H. Tanaka, Cdr. Khurana, YuTianjin. Однако, в их исследованиях, как и, пожалуй, в аналогичных трудах других специалистов, несмотря на объективную оценку и прогнозирование ситуации в регионе, вместе с тем в немалой степени присутствует идеологизированный подход к раскрытию сути поставленных задач. Но эти качества в то же время никак не умаляют достоинств их серьезных разработок, в которых, кроме того, содержатся некоторые существенные элементы теоретического и практического осмысления юридических вопросов международно-правового характера азиатско-тихоокеанской региональной безопасности.

С теоретической точки зрения значимость исследования состоит в возможности дальнейшей научной разработки военно-политической деятельности отдельных функционирующих в регионе международных организаций и совершенствования механизмов совместных мер государств-членов в этой области.

Практическая значимость исследования определяется тем, что оно может быть использовано при разработке международно-правовой оценки, прогнозов, официальных подходов и

позиций Республики Казахстан, по конкретным региональным международным организациям. Результаты исследования могут быть также использованы в научной работе, направленной на изучение современной международно-правовой природы организаций, действующих в АТР, при преподавании международного права и международных отношений в высших учебных заведениях.

Основная часть

Как общеизвестно, правовые основания создания и функционирования региональных органов (организаций), а также условия заключения региональных соглашений предусмотрены Уставом ООН, принятым 26 июня 1945 года, в пределах ст. 51 и Главы VIII (ст.ст. 52, 53 и 54). Учредительный акт всемирной организации в этой связи в п. 1 ст. 52 гласит, что он «ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий...» (Устав ООН..., 1945: 20). Не устанавливая юридический смысл и тем более не раскрывая нормативное содержание ключевых понятий: «региональный орган» (региональная организация) и «региональное соглашение», а также не объясняя, почему ст. 51, допускающая учреждение регионального органа (организации) обороны, а также соответственно подписание аналогичного в его рамках многостороннего соглашения, Устав ООН тем не менее подразумевает в широком понимании *региональную систему безопасности*, которая как особый, отдельный вид относится (наряду с универсальной системой, действующей в рамках ООН) к коллективной безопасности и является составной, неотъемлемой частью глобальной международной безопасности. Вместе с тем Устав ООН предъявляет к такой системе, осуществляющей жизнедеятельность в отдельном регионе, свои требования: во-первых, она должна быть совместима с целями и принципами ООН (п. 1 ст. 52); во-вторых, должна приложить все усилия для достижения мирного разрешения местных споров (п. 2 ст. 52); (Устав ООН..., 1945: 20) в-третьих, Совет Безопасности ООН должен быть всегда полностью информирован о действиях, предпринятых или намечаемых системой, для поддержания регионального мира и безопасности. В последнем случае речь идет об установлении взаимосвязи

между одним из главных органов ООН и региональными органами или соглашениями (Устав ООН..., 1945: 21). Следует отметить, что в период с 1950 по вторую половину 1970 гг. в Азиатско-Тихоокеанском регионе согласно вышеуказанному набору стандартных правил были созданы и существовало достаточно большое количество коллективных образований, строящих совместную деятельность государств-членов в традиционном военно-политическом контексте. *Формальным* признаком таких объединений считалась принадлежность непосредственных участников к одному географическому району, а именно к Азиатско-Тихоокеанскому бассейну и, следовательно, в свою очередь, международные договоры, заключенные в этом же определенном ими районе, рассматривались региональными соглашениями, содержащими взаимные обязательства касательно данного района. Таковыми структурами, за исключением АНЗЮС, который был учрежден в регионе в 1951 году и считается действующим до настоящего времени, являлись АНЗАМ, СЕАТО, СЕНТО, Багдадский пакт, АНЗЮК и АЗПАК. Являлись потому, что практически все они в зависимости от комплекса внутренних противоречий и разногласий, а также в силу формируемых новых геополитических обстоятельств прекратили свое существование до начала 1980 гг. XX века.

Среди этих структур особо выделялся СЕАТО – Организация Договора Юго-Восточной Азии (*англ.* Southeast Asia Treaty Organization), созданный на основе Тихоокеанской хартии 8 сентября 1954 года с участием Австралии, Великобритании, Новой Зеландии, США, Таиланда, Филиппин, Южной Кореи, Пакистана (до 1973 г.), Франции (до 1974 г.) и Южного Вьетнама (до 1975 г.). Организация имела постоянно действующие органы и мобильные ударные вооруженные силы и, в основном, как это можно понять из односторонней декларации США к Договору, была направлена в форме «оговорки» против коммунистической агрессии извне. Для отражения подобного «противоправного применения силы» СЕАТО, писал советский ученый И.А. Сухарьков, имел орган военного планирования, который функционировал все время и мог рассмотреть любую чрезвычайную ситуацию (Сухарьков, 1970: 28). Индийский юрист-международник Р.К. Каранджия, более подробно исследовавший текст документа и первые годы его применения относительно понятия «агрессии» на практике, был категоричен в своих выводах, отметив, что под это неопре-

деленное понятие «может быть подведена любая законная попытка народа освободиться от иностранной оккупации или свергнуть деспотичное и реакционное правительство» (Karanjia, 1956: 48). По его утверждению, «Договор провозгласил также опасный новый принцип международной политики, согласно которому колониальные державы могут по своему усмотрению решать вопрос о вмешательстве в дела других стран, на которые они могут «указать» (Karanjia, 1956: 49). Вследствие указанных обстоятельств он назвал данный договор «нелепым». 30 июня 1977 г. по взаимному согласию государств-членов данный военно-оборонительный союз был официально распущен.

Несмотря на то, что деятельность СЕАТО ограничивалась лишь 50-70 гг. XX века, проведенные по ней исследования позволяют судить о попытках отдельных государств Азии к созданию региональной системы безопасности, в рамках которой приоритет традиционно отдавался оборонным связям. При этом применительно как и к любой другой, типичной для периода «холодной войны» организации суть коллективной обороны заключалась в том, что, как отмечают Р. Коэн и М. Михалка, относительно сильное государство, номинально или реально угрожающее менее сильному государству, подталкивало последнего к поиску союзников, т.е. к созданию альянса, способного осуществлять коллективный отпор с целью защищать своих участников от внешней агрессии и вследствие этого была обращена во вне (Коэн, 2001: 8). Вместе с тем по прошествии времени среди некоторых государств-членов СЕАТО постепенно преобладала позиция о пересмотре представлений и взглядов об обеспечении совместной безопасности. Например, пришедшее к власти в 1972 г. лейбористское правительство Новой Зеландии во главе с Н. Кирком проявило новый подход к решению внешнеполитических проблем (Тимошенко, 2009: 126) и официально объявило, что «малые страны» в новой международной обстановке не могут всецело полагаться на своих протекторов и должны отстаивать собственные интересы (Тимошенко, 2009: 126). Он же, неоднократно выступая с официальными заявлениями о необходимости выхода за рамки сугубо военно-политической составляющей организации и развития новых форм отношений с Азией путем реализации социально-экономических и иных программ, настаивал на замене СЕАТО «организацией действительно характерной для региона, без идеологических обертонов...», которая

была бы создана для его изолирования от идеологического вмешательства великих держав» (McKinnon, 1993: 173). В дальнейшем действия государств-членов сбалансировать деятельность СЕАТО не принесли желаемых результатов: в организации усилились разногласия, она оказалась в кризисе и не смогла проявить способность эффективно перестроиться. Исходя из этих обстоятельств Совет министров СЕАТО на своей очередной сессии 24 сентября 1975 г. вынужден был принимать решение об упразднении (ропуске) учреждения. 30 июня 1977 г. по взаимному согласию государств-членов данный военно-оборонительный союз был официально распущен.

Что касается других организаций, то: АНЗАМ (оборонительное соглашение Британского Содружества) и СЕНТО (Организация Центрального договора, до 26 июня 1956 г. – Багдадский пакт), созданные в 1950 гг., были достаточно растянутыми по своему географическому характеру и составу членов (последняя, кроме США и Пакистана, больше ориентировался на Ближний и Средний Восток). АЗПАК (*англ.* Asian and Pacific Council), созданный в 1956 году в составе Австралии, Малайзии, Новой Зеландии, Таиланда, Тайваня, Филиппин, Южной Кореи, Южного Вьетнама и Японии, из-за фактического парализования и неуспешных попыток коренной реорганизации также больше не существует; АНЗЮК (*англ.* ANZUK – названный по начальным буквам наименований трех основных государств-членов: Australia, New Zealand, United Kingdom) был создан в соответствии с Совместным коммюнике министров обороны указанных стран от 16 апреля 1971 года и стал своеобразным дополнением трех других, до этого указанных блоков, но тоже просуществовал недолго: в связи с выходом 1974 году Новой Зеландии из состава участников, обусловленный ее антиядерной позицией, 12 декабря того же года было принято решение о роспуске организации.

Несмотря на те факты, что все эти коллективные учреждения так и не стали полноценными организациями и были «продуктом» идеологизированного противоборства и военно-политической конфронтации в контексте сложных взаимоотношений между СССР и США, предпринимались и другие усилия по формированию новых структур – НЕАТО (Организация Договора для Северо-Восточной Азии), ПАТО (Организация Тихоокеанского договора, или «Тихоокеанское сообщество»), то есть как писал советский эксперт В. Соловьев в ежемесячном

военно-практическом журнале Министерства обороны СССР «Зарубежное военное обозрение» в 1983 году, «попытки склотить новые блоки и усилить существующие за счет активного подключения к ним» иных акторов (Соловьев, 1983: 11), все еще вынашивались. Однако, эти инициативы так и остались нереализованными.

Нужно подчеркнуть, что в целом, исходя из того объективного факта, что Устав ООН обладает по отношению к «региональным органам или соглашениям» высшей юридической силой, государства-участники тех или иных организаций стремились подтвердить коллективную веру в цели и принципы ООН, решать любой международный спор, в который они могут быть вовлечены, с помощью мирных средств, воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения каким-либо образом, несовместимым с целями ООН. Кроме того, что государства-участники обязывались сообщать Совету Безопасности ООН обо всех мерах, предпринятых ими в случае актов агрессии, они в особом порядке заявляли, что подписанные и утвержденные ими региональные (учредительные) соглашения не затрагивают прав и обязательств по Уставу ООН или ответственность всемирной организации за поддержание международного мира и безопасности. Вместе с тем необходимо заметить, что в остальном все данные соглашения имели ярко выраженный военно-политический характер, что подтверждались отдельными нормами об оказании «взаимопомощи». Например, в ст. 2 Договора о коллективной безопасности в Юго-Восточной Азии от 8 сентября 1954 года (Манильский пакт) говорится, что «...стороны будут..., путем самопомощи и взаимопомощи поддерживать и развивать свою индивидуальную и коллективную способность сопротивляться вооруженному нападению...» (Договор о коллективной обороне..., 1954).

В отличие от вышеназванных структур, объединение, учрежденное в начале 90-х гг. XX века и продолжающий действовать в XXI веке, является идеей Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева.

Как общеизвестно, инициатива о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (далее – СВМДА) как будущей азиатской системы региональной безопасности в развернутом виде была впервые представлена Н.А. Назарбаевым в его выступлении в рамках работы 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 5 октября 1992 г. С тех пор до настоящего Совещание прошло в своем становлении три основных этапа,

объединив в составе участников 24 азиатских государства (среди которых Афганистан, Индия, Пакистан, Иран, республики Центральной Азии (за исключением Туркменистана), Южная Корея, Таиланд, Россия, Китай, Вьетнам, Египет, Израиль и др.), а также 10 наблюдателей (Япония, Индонезия, Малайзия, ООН, ОБСЕ, ЛАГ, ОИК и др.), «системное взаимодействие» между которыми в отсутствие иерархической и разветвленной структуры реализуется в основном благодаря режиму равноуровневых консультаций с привлечением комитетов старших должностных лиц и их заместителей, встреч глав государств и правительств, а также единственного на сегодняшний день институционального органа – Секретариата. Совещание, если исходить из содержания принятых в период 1999-2004 гг. базовых документов – Декларации принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА от 15 сентября 1999 г., Алматинского акта и Декларации СВМДА об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями от 4 июня 2002 г., Каталога мер доверия от 22 октября 2004 г. – имеет намеченную цель, направленную на долгосрочную перспективу: действовать в пяти обозначенных областях, а именно координировать сотрудничество в военно-политическом, экономическом, экологическом, гуманитарном измерениях, а также в сфере противодействия новым вызовам и угрозам. В этой связи, в частности, Декларация принципов 1999 г. применительно к первому вышеуказанному направлению в разделах II, III, IV, V и VI закрепляет обязательства сторон относительно неприменения силы или угрозы силой, территориальной целостности государств-членов и нерушимости их государственных границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела друг друга и мер разоружения и контроля над вооружениями (Декларация принципов..., 1999). Военно-политический аспект присутствует в текстах других документов. В Алматинском акте, например, особо подчеркивается, что приоритетом деятельности СВМДА является ядерное разоружение. Угрозами безопасности в регионе признаны сепаратизм, незаконный оборот наркотиков и другие виды транснациональной преступной деятельности, требующие в борьбе с ними принятия скоординированных мер (Алматинский акт СВМДА, 2002). Однако более чем двадцатилетняя практика функционирования Совещания выявила немало субъективных и объективных факторов, препятствующих в целом реализации инициа-

тивы. Среди основных из них применительно к рассматриваемой сфере, по замечанию Г.Б. Рахмановой, кроме серьезных расхождений в видении целей и задач Совещания, предметно можно отметить: отсутствие «процедур и механизмов их реализации, наличие территориальных споров, противоречия по проблемам разоружения и контроля над вооружением, создания зон, свободных от ядерного оружия и ракет, путей урегулирования региональных конфликтов, обеспечения гарантий безопасности» (Рахманова, 2004: 146). По мнению А. Гавриловой, «во многом это объясняется тем, что истинным поводом создания и развития данной структуры является не стабилизация ситуации в Азии, а улучшение имиджа Казахстана и его заявление в качестве независимого государства». Далее автор подчеркивает: «Если в 1992 году речь в этом отношении шла о создании СВМДА, то в 2009 году, в связи с отсутствием успехов Совещания производится попытка реанимировать структуру путем переориентации в экономическую сферу» (Гаврилова, 2009). Подтверждается сказанное особенно тем, что с момента начала деятельности Совещание практически никак не проявило себя в качестве регионального международного учреждения, способствующего проведению непосредственных переговоров и урегулированию конфликтов между своими же участниками, например, по линии Индия-Пакистан. Оно также не участвует в процессе стабилизации ситуации в Корейском полуострове. К нему к тому же вообще еще не присоединились такие государства АТР, как Малайзия, Япония, Мальдивы, КНДР, Непал, Шри-Ланка, Бутан. Учитывая вышеуказанные обстоятельства Ж.М. Аманжолов в контексте перспективы Совещания считает необходимым прежде всего говорить о том, что «Казахстану в одиночку не реализовать созыв СВМДА, поэтому необходимо содействие и поддержка крупных, влиятельных государств региона: России, Китая, Индии и не менее влиятельных Турции, Ирана, т.е. политические и экономические амбиции этих стран с их реальным потенциалом в контексте складывающейся геополитической и геоэкономической ситуации нужно направить в практическое русло, а именно на реализацию инициативы СВМДА, уступив им место лидеров». В числе одних из мер он предлагает принять наконец-то «такой документ, как Структура и институты СВМДА и предусмотреть в нем, в частности, в продуманную систему арбитражных и третейских органов, что поможет наконец-то прийти к формированию в рамках Совещания

международно-правовых механизмов рассмотрения и разрешения существующих взаимных споров между государствами-участниками» (Аманжолов, 2013: 216). Пожалуй, только в случае реализации подобных действий можно будет говорить о том, что «основная цель СВМДА заключается в переходе к единой структуре азиатской коллективной безопасности на поэтапной основе» (Бакишев, 2010: 1), в рамках которой *в первую очередь* для государств-участников должны представлять взаимный интерес военно-политические аспекты безопасности. Иначе отсутствие официального (документального) закрепления приоритета сотрудничества в этой области так и будет приводить «к распылению сил и средств, которые могли бы быть направлены на разрешение военных конфликтов» (Гаврилова, 2009).

Подобным образом, можно сказать, что в данном регионе до сих пор нет всеобъемлющей региональной международной организации, всецело подстроенной под вышеназванные критерии, и в частности, однозначно сфокусировавшей свои цели и задачи именно на традиционных вопросах коллективной безопасности в тесной взаимосвязи с положениями Устава ООН. Для всех без исключения проанализированных структур данное понятие во множественном числе скорее всего предельно означает, что «...группы государств, которые активно взаимодействуют, имеют близкие интересы и общие исторические судьбы» (Tanaka, 2008: 94) и в их рамках речи не шло о создании конструированных (или структурированных) организаций по европейскому образцу. Исходя из этого, как показывает практика, «остаются в тени кардинальные проблемы обеспечения мира и безопасности в АТР, складывающаяся в регионе военно-политическая обстановка, нарастание противоборства между ведущими странами... за преобладающее влияние в регионе, практически бесконтрольный рост вооружений, угроза распространения ОМУ, развертывание Соединенными Штатами мощной стратегической и тактической системы ПРО в целом» (Трифонов, 2010: 31), уровень взаимного недоверия, военные приготовления и возможность вооруженного конфликта, к тому же с применением ядерного оружия (Бородавкин, 2010: 12) между государствами региона, морское пиратство, терроризм, неразрешенные до сих пор территориальные (пограничные) споры. В регионе преимущественно «преобладает двусторонняя система поддержания безопасности, диктуемая США» (Yu, 2006: 23), в противо-

вес «растущему китайскому влиянию» (Gabriel, 2015), подтверждают сами иностранные эксперты. Например, это японско-американский Договор о безопасности в редакции 1951 года, но продленный сторонами 19 января 1960 года, Договор о взаимной обороне между США и Республикой Корея, действующий с 1953 года. Среди новейших можно назвать Совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности между Австралией и Японией, подписанную 13 марта 2007 года, которая не только направлена на укрепление военных связей между двумя странами, но и признает «общие стратегические интересы и взаимные выгоды в области безопасности, исходящие из союзнических отношений с США» (Совместная декларация, 2007). В этой связи Э. Усубалиев напоминает, что если «ранее подходы к обеспечению безопасности в АТР исходили из существования советской угрозы и основывались на множестве... военных договоров, в каждом из которых США выполняли центральную роль», то «теперь же, есть все основания говорить о переходе к... формам организации системы безопасности в АТР, с сохранением лидирующих позиций США, но в современных условиях, нацеленной на нейтрализацию влияния и угроз со стороны КНР» (Усубалиев, 2015).

Чтобы быть убедительными, приведем в более содержательном аспекте лишь один значимый с точки зрения военно-политической безопасности пример, ссылаясь на состояние и проблемы защищенности в северо-восточной части Индийского океана применительно к государствам Южной и Юго-Восточной Азии.

Северо-восточная часть Индийского океана охватывает Андаманское море и территорию Индийских Андаманских и Никобарских островов, а также побережье народов Юго-Восточной Азии до Зондского пролива. Этот субрегион представляет основной интерес для всех, кто входит в его состав, и в частности, для Индии, согласно новой морской доктрине которой он приобретает абсолютно новое значение и обладает одним из наиболее важных влияний в АТР. С. Шайам отмечает, что, будучи жертвой транснациональных преступлений, а также в силу недавно добавившегося к этому списку морского терроризма, данный субрегион становится «горячей точкой» (Shyam, 2006: 20). Такая ситуация в свою очередь усложнила возможности обеспечения безопасности морских коридоров. Так, «по имеющимся статистическим данным, каждый день 58 % из 150 судов, проходящих через Малаккский пролив, пере-

возят сырую нефть и любое нарушение здесь будет иметь серьезные последствия для глобальных графиков отгрузки», – подчеркивает П.К. Гош (Ghosh, 2004), если учитывать при этом, что объемы торговли стран субрегиона с государствами-членами АСЕАН увеличились более чем в двое за последние десять лет. К примеру, как указывается в Статистическом ежегоднике АСЕАН за 2005 год, «от каких-то \$ 1484 млн. в 1993 году индийский рынок стал одним из крупнейших импортеров Юго-Восточной Азии товаров с импортом около \$ 10942 млн. в 2004 году и заключенные ею в последующие годы Соглашения о свободной торговле с такими странами, как Таиланд и Сингапур, будут способствовать развитию этой тенденции» (ASEAN Statistical Yearbook, 2005). Однако, одновременно с этим процессом «случаев пиратства, вооруженного ограбления и морского терроризма становится все больше». Специалисты в этой связи замечают, что «само расположение Андаманских и Никобарских островов в непосредственной близости от Кокосовых островов Бирмы, Таиланда и провинции Банда-Ачех Индонезии повышает их уязвимость» (Churana, 2016). В рассматриваемом контексте «особый интерес представляют китайские попытки построения военно-морской инфраструктуры путем создания баз и другой военно-морской инфраструктуры якобы для получения доступа к Индийскому океану», но «без помощи прибрежных государств Китай никогда не сможет достигнуть вод Индийского океана» (Вайрае, 2016: 2). Подобная «стратегия называется «ниткой жемчуга» и предполагает приобретение военно-морских баз, портов и другой инфраструктуры вокруг Индийского океана для усиления морской обороны Китая», – заключает Ч. Баджпай. Здесь же важно отметить то обстоятельство, что последний наряду с такими важными в субрегионе игроками, как Малайзия и Сингапур, имеет коллективно выраженные оговорки по поводу действий США, продвигающие свои геостратегические цели во имя обеспечения безопасности на море, и, таким образом, выступают против совместного с США патрулирования стратегических водных путей субрегиона, в отличие от интересов Индии (Khanna, 2006). Серьезную проблему вызывают современное пиратство, морской терроризм и незаконная торговля стрелковым оружием, которые в особенности для таких государств, как Индия, Япония, Китай и Южная Корея являются взаимосвязанными вызовами и угрозами. «По официальным сообщениям, количество пиратских

нападений не возросло многократно, но имел место значительный всплеск насилия, сопровождающий эти акты». Дж. Брэдфорд пишет, что «данное явление можно объяснить только расширением применения стрелкового оружия и, кроме того, виды такого оружия становятся все более изощренными» (Bradford, 2015: 72). Показателен в этом отношении, к примеру, тот факт, что «Группа Тигры освобождения Тамил-Илама используют иностранные суда для контрабанды оружия»: «в соответствии со своими организационными и инфраструктурными возможностями, у Тамильских Тигров есть связи, позволившие им открыть несколько коммерческих учреждений в странах Юго-Восточной Азии, которые могли функционировать в качестве прикрытия для незаконной деятельности, такой как контрабанда оружия» (Sakhija, 2001). В этой связи Р. Мэйтра отмечала: только один случай, «когда министру иностранных дел Шри-Ланки пришлось предпринять специальный тур в Лаос, Камбоджу, Вьетнам и Таиланд, чтобы побудить правительства этих стран к сотрудничеству, чтобы остановить незаконную контрабанду оружия Тамильскими Тиграми, еще раз подтверждает существование торговцев смертью в регионе Малаккского пролива и Андаманского моря» (Maitra, 2005).

Заключение

В совокупном содержательном смысле приведенные точки зрения означают, что «Азиатско-Тихоокеанскому региону с его контрастами и проблемами нужна многомерная, многослойная архитектура безопасности и развития» (Бородавкин, 2010: 13), которая в действительности основывалась бы не только «на началах коллективности», но и «равноправия и транспарентности, на общепринятых принципах международного права». Под последними подразумеваются не столько концентрированно выраженные и обобщенные основные или императивные нормы поведения субъектов международных отношений, сколько специальные положения, закрепленные во многих документах универсального и регионального характера и которые показали и доказали в совокупности свою эффективность в других географических районах. При этом, как особо и с оговоркой подчеркивает А.Н. Бородавкин, эффективность будущей архитектуры безопасности и сотрудничества «может быть обеспечена только тогда, когда в регионе не будет разделительных линий», а учет интересов всех

государств станет нормой совместной жизнедеятельности» (Бородавкин, 2010: 14). В контексте анализа современного международно-правового понимания сути и особенностей, функционировавших в АТР отдельных региональных (субрегиональных) организаций, можно сказать о том, что многие организаций действовавшие в 50-60-е гг. XX века в данном географическом регионе просуществовали короткий промежуток

времени в силу того, что они в основном были поддержаны США в период идеологического противоборства с СССР. Подводя итог, следует отметить, что в Азиатско-Тихоокеанском бассейне идет процесс по формированию закрытых или полузакрытых по степени открытости организаций, но так и не создана всеобъемлющая система коллективной безопасности по смыслу Главы VIII Устава ООН.

Литература

- Алматинский акт СВМДА (г. Алматы, 4 июня 2002 года) // Официальный интернет-ресурс Секретариата СВМДА. Режим доступа: URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=179&lang=2
- Аманжолов Ж.М. (2013). Инициатива Казахстана о созыве СВМДА: итоги деятельности, основные проблемы и перспективы // 10th International Conference on the Crossroad of Civilizations: Aspects of Language, Culture and Society. Almaty: KazNU after named Al-Farabi, April 15-16. P. 215-216.
- Бакишева А. (2010). Казахстан: мост между Востоком и Западом // NewEurope. Январь, 30. С. 1.
- Бородавкин А.Н. (2010). Многомерная архитектура для полицентричного Азиатско-Тихоокеанского региона // Дипломатический ежегодник, Информационный бюллетень МИД РФ. Февраль, 27. С. 11-14.
- Гаврилова А. (2009). Перспективы развития СВМДА // Аналитика. Центральная Азия. Июнь, 16. // URL: <http://www.east-time.ru/reganalitic/1/209/html>
- Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВМДА. (г. Алматы, 15 сентября 1999 года) // Официальный интернет-ресурс Секретариата СВМДА. Режим доступа: URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=179&lang=2
- Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (Манильский пакт) (г. Манила, 8 сентября 1954 года) // Мерзляков Н.С. (1958). СЕАТО. М., 230 с.
- Коэн Р., Михалка М. (2001). Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка / Р. Коэн, М. Михалка. Публ. № 3. Гармиш Партенхирхен. С. 8-10.
- Рахманова Г.Б. (2004) Республика Казахстан и проблемы безопасности в Центральноазиатском регионе: дис. ... канд. истор. наук. Алматы: КазНУ имени аль-Фараби. 171 с.
- Соловьев В. (1983). Япония: по пути блоковой политики // Зарубежное военное обозрение. № 12. С. 9-12.
- Совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности между Австралией и Японией (13 марта 2007 года) // URL: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/29875590>
- Сухарьков И.А. (1970). СЕАТО – против народов Азии. – М.: Знание, 64 с.
- Тимошенко В.Н. (2009). Концепция «малой страны» и внешняя политика Новой Зеландии в конце XX века // Вестник Челябинского государственного университета. № 6. С. 126.
- Трифонов В. (2010). Потенциал региональных механизмов // Стратегия России, (Дипломатический ежегодник). № 5 (77). С. 29-35.
- Устав Организации Объединенных Наций (г. Сан-Франциско, 26 июня 1945 года) // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. Т. 1. 864 с.
- Усубалиев Э. (2015). Новая архитектура безопасности в АТР: Япония и Австралия укрепляют сотрудничество // URL: <http://www.easttime.ru/analitic/1/1/134.html>
- ASEAN Statistical Yearbook, 2005 // URL: <http://www.aseansec.org/SYB 2005/Chapter-5.pdf>
- Bajpaee Ch. (2016). The Emerging Cold War on Asia's High Seas // Power and Interest News Report. February, 13. P. 2.
- Bradford J. (2015). The growing prospects for maritime security cooperation in South East Asia // Naval War College Review. Vol. 58. № 3. P. 72.
- Gabriel D. U.S. Economic, Political and Military Expansion in Asia-Pacific Region // URL: [http://www.globalresearch.ca/u-s-economic-political-and-military-expansion-in-the-asia-pacific-region/21307 \(66\)](http://www.globalresearch.ca/u-s-economic-political-and-military-expansion-in-the-asia-pacific-region/21307 (66))
- Ghosh P.K. (2004). Maritime Security Challenges in South Asia and the Indian Ocean: Response Strategies // Maritime Security in Asia Conference. Center for Strategic and International Studies – American-Pacific Sea-lanes Security Institute. Honolulu, Hawaii. 18-20 January. // URL: <http://commnity.middlebury.edu/~scs/docs/ghosh%20maritime%20security%20challenges%20in%20SAsia%20&%20Indian%20Ocean.pdf>
- Karanjia R.K. (1956). SEATO. Security or menace? Bombay, 113 p.
- Khanna P., Raja M. (2006). Getting India Right // Policy Review. – February-March. № 135. // URL: <http://www.policyreview.org/135/khanna.html>
- Khurana Cdr, Gurpreet S. Safeguarding the Malacca Straits // URL: [http://www.idsa.in/publications/stratcomments/gurpreet-khurana50105.htm\(76\)](http://www.idsa.in/publications/stratcomments/gurpreet-khurana50105.htm(76))

- Maitra R. (2005). India Takes its Arms Beefs to the UN // Asia Times. February, 25. P. 3.
- Mckinnon M. (1993). Independence and Foreign Policy. New Zealand in the World since 1935. Auckland: Auckland University Press. 330 p.
- Sakhuja V. (2001). Indian Ocean and the Safety of Sea Lines of Communication // Strategic Analysis. August. Vol. XXV, № 5. // URL: http://www.ciaonet.org/olj/sa/sa_aug01
- Shyam S. (2006). Present Dimensions of the Indian Foreign Policy // Shanghai Institute of International Studies. Shanghai, 01.11. 43 p.
- Tanaka H., Liff A. (2008). The Strategic Rational for East Asia Community Building // In. J. Wanandi and T. Yamamoto (Eds.). East Asia at a Crossroads. Tokyo. P. 94.
- Yu Tianjin. (2006). America and Asia-Pacific Multilateral Security after the Cold War // International Review. Vol. 44. P. 23.

References

- Almaty Act of the CICA (Almaty, June 4, 2002) // The official Internet resource of the CICA Secretariat. Access mode: URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=179&lang=2
- Amanzholov Zh.M. (2013). Initsiativa Kazakhstana o sozyve SVMDA: itogi deyatel'nosti, osnovnye problem i perspektivy [Kazakhstan's initiative to convene the CICA: results of activities, major problems and prospects]. 10th International Conference on the Crossroad of Civilizations: Aspects of Language, Culture and Society. Almaty: KazNU after named Al-Farabi, April 15-16. P. 215-216.
- Bakishev A. (2010). Kazakhstan: most mezhdu Vostokom i Zapadom [Kazakhstan: a bridge between East and West]. New Europe, January, 30. P. 1.
- Borodavkin A.N. (2010). Mnogomernaya arkhitektura dlya politsentrichnogo Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [Multidimensional architecture for a polycentric Asia-Pacific region] // Diplomaticeskij ezhegodnik, Informatsionnyy byulleten' MID RF. Fevral', 27. P. 11-14.
- Gavrilova A. (2009). Perspektivy razvitiya SVMDA [CICA development prospects]. Analitika. Tsentral'naya Aziya. Iyun', 16. URL: <http://www.east-time.ru/reganalitic/1/209/html>
- Declaration of principles governing relations between the CICA member states. (Almaty, September 15, 1999). The official Internet resource of the CICA Secretariat. Access mode: URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=179&lang=2
- Southeast Asia Collective Defense Treaty (Manila Pact) (Manila, September 8, 1954) // Merzlyakov N.S. (1958). SEATO. M., 230 p.
- Koen R., Mikhalka M. (2001). Bezopasnost' na baze sotrudnichestva: novye perspektivy mezhdunarodnogo poryadka [Collaborative security: new perspectives of international order] / R. Koen, M. Mikhalka. Publ. № 3. Garmisch Partenkirchen. P. 8-10.
- Rakhmanova G.B. (2004) Respublika Kazakhstan i problem bezopasnosti v Tsentral'noaziatskom regione: diss. ... kand. istor. nauk. [Republic of Kazakhstan and security issues in the Central Asian region: dis. ... cand. the story sciences]. Almaty: KazNU imeni al'-Farabi. 171 p.
- Solov'ev V. (1983). Yaponiya: po puti blokovo politiki [Japan: the path of bloc politics]. Zarubezhnoe voennoe obozrenie. № 12. P. 9-12.
- Joint Declaration on Security Cooperation between Australia and Japan (March 13, 2007). URL: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/29875590>
- Sukhar'kov I.A. (1970). SEATO – protiv narodov Azii [SEATO – against the peoples of Asia]. M.: Znanie, 64 p.
- Timoshenko V.N. (2009). Kontseptsiya «maloi strany» i vneshnyaya politika Novoi Zelandii v kontse XX veka [The concept of a «small country» and New Zealand's foreign policy at the end of the XX century]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 6. P. 126.
- Trifonov V. (2010). Potentsial regional'nykh mekhanizmov [Potential of regional mechanisms]. Strategiya Rossii, (Diplomaticeskij ezhegodnik). № 5 (77). P. 29-35.
- Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945). Deistvuyushchee mezhdunarodnoe parvo: v 3 t. / sost. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava, 1996. T. 1. 864 p.
- Usabaliev E. (2015) Novaya arkhitektura bezopasnosti v ATR: Yaponiya i Avstraliya ukrepyayut sotrudnichestvo [New security architecture in the APR: Japan and Australia strengthen cooperation] // URL: <http://www.easttime.ru/analitic/1/1/134.html>
- ASEAN Statistical Yearbook, 2005. URL: <http://www.aseansec.org/SYB2005/Chapter-5.pdf>
- Bajpae Ch. (2016). The Emerging Cold War on Asia's High Seas. Power and Interest News Report. February, 13. P. 2.
- Bradford J. (2015). The growing prospects for maritime security cooperation in South East Asia. Naval War College Review. Vol. 58, № 3. P. 72.
- Gabriel D. U.S. Economic, Political and Military Expansion in Asia-Pacific Region. URL: <http://www.globalresearch.ca/u-s-economic-political-and-military-expansion-in-the-asia-pacific-region/21307> (66)
- Ghosh P.K. (2004). Maritime Security Challenges in South Asia and the Indian Ocean: Response Strategies. Maritime Security in Asia Conference. Center for Strategic and International Studies – American-Pacific Sea-lanes Security Institute. Honolulu, Hawaii. 18-20 January. URL: <http://commnity.middlebury.edu/~scs/docs/ghosh%20maritime%20security%20challenges%20in%20SAsia%20&%20Indian%20Ocean.pdf>
- Karanjia R.K. (1956). SEATO. Security or menace? Bombay, 113 p.
- Khanna P., Raja M. (2006). Getting India Right. Policy Review. February-March. № 135. URL: <http://www.policyreview.org/135/khanna.html>

- Khurana Cdr, Gurpreet S. Safeguarding the Malacca Straits. URL: <http://www.idsa.in/publications/stratcomments/gurpreet-khurana50105.htm> (76)
- Maitra R. (2005). India Takes its Arms Beefs to the UN. Asia Times. February, 25. P. 3.
- Mckinnon M. (1993). Independence and Foreign Policy. New Zealand in the World Since 1935. Auckland: Auckland University Press. 330 p.
- Sakhuja V. (2001). Indian Ocean and the Safety of Sea Lines of Communication. Strategic Analysis. August. Vol. XXV, № 5. // URL: http://www.ciaonet.org/olj/sa/sa_aug01
- Shyam S. (2006). Present Dimensions of the Indian Foreign Policy. Shanghai Institute of International Studies. Shanghai, 01.11. 43 p.
- Tanaka H., Liff A. (2008). The Strategic Rational for East Asia Community Building. In. J. Wanandi and T. Yamamoto (Eds.). East Asia at a Crossroads. Tokyo. P. 94.
- Yu Tianjin. (2006). America and Asia-Pacific Multilateral Security after the Cold War. International Review. Vol. 44. P. 23.

**Abdalla Moh'd Dyab Al-Nouimat¹, Jakubayeva S.²,
Zhekenov D.³, Azimov A.⁴**

¹PhD student, e-mail: noaimy_jordan@hotmail.com

²PhD, e-mail: jakubayeva.s@gmail.com

³Ph.D, associate professor, e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

⁴Master's student, e-mail: azimov.alibek@gmail.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

GEOPOLITICAL INTEREST OF IRAN IN CENTRAL ASIA

The purpose of this study is to carry out the analysis of the external IRI policy in Central Asia in the context of new geopolitical configuration, to study the economic and political aspects of the strengthening of Iran in the region, to identify its features and the most important aspects of bilateral relations between Kazakhstan and Iran as well as the development patterns, to analyze the objective socio-economic situation in the region of Central Asia in the context of formation of a new geopolitical situation after the cancellation of sanctions against Iran. This paper is based on the use of the geo-political importance of this subject and is supported by the papers of Kazakh, Russian and foreign authors. The following general scientific methods and techniques are used in this paper: the new functional analysis, the structural analysis, the scientific abstraction, the qualitative expert estimates, the quantitative estimates, the comparative analysis. The changes in the geopolitical situation in Central Asia after the cancellation of the US sanctions against Iran are studied in this paper. The role of Iran in the region and its importance are defined based on the strengthening of the integration processes and creation of the EAEC. The role of Kazakhstan as one of the leaders in the framework of modern international relations in Central Asia is also studied in this paper. The recommendations on improvement of the influence and, in particular, on foreign policy decisions of the Republic of Kazakhstan are given.

Key words: Geopolitics, regional cooperation, internal cooperation, diplomacy, foreign policy initiatives, the main actors.

Абдалла Мохд Дьяб Аль-Нуймат¹, Джакубаева С.Т.²,
Жекенов Д.Қ.³, Әзімов Ә.Ә.⁴

¹2 курс докторанты, e-mail: noaimy_jordan@hotmail.com

²PhD, e-mail: jakubayeva.s@gmail.com

³PhD докторы, доцент м.а., e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

⁴2 курс магистранты, e-mail: azimov.alibek@gmail.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Иранның Орталық Азиядағы геосаяси мүдделері

Бұл зерттеудің мақсаты – жаңа геосаяси конфигурация жағдайында Иранның Орталық Азиядағы сыртқы саясатын талдау, Иранды аймақта нығайтудың экономикалық және саяси аспектілерін зерттеу, оның ерекшеліктері мен Қазақстан мен Иран арасындағы екіжақты қатынастардың маңызды аспектілерін, сондай-ақ даму ерекшеліктерін анықтау, объективті әлеуметтік талдау. – Иранға қарсы санкциялар алынып тасталғаннан кейін жаңа геосаяси жағдайдың қалыптасуы жағдайындағы Орталық Азия аймағындағы экономикалық жағдай. Бұл мақала осы тақырыптың геосаяси маңызын пайдалануға негізделген және қазақ, орыс және шетелдік авторлардың еңбектеріне негізделген. Осы мақалада келесі жалпы ғылыми әдістер мен әдістер қолданылады: жаңа функционалдық талдау, құрылымдық талдау, ғылыми абстракция, сапалы сараптама, сандық бағалау және салыстырмалы талдау. Бұл мақалада АҚШ-тың Иранға қарсы санкциялары жойылғаннан кейін Орталық Азиядағы геосаяси жағдайдағы өзгерістер талқыланады. Иранның аймақтағы рөлі және оның маңыздылығы интеграциялық процестерді күшейту және ЕАЭО құру негізінде анықталады. Осы мақалада Қазақстанның Орталық Азиядағы қазіргі халықаралық қатынастар шеңберіндегі көшбасшылардың бірі ретіндегі рөлі де қарастырылған. Қазақстан Республикасының сыртқы саяси шешімдеріне ықпал етуді жақсарту бойынша ұсыныстар берілген.

Түйін сөздер: геосаясат, аймақтық ынтымақтастық, ішкі ынтымақтастық, дипломатия, сыртқы саяси бастамалар, негізгі қатысушылар.

Абдалла Мохд Дьяб Аль-Нуймат¹, Джакубаева С.Т.²,
Жекенов Д.К.³, Азимов А.А.⁴

¹докторант 2 курса, e-mail: noaimy_jordan@hotmail.com

²PhD, e-mail: jakubayeva.s@gmail.com

³PhD доктор, и.о. доцента, e-mail: duman.zhekenov@gmail.com

⁴магистрант 2 курса, e-mail: azimov.alibek@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Геополитические интересы Ирана в Центральной Азии

Целью данного исследования является проведение анализа внешней политики ИРИ в Центральной Азии в контексте новой геополитической конфигурации, изучение экономических и политических аспектов укрепления Ирана в регионе, выявление его особенностей и наиболее важных аспектов двусторонних отношений между Казахстаном и Ираном. А также раскрываются особенности развития, анализ объективной социально-экономической ситуации в регионе Центральной Азии в контексте формирования новой геополитической ситуации после отмены санкций против Ирана. Данная статья основана на использовании геополитической значимости этого предмета и поддерживается работами казахских, российских и зарубежных ученых. Автором используются следующие общенаучные методы и приемы: новый функциональный анализ, структурный анализ, научная абстракция, качественные экспертные оценки, количественные оценки, сравнительный анализ. В этой статье рассматриваются изменения в геополитической ситуации в Центральной Азии после отмены санкций США против Ирана. Роль Ирана в регионе и его значение определяются на основе усиления интеграционных процессов и создания ЕАЭС. Роль Казахстана как одного из лидеров в рамках современных международных отношений в Центральной Азии также изучается в данной статье. Даны рекомендации по улучшению влияния, и в частности, на внешнеполитические решения Республики Казахстан.

Ключевые слова: геополитика, региональное сотрудничество, внутреннее сотрудничество, дипломатия, внешнеполитические инициативы, основные участники.

Introduction

Central Asia and the Caucasus are the sensitive areas for the next conflict in the world. They occupy the minds of many researchers and students in research centers. The Central Asian region comprises five main countries: Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan. As for the Caucasus region is a mountainous region between the Black Sea and the Caspian Sea, where Muslims represent the majority of the population there, accounting for (93.4%) of the population (Mohammad.E, 2015).

The Central Asian countries with a Muslim majority have an important geographical location and large mineral and oil wealth. They attract the world's major countries, attract foreign investments to finance projects that invest their vast underground resources and control one of the most important ways of exporting petroleum sources to Europe and Eastern Asia. Strategic role in the Central Asian region after the collapse of the Soviet Union many countries played an active role in this vital region of the world, prompting a number of analysts to talk about what can be called «the new big game». This is the conflict between the contenders for the extension of control and Influence on the region, especially after the discovery of its enormous oil reserves. External

ambitions have begun to unfold around the countries of the Central Asian region, which have been part of many conflicts between the international parties seeking to attract the region's attention and access to natural resources. In this paper, a study entitled «Between Conflict and Cooperation: International Competitiveness in Central Asia», published by the Arab Center for Studies and Research, examines the policies of the major powers to control Central Asia to achieve their interests at the international and regional levels.

The strategic vacuum in Central Asia after the collapse of the Soviet Union enabled many countries, including Iran, to play an active role in this vital region of the world, prompting a number of analysts to talk about what could be called the «New Great Game between the contenders for the extension of control and influence in the region. This role was emphasized after the discovery of its huge oil reserves since 1994. This competition for the Central Asian region can be attributed to the economic and strategic importance of the region. The six Islamic republics in the Commonwealth occupy about 18% of the former Soviet Union, with an area of 31,994,400 km², comprising about 20% of its population. While the share of national wealth is 9.2%. These countries represent federal Muslim republics, that is, the majority of its population is

Muslim, but this does not mean the absence of other religions and ethnicities within these republics.

Relevance of the study

Iran's foreign policy in Central Asia and the post-Soviet space is of particular scientific and practical interest. Due to the peculiarities of the historical, cultural and socio-economic development of Central Asia, which is heterogeneous in structure and has a «conflictogenic» region, there is no single leader in it, Kazakhstan and Uzbekistan invariably claim this role. The political situation in Central Asia is characterized by considerable mobility, a multi-level nature and a low degree of predictability of the development of further events. The integration processes of both regional and trans-regional cooperation are becoming increasingly stronger. Nevertheless, even in those countries where the domestic political situation seemed relatively stable, deep socioeconomic and ethno-confessional contradictions were brewing, which could lead to new confrontations, to imbalance of the established regional structure.

The increasing role of Iran in Central Asia is manifested both in the internal structure and characteristics of the political system of some countries of the region, and in their behavior in the international arena. Crisis phenomena are aggravated by the serious fragmentation of the Islamic world according to confessional (Shiite Sunnis, Salafis, Wahhabists, etc.), national and political grounds. In recent years, the role and ambitions of Iran, based on its «nuclear program» and the sympathy of the Muslim street, have greatly increased. At the same time, the leader in the Central Asian region is energetically striving to become both the Russian Federation and the PRC.

The relevance of the research topic is due to the importance of bilateral relations for stability in the Central Asian region.

Today, serious transformational processes are taking place in the post-Soviet space, which have a direct impact on the situation in the field of regional security. The accumulation of crisis potential in connection with the Ukrainian events, to increasingly strengthen the role and build up the Russian influence on the integration processes of Central Asia, increase the foreign policy steps of the Russian Federation in this direction, requires the most complete and coherent understanding of the system of international relations in the Central Asian region. (Dorraj, 2013) In this regard, the analysis of the Central Asian direction of Iran's foreign policy

and its historical experience in establishing ties with the Muslim countries of Central Asia is of particular importance.

Iran's foreign policy as a whole is noteworthy. The analysis of this issue is important for the formation of objective ideas about Iran's foreign policy strategy, which has both theoretical and practical significance. The study of the «Central Asian» vector of Iran's foreign policy as an example of its relations with Kazakhstan is also of significant applied value, in particular, for conducting situational analysis and practical research on a whole range of problems.

In addition, we can underline interesting overviews at the articles of these following authors: Barbara Ann Rieffer-Flanagan. «Evolving Iran.» (Barbara Ann Rieffer-Flanagan, 2013), Edward Wastnidge, «Pragmatic Politics: Iran, Central Asia and Cultural Foreign Policy,» (Wastnidge, 2013), «Central Asia in the Iranian geopolitical imagination. Cambridge Journal of Eurasian Studies.» (Wastnidge, 2017), Dorraj «Iran's Northern Exposure: Foreign Policy Challenges in Eurasia.» (Dorraj, 2013), Koolae «Iran-Kazakhstan relations: Geopolitical analysis.» (Koolae, 2010), Evyazov «Iran's security interests and geopolitical activity in Central Eurasia.» (Evyazov, 2009), Kazemzadeh «The Overview of Iran & Caucasus Ties.» (Kazemzadeh, 2013).

Research Methodology

This research paper relies mainly on the qualitative method of data analysis in identifying the different variables of the study from the related literature review. The same method was also used in the data collection, where the descriptive method has been utilized mainly in order to describe the variables of the study, while holding a comparison between such variables. The qualitative method functions mainly as means of analyzing the different information that are represented in the literature review, while highlighting the researcher's personal opinion to the topic of interest.

The Central Asian region is of a vital nature because it possesses many resources, including its possession of oil and gas and its location as a result of the conflicts of multiple dimensions, especially in the Western countries, Western countries developed strategies to seize them and enjoy their benefits and achieve their national goals, the conflict on the Central Asian country is increasing as the phenomenon of international conflict of the nests affecting the security and stability of the state there

is a dispute Permanent among the Western countries on the Central Asian state .

Central Asia and the Caucasus? It is open to the Gulf region and the East in general, and those who control it can overlook the east. This is because of the geopolitical and strategic importance of this region. It has rich sources of oil and natural gas, which reach 13 billion tons of oil and 3 billion tons of gas, making the region the second and third largest oil and natural gas exporter in the world. The presence of other mineral resources such as gold, iron and uranium is also a factor that doubles this importance. Twenty-five percent of the world's uranium reserves have been discovered in Kazakhstan, Tajikistan and Kyrgyzstan. Uzbekistan alone produces 4,000 tons of gold, the eighth country in the world in its production. Tajikistan is ranked fourth in the world in cotton production, and Kyrgyzstan has a distinct international position in grain production. On the other hand, it is an open market for other countries (Bichsel, 2009). Its population of more than 60 million. In addition, Kazakhstan's possession of space technology capabilities, close to 1,400 nuclear warheads, 140 intercontinental ballistic missile launchers, 2 Russian military positions in Semipalatinsk in northeastern of Kazakhstan and the presence of nuclear specialists have all led to the regional and international importance of this region. (Gencer & Gerni, 2012)

The advantages of the Iranian strategy

Iran was not far from the international competition for Central Asia. It was among many countries, including United States of America, Russia, Turkey, Israel, India, China and Pakistan, 5 that sought a foothold in the Central Asian region, drawing on several strategic advantages to play a vital role in the region, can be summarized in:

Geographic convergence: The Caspian Sea is located on the northern border of Iran, and thus Iran shares with Turkmenistan and Kazakhstan in its territory, as well as common borders with Turkmenistan. This geographic proximity provides an important advantage for Iran in its relations with the Central Asian republics, in terms of their willingness to serve as the link between these republics and the outside world by establishing a set of land transport networks, whether on roads or railways. (Gladman, 2006)

Cultural links: The peoples of Tajikistan and Azerbaijan speak the Persian language, as well as the ethnic extensions of some of these countries in

Iran, such as the Azeri and Turkmen minority in Iran. (Hohmann, Mouradian, Serrano, & Thorez, 2014)

Iran has the potential to produce the consumer goods needed by these countries, the experience of Iran and its reasonable capabilities in the production and refining of oil and gas, which are of great importance to the independent republics, especially Turkmenistan. Moreover, this also includes the proximity of Tehran from energy consuming countries such as Turkey, Armenia, India and Pakistan, European Union countries. This has been demonstrated by the successful export of Turkmen gas to Turkey and Europe through Iran in the shortest, best and least expensive way. The length of this line from Turkmenistan to Turkey via Iran is about 1470 km, 140 km inside Turkoman and 1030 km inside Iranian territory. The pipeline costs \$ 700 million less than the Caspian Sea gas pipeline. However, this line faces strong opposition from the United States, which is doing its utmost to prevent Russia or Iran from controlling their energy sources by building pipelines that avoid traffic Even though they are at a higher cost or face many security risks. Iran has taken advantage of these advantages in its relations with Central Asia to achieve a set of objectives: (Ishnazarov, 2015)

Exiting the international isolation imposed on it since the Islamic Revolution, which increased with the disclosure of its nuclear activities in late 2002, as well as countering the growing American influence in the region. (Gencer & Gerni, 2012)

The development of the Shiite cultural tide in that region.

Strengthening economic relations with Central Asian countries.

The independence of the republics of Central Asia created a new strategic space that enabled Iran to face the US campaign against it against its nuclear program, especially after the US siege on it after the wars in Afghanistan and Iraq, where the American military presence became a reality on its borders (Hohmann, Mouradian, Serrano, & Thorez, 2014). That is why Iran has not hesitated to use this opportunity to break out of the US siege and expand its influence. Tehran has emerged from a strategic vision that it has become the natural force to play a leading role in the Central Asian region. It is also bordering Turkmenistan and Azerbaijan geographically. Tehran is the natural land port of both states to the Arabian Gulf and has cultural and cultural ties with Tajikistan. (Kantarci, Uysal, & Magnini, 2014)

In addition, China is one of the first countries to recognize the Central Asian countries after independence from the former Soviet Union, established strong diplomatic relations and exchanges of official visits. The new Chinese policy towards this region appeared in 1969 when Beijing moved to find a formal framework linking it with the region. The idea of the SCO came in cooperation with Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, which Uzbekistan joined in 2001. It was clear that Beijing was using Russia's influence to move to Central Asia, while Moscow was looking for a strong ally in Asia to stop the European motherland is moving toward its areas of influence. With China increasingly in need of energy and rising oil and gas prices, Beijing had to look for cheaper and safer alternatives to meet its needs. The energy resources in Central Asia, which are close to it, have come to realize this dream, but more trade-offs are needed with Russia, which fears that China is contending to control the oil and gas transmission lines. At the same time, Central Asia is a major consumer market for Chinese goods. Most of China's imports from Central Asia are the raw materials China lacks. China exports consumer goods to these countries (Bichsel, 2009).

Meanwhile, Iran's geopolitics is characterized by its northern border reaching the Caspian Sea, the best oil crossing to the Arabian Gulf to the south, the disintegration of the Soviet Union and the emergence of three Asian Caspian Sea countries. There was demanding territorial waters in Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan. The era of the Soviet Union, where limited Iranian benefits from the sea on fishing and the wealth of caviar, which led to the profits of Iran, in addition to the oil wealth that came to view, the strategic importance of the region increased. It moved the aspirations of Iran to play a key role, and In particular, Iran has relatively advanced oil facilities. Iran's current strategic ambitions are to become the main carrier of Caspian oil through its territory to the Persian Gulf (MacFarlane, 1999).

Results

In order to deepen its role in Central Asia, Iran sought to formulate a gradual pragmatic approach of not focusing on exporting Iran's revolutionary Islamic model and providing a practical Persian model. Tehran did not seek to spread the idea of the Iranian Revolution in Central Asia, and the realization that the ruling elites in those countries

have lied to secular values, making them more inclined not to accept the Iranian revolutionary thought on the other (MacFarlane, 1999). The most prominent example of this Iranian pragmatism is Iran's position on the conflict between Armenia and Azerbaijan over the Karabakh region, where Iran supported Armenia against Azerbaijan (in which Shiites make up about 93.4% of the population) «Iran claims to defend Islam while arming Armenia, the Christian state against the Muslim Shiite Muslim people of Azerbaijan.» Tehran has succeeded in persuading the Central Asian countries that they are not a threat to their political systems, which helped them establish a network of strategic interests with those countries. This has served to reassure political elites in Central Asia against Iranian intentions. Central Asia in accepting cooperation with Iran, as happened with Turkmenistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan, whose leaders have expressed their lack of conviction that Iran is a threat and have expressed their willingness to cooperate with it. (Oliker, Szayna, Pace, & Wilson, 2003)

Because the Central Asian republics are geographically locked countries, where there is no open seas, the issue of the transfer of huge oil reserves enjoyed by these countries is a great challenge, especially in light of the fierce competition between numbers of neighboring countries to transport this oil (Ishnazarov, 2015). Each state has a pipeline that passes through its territory, while it can be called a «pipeline war.» In this sense, Iran has tried to win this competition, which will give it considerable economic gains, strategic influence and overcome US efforts to prevent the transit of oil pipelines through Iran by supporting the Baku-Azerbaijan (Tebilisi) – Ceyhan (Turkey), which opened in May 2005. In its effort to persuade other neighboring countries to pass oil pipelines through its territory, Iran has argued that the most economically viable route to transport Central Asian oil to Europe passes through its territory. Tehran has several advantages: (Bichsel, 2009)

Iran has great potential both in the field of human resources trained to work in the oil field, or in the field of land and air transport and oil refineries. (Hohmann, Mouradian, Serrano, & Thorez, 2014)

The potential of its ports to transport oil and gas, and the existence of oil and gas pipelines already, which provide great technical and logistical concessions, and the possibility of connecting the proposed lines with pipelines and export outlets already located in the Arabian Gulf. (Kantarci, Uysal, & Magnini, 2014)

Iran enjoys relative stability compared to other countries; there are no separatist movements or civil wars that could affect oil pipelines.

In addition to the above, Iran developed its cultural relations with these countries. In February 1992, it established the Persian Language Organization, which in addition includes Tajikistan and Afghanistan. Tehran provided assistance to develop Persian elements in the cultures of these Turkic-speaking countries by teaching Persian in schools and universities and studying the Persian period in their history. Tehran has also established a research center within the framework of the Institute of Political and International Studies of the Iranian Ministry of Foreign Affairs, which focuses on the study of Central Asia and the Caucasus, holds an annual conference to discuss the issues of that region and publishes a quarterly magazine entitled *Central Asia and the Caucasus*. On the economic side, economic motives were one aspect of Iran's rapprochement with the Central Asian Republics. This is evident in the volume of trade exchange between Iran and these countries. The volume of trade between Iran and the Central Asian countries in 2004 reached about 1.7 billion dollars (2.1% Of Iran's total foreign trade of \$ 79.2 billion), compared to only \$ 884 million in 1994, i.e., the volume of trade increased by 93.8% during that period. (Oliker, Szayna, Pace, & Wilson, 2003)

On the other hand, Iran's fears of Russian influence in the Central Asian region cannot be ignored. Some have argued that current international developments are what Iranian ships desire. While Tehran has maintained its alliance with Moscow, On the other hand, by maintaining a common hair with Europe and America, which largely hold the keys to solving the Iranian nuclear file. (Bichsel, 2009) The Iranians are well aware that Russia can postpone or

oppose imposing new sanctions on Tehran by using the veto in the Security Council, but it is unable to remove the nuclear file from the dark tunnel it is. Iranian crisis of the Caucasus carries messages implicit in support of Russia, at the same time does not arouse the other party, which is trying hard to put Tehran in the face of a new confrontation with the UN Security Council. (Gencer & Gerni, 2012)

Conclusion

In brief, Central Asia appears to be the point of interest in the Iranian strategy contributing to that the valuable resources including oil that these countries has. Iran is attempting to exploit the resources of the central Asian countries in order to achieve its objectives, whereas the region functions as the appropriate arena through which Iran could impose its influence and strengthen its foreign trade. Iran is aware of its capabilities and availability of resources; thus, the government is taking advantage of the several privileges that central Asian region provide it with in order to increase its influence and in the same time increase its profit. Tehran did not seek to spread the idea of the Iranian Revolution in Central Asia, and the realization that the ruling elites in those countries have lied to secular values, making them more inclined not to accept the Iranian revolutionary thought on the other. Iran has the potential to produce the consumer goods needed by these countries, the experience of Iran and its reasonable capabilities in the production and refining of oil and gas, which are of great importance to the independent republics, especially Turkmenistan. Moreover, this also includes the proximity of Tehran from energy consuming countries such as Turkey, Armenia, India and Pakistan, European Union countries.

References

- Barbara Ann Rieffer-Flanagan (2013) *Evolving Iran*. Washington D.C.: Georgetown University Press.
- Bichsel C. (2009). *Conflict Transformation in Central Asia: Irrigation Disputes in the Ferghana Valley*. New York: Routledge.
- Dorraj M. (2013). *Iran's Northern Exposure: Foreign Policy Challenges in Eurasia*. Washington D.C.: Georgetown University.
- Evyazov Zh. (2009) *Iran's security interests and geopolitical activity in Central Eurasia*. Baku: Baku State University
- Gencer E. A., & Gerni, C. (2012). *Central Asian Economies in Transition*. New York: Cambridge Scholars Publishing.
- Gladman I. (2006). *Eastern Europe, Russia and Central Asia 2007*. London: Taylor & Francis.
- Hohmann S., Mouradian, C., Serrano, S., & Thorez, J. (2014). *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the post-Soviet Era*. New York: I.B.Tauris.
- Ishnazarov D. (2015). *Trade Openness Impact on Economic Growth in Central Asia*. New York: Lap Lambert Academic Publishing GmbH KG.
- Kantarci K., Uysal, M., & Magnini, V. P. (2014). *Tourism in Central Asia: Cultural Potential and Challenges*. London: CRC Press.
- Kazemzadeh H. (2013) *The Overview of Iran & Caucasus Ties*. Warsaw: Warsaw University.

- MacFarlane S. N. (1999). *Western Engagement in the Caucasus and Central Asia*. New York: Royal Institute of International Affairs.
- Oliker O., Szayna, T. S., Pace, S., & Wilson, P. A. (2003). *Faultlines of Conflict in Central Asia and the South Caucasus: Implications for the U.S.* New York: Rand Corporation.
- Primakov E.M. (2012). *Confidentially: Middle East. On stage and backstage*. M.: Russian newspaper.
- Edward Wastnidge, «Pragmatic Politics: Iran, Central Asia and Cultural Foreign Policy,» *Central Asia and the Caucasus*, 2014, 15 (4): 119–130 (121).
- 3 Wastnidge, «Pragmatic Politics.»
- Koolae E. (2010) *Iran-Kazakhstan relations: Geopolitical analysis*. Tehran: University of Tehran.
- Wastnidge E. (2014). *Pragmatic Politics: Iran, Central Asia and Cultural Foreign policy*. *Central Asia and the Caucasus* 15 (4).
- Wastnidge E. (2017). *Central Asia in the Iranian geopolitical imagination*. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*.

Buzurtanova M.M.

deputy head of department, senior lecturer,
al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: marem_buzurtanova@hotmail.com

HUMAN RIGHTS IN THE US FOREIGN POLICY CASE OF KAZAKHSTAN

The article outlines the bilateral relations of the USA and Kazakhstan since 1992. The focus of the foreign relations analysis in this case is on human rights. The aim of the article is, therefore, to identify how the five Presidential administrations, namely, George H. W. Bush's, Clinton's, George W. Bush's, Obama's and Trump's saw the role and place human rights and whether this particular agenda was either promoted or neglected. To answer the question, the author employs the method of case study. The task of the case study is to understand how (if any) the engagement of Kazakhstan in its bilateral relations with the USA influenced its domestic human rights policy.

The author used a wide range of primary and secondary sources, i.e. range of official documents and mass media materials as well as scholarly article and books on the subject. The author takes to answer the questions taking into account the premises of the 'rational choice' and 'rational actors' paradigms. The Strategic Partnership Dialogue set in 2012 does not prioritize human rights either. This policy was to prevent future violations of human rights through enhancing domestic institutions and traditional diplomacy that was reactive and inconsistent. The case of Kazakhstan has been studied in order to reveal the role and place of human rights in its bilateral relations with the USA.

Key words: human rights, US foreign policy, US-Kazakhstan bilateral relations.

Бузуртанова М.М.

кафедра меңгерушісінің орынбасары, аға оқытушы,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: marem_buzurtanova@hotmail.com

Қазақстанды мысалға ала отырып, АҚШ-тың сыртқы саясатындағы адам құқығы

Мақалада АҚШ пен Қазақстанның 1992 жылдан бергі екіжақты қарым-қатынастары сипатталған. Екі жақты қатынастарды талдаудың негізгі бағыты адам құқықтарына қатысты. Осы мақаланың мақсаты – бес президенттік әкімшіліктің, атап айтқанда, үлкен Джордж Буштың, Билл Клинтонның, кіші Джордж Буштың, Обаманың және Трамптың әкімшілігінің адам құқықтарының рөлі мен орнын қалай анықтағаны және олардың нақты түрде қалай көтерілгені немесе Қазақстанмен қарым-қатынастарын орнатқан кезде адам құқықтарының бұзылуына назар аударған жоқ. Зерттеу сұрақтарына жауап беру үшін автор тақырыптық зерттеу әдісін қолданады. Осылайша, автор осы зерттеудің міндеті Қазақстанның АҚШ-пен екі жақты қарым-қатынасқа қатысудың өзінің ішкі адам құқықтары саласындағы саясатына қалай әсер еткенін түсінуді қарастырады.

Бұл мақалада автор алғашқы және екінші көздердің кең ауқымын – АҚШ әкімшілігі мен конгресінің ресми құжаттарын, бұқаралық ақпарат құралдарын, сондай-ақ осы тақырып бойынша ғылыми мақалалар мен кітаптарды қолданды. Тапсырманы шешу үшін автор «ұтымды таңдау» және «ұтымды тақырыптар» теориясына сүйенеді. Бұл саясат отандық институттар мен дәстүрлі дипломатияны реактивті және үйлесімсіз ету арқылы болашақта адам құқықтарының бұзылуын болдырмауға бағытталған. Қазақстан ісі адам құқықтарының АҚШ-пен екіжақты қарым-қатынасындағы рөлі мен орнын анықтау мақсатында зерттелген.

Түйін сөздер: адам құқықтары, АҚШ сыртқы саясаты, Америка-Қазақстанның екіжақты қарым-қатынастары.

Бузуртанова М.М.

заместитель заведующего кафедрой, старший преподаватель,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: mare_m_buzurtanova@hotmail.com

Права человека во внешней политике США: пример Казахстана

В статье описываются двусторонние отношения США и Казахстана с 1992 года. Основное внимание при анализе двусторонних отношений уделяется правам человека. Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить, каким образом пять президентских администраций, а именно: администрация Джорджа Буша-старшего, Билла Клинтона, Джорджа Буша-младшего, Обамы и Трампа, определяли роль и место прав человека, и как конкретно они продвигали или пренебрегали вопросами о правах человека при построении своих отношений с Казахстаном. Чтобы ответить на поставленные исследовательские вопросы, автор использует метод кейс-стади. Таким образом, автор видит задачу данного исследования в том, чтобы понять, как же участие Казахстана в двусторонних отношениях с США повлияло на его внутреннюю политику в области прав человека.

В данной статье широкий спектр первичных и вторичных источников использовал автором, а именно официальные документы Администрации и Конгресса США, материалы средств массовой информации, а также научные статьи и книги по данной тематике. С тем, чтобы решить поставленную задачу, автор опирается на теории «рационального выбора» и «рациональных субъектов». Эта политика состояла в том, чтобы предотвращать будущие нарушения прав человека путем укрепления внутренних институтов и традиционной дипломатии, которая была бы реактивной и непоследовательной. Дело Казахстана было изучено с целью выявления роли и места прав человека в его двусторонних отношениях с США.

Ключевые слова: права человека, внешняя политика США, американо-казахстанские двусторонние отношения.

Introduction

The foreign policy of a state is believed to be all about its national interests that are traditionally understood in terms of wealth and security. However, non-material factors have been increasingly within the scholarly focus (Hurwitz and Peffley, 1987; Hunt, 2009; Beasley et al, 2012) with the emphasis made on a nation's self-image.

The United States' self-image is indissolubly related to personal freedoms and rights (Forsythe, 1990; 2000; Mead, 2013). The country is often regarded (McFaul, 2004; Wolff and Wurm, 2011) as one of the most powerful norm promotion actors on the international arena. Yet, the American political culture and history makes a number of issues quite problematic, namely the attitude to socio-economic rights in particular and to the internationally recognized norms in general (Forsythe, 2000). Moreover, Forsythe (2000) claims that the right to private property is the only one consistent with American tradition of liberalism. Not less problematic is the question how these values and ideas, that are believed to be universal (Davis and Lynn-Jones, 1987; Lockhart, 2012; Forsythe, 2012), shall be translated into concrete foreign policy moves, whether the USA shall promote them by its own example and retreat to an isolationist politics

or, instead, opt for a more proactive interventionist foreign policy of human rights. And, if the former is a chosen way of actions, shall human rights trump other foreign policy considerations such as security and economy?

Traditional theorizing about US human rights foreign policy according to Forsythe (2011) is that about liberalism or realism with some elements of constructivism. Forsythe suggests distinguishing between enlightenment cosmopolitanism or liberal absolutism characterized by multilateralism and consistent commitment to international law (only the Carter administration may be attributed as such), providential nationalism or Manifest Destiny that may take two shapes: libertarian isolationism or neo-conservative unilateral interventionism (the Bush administration, the first term particularly), and case by case pragmatism (the Clinton Administration, the second term particularly and the Obama's). Since 1976 U.S. Department of State has had to submit reports on human rights practices in other countries to the Congress in accordance with the Foreign Assistance Act (1961) and the Trade Act (1974).

The question of the means of foreign policy on human rights answered by Donnelly (2003) as the followings: use of military force, sanctions, restrictions of trade, restrictions of foreign aid, verbal statements of inducement or condemnation,

isolation, support for domestic human rights activists and groups.

The article outlines the relations of the USA and Kazakhstan in order to identify what role and place human rights agenda played therein in the course of the five Presidential administrations, namely, George H. W. Bush's, Clinton's, George W. Bush's, Obama's and Trump's. The tasks of the case study is to understand how (if any) the engagement of Kazakhstan in its bilateral relations with the USA influenced its domestic human rights policy. The article is sourced by a wide range of official documents and mass media materials as well as secondary sources such as scholarly article and books on the subject. Methodologically, as it has been indicated above, the article is premised on the rational choice and rational actors paradigm.

Results

The George H. W. Bush Administration

The G.H.W. Bush administration being caught between the Cold War past and an uncertain post-Cold War future (Rosati and Scott, 2010) faced the challenge of formulating new policies in the new realities. As any other president, Bush was compelled to include human rights into the foreign policy agenda. He spoke on a New World Order of prevailing international law and human rights before the Congress (1990) and the United Nations (1992a), but his term ended before the administration could have done anything concrete in the direction.

Washington seized the initiative in the relations with the newly independent states after the dissolution of the USSR. It was the first to recognize Kazakhstan and to establish diplomatic relations in December 1991 (US State Department, Kazakhstan Country Page 2014). But it was nuclear non-proliferation that prevailed in the foreign policy agenda of the White House. These efforts proved to be very fruitful: Kazakhstan signed the Conventional Armed Forces in Europe Treaty (1992), the START Treaty (1992), the nuclear Non-Proliferation Treaty (1993), the Chemical Weapons Convention, and the Comprehensive Test Ban Treaty (2001) (US State Department, Kazakhstan Country Page, 2014).

As G.H.W. Bush presidency did not suffer from any inter-branch rivalry, the Congress was prompt to legislate: the Freedom Support Act (1992), that, according to Bush (1992b) promoted «democratic peace» based on political and economic freedom in newly independent states, provided for increase in

the US share of the IMF as well as in its bilateral assistance. Yet again as the full title «Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act» suggests, the major focus was on market-economy promotion.

The US administration facilitated international socialization of nuclear Kazakhstan during its first years of its independence. The first official visit of President Nazarbayev in 1992 was a symbolic gesture of support; the USA and Kazakhstan signed a number of agreements on trade and investments (Laumulin, 2000). It was when the foundations were laid for the relations with Kazakhstan with the principle objectives: maintenance of security in Central Asia (at that stage it meant de-nuclearization), promotion of the US economic interests, counter-balancing Russia and China, ensuring stable development of Kazakhstan preferably but not necessary towards further democratization and economic liberalization.

During G.H.W. Bush presidency, Kazakhstan's statehood was in germ and the trajectory of its development was uncertain. That was the following administration in Washington who faced the challenge to response to quite dramatic changes in the domestic affairs of Kazakhstan.

The Clinton Administration

For the Clinton administration human rights and democracy promotion was one of the four pillars of the US foreign policy (Forsythe, 2000; Rosati and Scott, 2010). However, during the first two years of Clinton's term, the relations continued the pattern of the previous administration, i.e. denuclearization and enlargement of the share of American business in Kazakhstan's economy. Ambassador S. Talbott, Secretary of State W. Christopher and Vice President A. Gore visited Kazakhstan throughout 1993 and Nazarbayev paid his second visit to Washington in 1994 where the two parties signed the Charter on Democratic Partnership. On the press conference in the White House, Clinton praised Kazakhstan for progress in nuclear non-proliferation, commitment to its arms control obligations and economic reforms. Stressing the «immense strategic importance and a long-term economic potential to the United States», Clinton (1994) mentioned the «common commitment to democratic values, rule of law and individual rights» only once. In November 1994, the American-Kazakh Joint Committee was established to implement the Charter; however its work was focused on the issues other than human rights (Laumulin, 2000).

By the mid-1990s, the initial trajectory of Kazakhstan's political development started to

change. 1995 was the year of immense political turbulence (see Appendix 1). In March the Supreme Soviet was declared illegitimate by the Constitutional Court, who was, in turn, suspended by the Supreme Soviet. The prompt Nazarbayev's Decree dissolved the Supreme Soviet and the entire government resigned. The US Ambassador Courtney welcomed «a democratic victory» (Panorama, 1995 cited in Laumullin, 2000). The newly appointed Prime Minister, without being constrained by the opposition in the Parliament, started a full-scale privatization and went on the official visit to Washington where, according to Laumullin (2000), he signed ten agreements on cooperation in economy, energy, trade, information, finance, and environmental protection.

When in the White House learnt that Nazarbayev was planning a referendum to extend his powers until 2000 without elections, the response was very negative (W. Christopher, 1995 cited in Laumullin, 2000) and the US Defense Minister W. Perry visiting Kazakhstan, expressed concerns about the future of democracy in the country (Perry 1995). The visit was aimed at insurance of Kazakhstan's adherence to its nuclear disarmament obligations and decreasing of its military dependency from Russia via the NATO Partnership for Peace Program. By June 1995, Kazakhstan had completely removed all Soviet nuclear weapons from its territory becoming a non-nuclear state (US State Department, Kazakhstan Country Page, 2014). By June 1995, Kazakhstan had completely removed all Soviet nuclear weapons from its territory becoming a non-nuclear state (US State Department Kazakhstan Country Page, 2014). The intensity of the bilateral contacts decreased.

The referendum was held on April 29, 1995. Four months later, another referendum adopted a new Constitution. Kazakhstan became a unitary, democratic, legal, secular and social state with a presidential form of government (Art 1) with considerable prevalence of the executive branch (see Appendix 1). The reaction of the White House was negative because the new Constitution did not fully «protect human and civil rights» (cited in Laumullin, 2000). By the end of the year, the first elections to the Majilis and its constitutional laws on the President and on the Constitutional Council completed the process of the constitutional reforms. The US State Department (1999) considered the elections «an improvement on the presidential election» but still falling short of the international standards. From now, the concentration of the powers for the President has been constantly increasing.

In 1997, the US admitted that Central Asia was in the zone of its national interest (Cohen, 2006; Weitz, 2006). The relations had to be restored. In autumn, First Lady H. Clinton visited Kazakhstan and soon Nazarbayev returned the visit. The two sides signed the Agreement on the Operation of Caspian Oil and Gas Fields, and launched the Economic Partnership Program (US State Department, Kazakhstan Country Page, 2014).

In October 1998, the Constitution was once again amended with clear political implications (see Appendix 1) and the early presidential elections were scheduled for 1999. Nazarbayev won with 79.78%. The only opposition candidate received 11.7%. The former Prime Minister Kazhegeldin was debarred from running. All these triggered a very negative reaction: the US Helsinki Commission Chairman Ch. Smith (1999) expressed concerns that Nazarbayev obtained unrestrained control over all branches of power. The elections of 1999 brought the overwhelming majority of deputies from the pro-president «Otan» party to the Parliament who soon adopted the laws on the Media and on State Secrets that were harshly criticized by the White House (US State Department, 1999). In December 1999 Nazarbayev paid his fourth official to the United States where he was awarded for an outstanding contribution to promotion of democracy by the International Foundation for Electoral Systems (IFES, 2014).

The events in Kazakhstan demonstrated unsoundness of the initial aspirations that the end of the Cold War would impact the former Soviet Republics the same way it did in Eastern Europe. Now there came an understanding that certain tendencies had to be mitigated. This time the initiative belonged to the Congress who passed the Silk Road Strategy Act (1999) that granted the President the right to provide assistance to Kazakhstan to the following ends: to strengthen parliamentary institutions and practices; to develop NGOs and independent media; to consolidate the rule of law, independent judiciary, transparency in political practice and commercial transactions; to conduct international exchange and training programs (US Congress, 1999). Quite often it was the US Congress that pushed human rights issues into American foreign policy that the administrations tended to conduct in a more pragmatic real-politic manner. This time the reason for the Strategy to emerge in the Congress was the confrontational relations between the US legislature and executive during Clinton's terms (Hersman, 2010). The conservative republicans also insisted on publishing a separate International Religious

Freedom Report under International Religious Freedom Act (1998).

In April 2000, the US Secretary of State M. Albright visited Kazakhstan a few weeks after the heads of the CIA and of the FBI to meet with Nazarbayev as well as opposition and business leaders (BBC, 2000; Troitskiy, 2007). A month later, the Constitutional Law on the First President – the Leader of the Nation (2000) granted Nazarbayev a number of post-retirement powers and immunity from prosecution to him and his family.

The George W. Bush Administration

Understandingly, the 9/11 events shaped the relations between the two nations; Kazakhstan and other Central Asian states were important for the US-lead operation in Afghanistan (Luong and Weinthal, 2002). The initial focus of the US attention was on Uzbekistan, by the mid-2000s concerns about human rights abuses made the White House consider Kazakhstan as the most significant partner in the region (Nichol, 2013). The Congress tried to interfere into US foreign policy regarding it too pragmatic. Since 2003, assistance to the government of Kazakhstan should have been barred unless the Secretary of State convinced the Congress that Kazakhstan had significantly improved its human rights record. However, this has been waived on national security grounds. The US Secretary of State C. Rice visited Kazakhstan in 2005 and reaffirmed this shift of the American policy. Apart from the talks with President Nazarbayev and other top officials, she met the opposition's Zh. Tuyakbay and A. Baimenov in Astana (US State Department, 2005a). Former US State Secretary H. Kissinger visited Astana just two days after Rice's visit to talk with Nazarbayev. At the end of that year, Nazarbayev defeated four candidates and won the presidential elections with 91.1% of votes (Nichol, 2013). According to the US State Department (2005), the elections were neither free nor fair. The same year the Law on Extremism was adopted with the provision of prosecution for «inciting social hatred» that might have been used against oppositionists, activists and journalists (US State Department, 2005b). None was mentioned during Nazarbayev's fifth visit to the USA. The program of the visit was rather illustrative: he met with the US President and Vice President, Members of the US Congress and CIA Director, Ministers of Energy and Trade, World Bank President and CEOs of ExxonMobil, ConocoPhillips and Halliburton (Embassy of Kazakhstan to the USA, 2006).

In the meanwhile, the Constitution of Kazakhstan was once again amended in May 2007. This time,

the changes appeared to be more progressive. The number of deputies in both chambers increased; the president's term decreased; mandatory court orders in case of detention and arrest and trial by jury were introduced. Yet, there were other amendments: two-thirds of votes in each chamber were now required to override presidential alterations to the bills passed in the Majilis and Senate. Most importantly, the amended Constitution excluded Nazarbayev from term limits (Nichol, 2013). Once again the constitutional reform was followed by the early elections, this time to the Majilis that were held in August, 2007. The ruling Nur-Otan party won all 98 seats. The US Assistant Secretary of State R. Boucher (2007) called the elections «signs of the right direction towards a stable democratic system».

The Obama Administration

Globally, the Obama's administration had to deal with the consequences of Bush's «democracy promotion» of in Iraq. Bilaterally, the White House faced the challenges similar to those before the Clinton administration.

President Nazarbayev first met his US counterpart during the Nuclear Security Summit in April 2010 where the bilateral declaration by two Presidents touched upon the forthcoming Astana OSCE Summit, particularly Kazakhstan's pledge to «hold a Review Conference in Kazakhstan on Implementation of Commitments in the Human Dimension» (Embassy of Kazakhstan to the US, 2010).

The decision to support Kazakhstan's OSCE Chairmanship bid was made by the previous administration back in 2005. The White House sent H. Clinton, this time in the capacities of the State Secretary. She arrived in Astana a day earlier to conduct a Q&A session with the representatives of civil society at the Eurasian University where she praised Kazakhstan for having removed the nuclear arsenal from its territory as she thought non-proliferation to be a human rights issue. While admitting the problems in specific areas of human rights, she urged the audience to have a balanced picture (OSCE, 2010). The USA proposed three thematic areas for the Summit: firstly, to enhance the OSCE's role in Central Asia and particularly in Afghanistan; and secondly, to improve the existing and develop new mechanisms and commitments in respect of the 1999 Vienna Document, CFE Treaty, ODIHR, conflicts management (US OSCE Mission, 2010).

When Astana hosted the OSCE Summit on 1-2 December 2010, Nazarbayev represented

Kazakhstan in the El Basy (Leader of the Nation) capacities: a few months earlier his Leader of the Nation lifetime powers granted in 2000 had been secured even in the case of his retirement from the presidency via another constitutional amendment and adoption of the Constitutional Law (2010).

The major political charade started in late 2010, when a petition appeared calling to extend Nazarbayev's term until December 2020 via a referendum. The corresponding bill was vetoed by Nazarbayev that was overridden by the Parliament but ruled unconstitutional by the Constitutional Council. Eventually, Nazarbayev called to reschedule the presidential election from late 2012 to April 2011 and won with 95.55% against three candidates. The major opposition politicians either refused to run or failed to meet the requirements in such a short run. Soon, Nazarbayev received congratulations from the US Embassy (Nichol, 2013).

In 2011 there were two major events. In April new legislature on religion appeared. The Head of US Mission to the OSCE Permanent Council, raised concerns about its restrictive nature. In November, Nazarbayev dismissed the Parliament again and set early elections that were held in January, 2012. The ruling Nur-Otan Party won 83 seats, two minor parties received eight and seven seats. Assistant State Secretary Blake, the head of the Central Asian direction in the Obama's administration, praised the election as a progress towards a multi-party democracy (cited in Nichol, 2013).

On 16 December, 2011, the workers in western Kazakh town of Zhanaozen took to the streets. The protest turned violent, the police opened fire leaving 16 dead and dozens injured (BBC, 2011). Nazarbayev responded promptly: the head of the state-owned energy firm and his son-in-law and the governor were forced to resign (Moscow Times, 2011). The Zhanaozen violence was not left without trial, a number of officials involved were found guilty (BBC, 2012). The US welcomed the government's «commitment to a thorough and transparent investigation» (US State Department, 2012). However, the leader of the Alga opposition party Kozlov was tried and convicted for organizing the riots as part of a coup attempt against Nazarbayev and was sentenced to 7.5 years in prison (HRW and FH cited in Fergana, 2012). The Head of US Mission to the OSCE Permanent Council stated that the trial «casts serious doubts on [Kazakhstan's] respect for human rights, fundamental freedoms, and the rule of law» (US State Department, 2012).

After Zhanaozen, the situation aggravated. In the first months of 2012, a number of opposition leaders and journalists were arrested on various charges (US State Department, 2012). In October 2012, the US Administration received the appeal from a group of Kazakhstan's human rights activists to deny visa to over three dozen officials including Nazarbayev, who, they believed, were personally responsible for Zhanaozen violence (HRF, 2012). At the end of 2012, a number of media were ruled «extremist» and closed down; the court also banned the Alga Party as an extremist organization (FH, 2014).

On this background, the United States started the targeted assistance program in 2011 with strategic aim to ensure Kazakhstan's development as a stable, secure, democratic and prosperous partner, a respected regional leader that would embrace free-market competition and the rule of law (US State Department, 2013). Assistance Activities by US in Kazakhstan in 2012 amounted to US\$19,285,000 and then decreased to US\$13,959,000 in 2013 and US\$12,229,000 in 2014.

Proportionally, 32% was allocated to peace and security, 38% to economic growth, 10% to investing in people and 20% to governing justly and democratically (US State Department, 2013).

Moreover, that was the Obama administration who established the Strategic Partnership Dialogue with Kazakhstan in 2012 that, along with such issues as integration of Afghanistan into the region, nuclear non-proliferation, cooperation in security, trade, investment, energy and science, stipulated for boosting people to people contacts and democracy development to strengthen the representative institutions such as independent media, local self-government and civil society. The SPD plans to achieve the goals by conducting roundtables on governance and human rights with non-governmental organizations (US State Department, 2013).

The Trump Administration

President Trump appears to see one of his priorities as to overscore the Obama years. Isolationism was the major stance during his campaign, while the practical realization of the promise has been so far rather inconsistent: on one hand, there have been unilateral withdrawal from Paris Agreement and Iran Nuclear Deal, one the other we witness rather vigorous advocacy to intervene in Venezuela and Iran. Speaking in the United Nations, President Trump underlined that the USA were «to reject the ideology of globalism and accept the doctrine of patriotism» while making a number of rather crude personal attracts towards several world leaders (Trump, 2018).

Sadri and Akar (2019) argue unlike Obama's employment of soft power economic tactics with ambiguous results, Trump Administration's foreign policy towards Central Asian is still undecided but definitely on the periphery of the Washington's agenda. However, President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, was the first to personally contact President Trump. In the course of the telephone talk on November 30th 2018, the two leaders touched upon the future of US-Central Asian diplomacy including fighting terrorism and promoting nuclear nonproliferation (Interfax, 2016).

The US ambassador to Kazakhstan explained why the USA were not inclined to dramatically change foreign policy in the region as it had too much to gain from energy trade and proposed Washington to continue to promote stability, security, and energy trade in Central Asia. Tillerson speech at the 2017 World Expo in Astana was also rather complementary (US Embassy, 2017). Similarly, at the UN Security Council Session, Tillerson cited Kazakhstan's example as an excellent nonproliferation policy (US State Department, 2018). The wording of the remarks of President Trump in Joint Press Statements in the course of Nazarbayev's visit to the USA were no less complementary and have very similar focus as those of the Ambassador (Whitehouse, 2018). In none of the abovementioned cases human rights were the topical issue.

Discussion

This is how the relations with Kazakhstan have been perceived by the White House. The USA has been chosen for this case study because of its perceived importance in the international promotion of human rights (Davis and Lynn-Jones, 1987; Forsythe 1990, 2011; Lockhart, 2012). It shall be noted that, unlike the relations with the Arab World, China, Russia or Europe, the relations with Kazakhstan do not have any significant influence on the domestic politics in the USA being on the periphery of the attention of the US political elite and virtually non-existent in public discourses. Therefore, Washington possesses more freedom in its politics towards Astana not being scrutinized from within. This is an important observation as it seems to explain why Forsythe's classification does not work in the Kazakhstan's case. None of the administrations conducted proactive interventionist normative politics of human rights towards Kazakhstan. Although, Forsythe (2011) concluded that all administrations tend to eventually choose case-by-case pragmatism

by the end of the term, this study demonstrated that each US administration pursued this kind of human rights foreign policy with Kazakhstan from the very beginning.

The studied administrations – except the for the Trump's one which is still rather undecided – did not differ in principle; neither did they have differences in their approaches and tools. The White House preferred to communicate its concerns about human rights practices not directly during official talks and visits (at least not publicly) but via its representatives in the OSCE (see above) or through the State Department's Country Reports on Human Rights Practices (available since 1996). The US State Department has repeatedly emphasized the following very serious human rights issues in Kazakhstan: restrictions on freedom of speech, assembly, religion and association; legal due process, torture and abuses of detainees; arrests and detentions of the opponents of the authorities; politically motivated trials and corruption of judiciary.

There was a relatively short period after 9/11, when Central Asia gained its momentum, but as much as before the events as after, the USA had to weight its normative policy towards better human rights and greater democratization in Kazakhstan against a relatively constant set of other priorities. These priorities are: firstly, military security (initially denuclearization, later counter-terrorism); secondly, political counter-balance of Russia and China; thirdly energy security (this is not about being present in Kazakhstan's energy sector because its oil is crucially important for the US supply, but because it means less influence for Russia and China in the industry) (Raphael and Stokes, 2014).

For Kazakhstan, on the contrary, good relations with Washington are of vital importance in terms of economic cooperation, international prestige and counterbalancing Russia and China; but being well aware of the above mentioned factors, Kazakhstan has been constantly warning the USA about the risks a more proactive policy to push for democracy and freedom bears for political stability in the region and drastic consequences for the USA if this stability is lost.

Washington, dealing with Kazakhstan, has not abandoned human rights altogether. However, it is important to understand how human rights practices in foreign countries are perceived in America. Washington's record in respect to adhering to human rights as they are recognized internationally is rather peculiar (Forsythe, 1990;

2011). In short, in the USA, universal human rights are those from the American Bill of Rights not the International Bill of Rights. The language of the US State Department is a very vivid example, freedom of press and religion is perceived as «absolute» and is assessed accordingly, instead of «the right of political participation» (UDHR Art 21, ICCPR Art 25) and the Department uses the term «the right to change the government».

There is no any mutually agreed understanding or shared languages of human rights between the parties. Neither are there any mutually recognized commitments. Except for a rather vague Charter on Democratic Partnership (which, in spite of its title, is not an international bilateral treaty), the two parties are not legally bound to adhere to human rights in their relations with each other. The Strategic Partnership Dialogue set in 2012 does not prioritize human rights either. Yet, human rights agenda has been ever present; the choice has been made in favor of engagement policy (financial aid for NGOs via Freedom Support Act and New Silk Road Strategy). This policy was to prevent future violations of human rights through enhancing domestic institutions and traditional diplomacy that was reactive and inconsistent. There have been a number of critical statements and publicly expressed concerns, but no matter how grave human rights violations in Kazakhstan had been, there were no sanctions or a cancelation of an official visit or withdrawal of an ambassador. The lack of any institutionalized commitments means for many (Laumullin, 2003) that Washington's human rights politics is a self-interested, illegitimate interference into domestic affairs of Kazakhstan. But relative weight of these relations and apparent unreadiness of the USA to pursue a more coercive course of actions about human rights in Kazakhstan makes Astana

convinced that its ties with Washington will continue.

Conclusions

The case of Kazakhstan has been studied in order to reveal the role and place of human rights in its bilateral relations with the USA. The analysis has been mostly based on a rationalist presumption where relations are seen as a transaction (or, to be precise, a series of transactions with the actors calculating relative cost and benefits in political, economic and social spheres. This kind of analysis, however, does not preclude that understanding of the costs and benefits is purely rational and is immune from applying a logic of appropriateness that is a product of numerous influences in a historically conditioned environment.

The USA-Kazakhstan case study has led to the following findings: a) relations are insignificant for the USA and very significant for Kazakhstan; b) relations are not institutionalized; there are no commonly assumed commitments or binding obligations on human rights between the two parties; c) the parties understand human rights differently: for the USA, these are exclusively individual, negative rights (especially political liberties); for Kazakhstan, it is economy first and then politics; d) there are a number of other considerations that trump human rights for the both parties; e) there have been preventive policies of engagement and reactive policies of traditional diplomacy employed by the USA.

In the final analysis it has been demonstrated that the US foreign policy of human rights has been inconsistent and irresultative. Kazakhstan did not alter its behavior about human rights because of its engagement into bilateral relations with the USA.

References

- BBC. 2000. Albright visits Kazakhstan. [online] Available at <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/714242.stm>> [Accessed 10 May 2019].
- Beasley, R. K., Kaarbo, J., Lantis, J. S., & Snarr, M. T. (Eds.). (2012). *Foreign policy in comparative perspective: domestic and international influences on state behavior*. Sage.
- Bush, G.H.W. (1992). Address to the United Nations General Assembly in New York City, 21 September 1992. Public Papers. George Bush Presidential Library. [online] Available at: <<http://bushlibrary.tamu.edu/papers/1992/92092100.html>> [Accessed 10 May 2019].
- Bush, G.H.W. (1992). Statement on Signing the Freedom Support Act. October 24, 1992. [online] Available at: <<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=21658>> [Accessed 10 May 2019].
- Bush, G.H.W. (1990). Toward a New World Order. Address to a Joint Session of Congress and the Nation, 11 September 1990. [online] Available at: <<http://www.sweetliberty.org/issues/war/bushsr.htm#.VJgTh14gA>> [Accessed 10 May 2019].

- Clinton, W.J. (1994). The President's News Conference with President Nursultan Nazarbayev of Kazakhstan. [online] Available at: <<http://www.presidency.ucs.edu/ws/?pid=49652>> [Accessed 10 May 2019].
- Cohen, A. (2006). US Interests and Central Asia energy security. *Backgrounders*, 1984, 1-11.
- Davis, T. and Lynn-Jones, S. (1987). City upon a Hill. *Foreign Policy*, 66, pp.20-38.
- Donnelly, J. (2013). *Universal human rights in theory and practice*. Cornell University Press.
- Edward, S. (2011). *Politics and oil in Kazakhstan*.
- Embassy of the Republic of Kazakhstan in Washington, (2010). Presidents Nazarbayev and Obama Meet in Washington, D.C. to Discuss Kazakh-U.S. Strategic Partnership. [online] Available at: <<http://www.kazakhembus.com/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=349&cntnt01>> [Accessed 11 May 2019].
- Eurasian National University (2014). Nursultan Nazarbayev – architect of the Eurasian Union. [online] Available at: <<http://www.eurasianism.enu.kz/en/nursultan-nazarbaev-arkhitektork-evraziyskogo-soyuza/>> [Accessed 9 May 2019].
- Fergana News, 2013. USA, Human Rights Watch and Freedom House condemn sentence given to opposition activist V. Kozlov. [pdf] Available at: <<http://www.vladimirkozlov.org/media/36109/fergananews.pdf>> [Accessed 1 May 2019].
- Forsythe, D. P. (1990). Human rights in US foreign policy: Retrospect and prospect. *Political Science Quarterly*, 105(3), 435-454.
- Forsythe, D. P. (2011). US foreign policy and human rights: Situating Obama. *Human. Rights Quarterly*, 33, 767.
- Freedom House, 2014. Kazakhstan/Nations in Transit 2014. [online] Available at: <<https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2014/kazakhstan>> [Accessed 27 April 2019].
- Hersman, R. K. (2012). *Friends and foes: How Congress and the president really make foreign policy*. Brookings Institution Press.
- Henriksen, K. E. B. (2013). *Kazakhstan's Energy in Foreign Policy: Oil and Gas in the Multi-vector Policy* (Master's thesis).
- Hunt, M. H. (2009). *Ideology and US foreign policy*. Yale University Press.
- Hurwitz, J., & Peffley, M. (1987). How are foreign policy attitudes structured? A hierarchical model. *American Political Science Review*, 81(4), 1099-1120.
- Interfax. Nazarbayev congratulates Trump on winning U. S presidency, invites him to Kazakhstan.
- Russia & CIS General Newswire, November 9, 2016.
- Laumulin, M. (2000). Kazakhstan and the West: Relations during the 1990s in Retrospect. *Central Asian and the Caucasus*, (3).
- Laumilin, M., 2010. Kazakhstan's OSCE Chairmanship: History and Challenges.. CORE/IFSH. [pdf] Available at: <<http://ifsh.de/file-CORE/documents/yearbook/english/10/Laumulin-en.pdf>> [Accessed 15 May 2019].
- Lockhart, C. (2012). *The Roots of American Exceptionalism: Institutions, Culture and Policies*. In Hook, S. W., & Spanier, J. *American Foreign Policy Since WWII 19th Edition*. Cq Press.
- Luong, P. J., & Weinthal, E. (2002). New friends, new fears in Central Asia. *Foreign Affairs*, 61-70.
- Mammadov, A. (2011). Democracy & Human Rights Promotion in US Foreign Policy. *Central European Journal of International & Security Studies*, 5(3).
- Mead, W. R. (2013). *Special providence: American foreign policy and how it changed the world*. Routledge.
- Nichol, J. (2013). *Kazakhstan: Recent Developments and US Interests*. Library of Congress Washington DC Congressional Research Service.
- Raphael, S., & Stokes, D. (2014). US oil strategy in the Caspian Basin: Hegemony through interdependence. *International Relations*, 28(2), 183-206.
- Rosati, J. A., & Scott, J. M. (2013). *Cengage Advantage Books: The Politics of United States Foreign Policy*. Cengage Learning.
- Sadri, H., & Akar, B. (2019). Russian foreign policy toward the Central Asian Region in comparison to the Chinese and American policies.
- Smith, Ch. (1999). Kazakhstan's Presidential Election – Extension of Remarks by Rep. Christopher H. U.S. House of Representatives. [pdf] Available at: <<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CREC-1999-03-16/pdf/CREC-1999-03-16-extensions.pdf>> [Accessed 1 May 2019].
- Troitskiy, E. F. (2007). US policy in Central Asia and regional security. *Global Society*, 21(3), 415-428.
- US Department of State, 2011. Violent Protests in Western Kazakhstan. [press statement] December 19, 2011, Available at: <<http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/12/179165.htm>> [Accessed 14 May 2019].
- US Embassy to Astana, 2012. Ambassador Kelly on Sentencing of Vladimir Kozlov in Kazakhstan. [press release] 11 October 2012, Available at: <<http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2012/10/20121011137358.html#axzz3Mf4xM3oT>> [Accessed 14 May 2019].
- US Embassy & Consulate in Kazakhstan. Secretary of State Rex Tillerson remarks for Astana EXPO-2017. June 22, 2017. Available at: <https://kz.usembassy.gov/secretary-of-state-message-for-expo/> [accessed:02 May 2019].
- US Department of State, 2013. Foreign Operations Assistance: Kazakhstan. [online] Available at: <<http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/2013/212979.htm>> [Accessed 14 May 2019].
- US Department of State, 2014. Country Page. Kazakhstan. [online] Available at: <<http://www.state.gov/p/sca/ci/kz/>> [Accessed 17 May 2019].

US Department of State, 2000. Kazakhstan 1999 Human Rights Report. [online] Available at: <<http://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/1999/338.htm>> [Accessed 17 May 2019].

US Department of State, 2006. Kazakhstan 2005 Human Rights Report. [online] Available at: <<http://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2005/61656.htm>> [Accessed 17 May 2019].

US Department of State, 2012. Kazakhstan 2012 Human Rights Report. [pdf] Available at: <<http://www.state.gov/documents/organization/204612.pdf>> [Accessed 17 May 2019].

US Department of State. Remarks at the United Nations Security Council Session on Nuclear Non-Proliferation. New York City, Sept. 21, 2017. Available at: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/09/274362.htm> [accessed: 02.May 2019].

Weitz, R. (2006). Averting a new great game in Central Asia. *Washington Quarterly*, 29(3), 155-167.

Whitehouse. (2018). Remarks by President Trump and President Nursultan Nazarbayev of Kazakhstan in Joint Press Statements [online] Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-nursultan-nazarbayev-kazakhstan-joint-press-statements/> [Accessed 13 May 2019].

102nd Congress, 1992. H.R. 4547: Freedom Support Act of 1992. The Library of Congress. [online] Available at: <<http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/D?c102:2:./temp/~c102Cq7fvJ>> [Accessed 13 May 2019].

105th Congress, 1998. H.R. 2431-30: International Religious Freedom Act. [pdf] Available at: <<http://www.state.gov/documents/organization/2297.pdf>> [Accessed 13 May 2019].

106th Congress, 1999. H.R. 1152. PCS: Silk Road Strategy Act of 1999. The Library of Congress. [online] Available at: <<http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/D?c106:3:./temp/~c106Tn7Gyr>> [Accessed 13 May 2019].

3-бөлім
ӘЛЕМДІК ЭКОНОМИКА

Section 3
WORLD ECONOMY

Раздел 3
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

**Gubaidullina M.¹, Lu Qui², Nurdavletova S.³,
Goncharova A.⁴**

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

²PhD candidate, e-mail: 刘琦842548102@qq.com

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

³Candidate of historical Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan, e-mail: saniyanm83@mail.ru

⁴BA, assistant to executive director, the Regional Environmental Center for Central Asia (CAREC), Kazakhstan, Almaty, e-mail: goncharova.anastassiya@gmail.com

**«GREEN ENERGY» AND ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY
IN THE CONTEXT OF THE BELT AND
ROAD INITIATIVE**

China's ambitious project on the new Silk Road implies the formation of a new infrastructure in various fields, including in the energy sector. The total share of investment by Chinese companies in the energy sector more than half of them are traditional sources of energy: coal, oil and gas. Statistics on investing in black energy has raised many questions about the future of Belt and Road Initiative energy projects amongst western partners and non-governmental organisations. China's share in global carbon dioxide emissions is 30 percent, making it the largest CO₂ emitter in the world. Emissions of European Union's 28 countries, in comparison, were 9% of the world share. At the same time, China is the world's biggest investor into the renewable energy with the contribution of 36% in hydropower, 40% in wind power and 36% in solar PV compared to the rest of the world. China is also one of the leaders in domestic spendings on research and development of applied science technologies, yielding to the US, but overtaking European Union. With all those factors, the real question today is: will the Belt and Road Initiative promote green or black energy? With the adoption by the Chinese government of the "One Belt, One Way" initiative, a new stage in the development of European-Chinese relations begins, and the energy component of these relations will play an important role not only for these two entities, but also for countries located between Europe and China.

Key words: Green Energy, "Belt and Road", China, European Union, Renewable Energy Sources, Clean energy, Energy Security.

Губайдуллина М.Ш.¹, Лю Ци², Нурдавлетова С.³, Гончарова А.⁴

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

²PhD докторанты, e-mail: 刘琦842548102@qq.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

³тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Л.Н. Гумилев атындағы

Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., e-mail: saniyanm83@mail.ru

⁴БА, директор көмекшісі, Орталық Азияның аймақтық экологиялық орталығы (CAREC), Қазақстан, Алматы қ., e-mail: goncharova.anastassiya@gmail.com

**«Жол және белбеу» бастамасы контекстіндегі
«жасыл энергия» мен экологиялық тұрақтылық**

Қытайдың «Жаңа жібек жолы» атты өршіл жобасы түрлі салаларда, оның ішінде энергетикада жаңа инфрақұрылымды қалыптастыруды көздеуде. Энергетика мен осы саладағы компанияларды дамытуға бағытталған Қытай инвестицияларының жартысынан астамы дәстүрлі қуат көздері: көмір, мұнай мен газдың үлесіне келіп отыр. «Қара» энергетикаға жұмсалатын инвестициялардың статистикасы батыстық әріптестер мен бейүкіметтік ұйымдар арасында Қытайдың «Бір белбеу, бір жол» бастамасының энергетикалық жобаларының болашағы туралы бірталай сұрақтарды көтерген болатын. Әлем бойынша көміртек диоксидін шығарудағы Қытайдың үлесі 30 пайызды құрап, осы мемлекетті дүниежүзіндегі ең ірі CO₂-мен қоқыстаушы етіп отыр. Салыстырып қарайтын болсақ, мысалға Еуропалық Одаққа кіретін 28 мемлекеттің қоқысы әлемдік көлемнің 9%-ын құрауда. Солай бола тұрып, қазіргі таңда Қытай жаңғырмалы энергияны дамытудағы әлем бойынша ең ірі инвестор болып табылады (36% гидроэнергетикаға, 40% жел энергетикасына және 36% күн энергиясына). Қытай энергетика бойынша ішкі зерттеулер мен технологияларды дамыту бойынша

АҚШ-қа орын беріп, бірақ Еуропалық Одақты басып озып, осы саладағы көшбасшылардың бірі болып табылады. Аталған факторларды есепке алғанда, қазіргі кезде туындап отырған басты сауал: Қытайдан тыс жерде «Бір белбеу, бір жол» бастамасын іске асыру энергетиканың қай бағыты, «қара» не «жасыл» энергияның дамуына жағдай жасайды екен? Қытай үкіметінің «Бір белбеу, бір жол» бастамасын қабылдағаннан кейін еуропа-қытайлық қатынастардың дамуындағы жаңа кезең басталады және осы қатынастардың энергетикалық компоненті осы екі субъект үшін ғана емес, сонымен қатар Еуропа мен Қытай арасында орналасқан елдер үшін де маңызды рөл атқарады.

Түйін сөздер: Жасыл энергия, «Жол және белбеу», Қытай, Еуропалық Одақ, Энергетикалық қауіпсіздік, таза энергия.

Губайдуллина М.Ш.¹, Лю Ци², Нурдаuletova С.³, Гончарова А.⁴

¹доктор исторических наук, профессор, e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

²докторант PhD, e-mail: 刘琦842548102@qq.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

³кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет

имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан, e-mail: saniyanm83@mail.ru

⁴ВА, ассистент исполнительного директора, Региональный экологический центр ЦА (РЭЦЦА),

Казахстан, г. Алматы, e-mail: goncharova.anastasiya@gmail.com

«Зеленая энергия» и экологическая устойчивость в контексте инициативы Пояса и Пути

Амбициозный проект Китая нового Шёлкового пути предполагает формирование новой инфраструктуры в различных областях, в том числе в энергетическом секторе. Более половины китайских инвестиций, направляемых на развитие энергетического сектора и компаний, приходится на традиционные источники энергии: уголь, нефть и газ. Статистика инвестиций в чёрную энергетику подняла немало вопросов среди западных партнеров и неправительственных организаций о будущем энергетических проектов китайской инициативы «Один пояс, один путь». Доля Китая в глобальных выбросах двуокиси углерода составляет 30 процентов, что делает его крупнейшим источником выбросов CO₂ в мире. Для сравнения, выбросы 28 стран Европейского Союза составляли 9% мировой доли. В тоже время в сравнении с остальным миром, Китай сегодня является крупнейшим в мире инвестором в возобновляемую энергетику (36% составляет гидроэнергетика, 40% ветроэнергетика и 36% солнечная энергия). Китай является одним из лидеров в расходах внутренних на исследования и разработки технологий, уступая США, но обогнав Европейский Союз. Учитывая все эти факторы, реальный вопрос сегодня заключается в следующем: какому из направлений энергетического сектора будет способствовать развитие инициативы «Пояс и путь» за пределами Китая, «зеленой» или «чёрной» энергии? С принятием китайским правительством инициативы «Один пояс - один путь» начинается новый этап развития европейско-китайских отношений, и энергетическая составляющая этих отношений будет играть важную роль не только для этих двух субъектов, но и для также для стран, расположенных между Европой и Китаем.

Ключевые слова: Зеленая энергия, «Пояс и путь», Китай, Европейский Союз, Возобновляемые источники энергии, чистая энергия.

Introduction

The initiative of «Belt and Road» is a Chinese project to promote peaceful cooperation and joint development of the cooperation in which all countries participate on an equal footing, regardless of their size and level of well-being. This is an open cooperation, which will bring new positive energy to the cause of peace, inheriting the spirit of the Silk Road and striving for mutual benefit, win-win and complementarity of each other's advantages, realizing multilateral, independent, balanced and sustainable development; it is a cooperation promoting regional development, stimulating the exchange of useful ideas.

«Belt and Road» is an important chance and a cooperation platform to strengthen harmonization of economic politicians, developing bilateral and multilateral, deeper, large-scale and high-level cooperation, as well as the collaborative creation of an open, inclusive, balanced and comprehensive architecture cooperation of a new type. The initiative to jointly build «One Belt, One Way» with such an external characteristic feature as equality and inclusiveness shows great prospects for connecting the Chinese dream with a world dream, uniting all countries to jointly cooperation.

The aggravated geopolitical tension dominates in the regions of the world where the main gas and oil reserves are located. As an indicator of the

evolution of primary energy consumption, which is a reflection of economic growth, there were two giants on the podium: the United States and Europe. In 2000, the United States consumed 2,269 million tons (millions of tons of oil equivalent), and Europe – 1,853 million tons, which was almost half the world’s consumption rates. China consumed 1,161 million tons. Looking at the latest statistics of 2017, United States expended 2,201 million tons and Europe consumed 1,867 – very close to their count in the year 2000, while China exceeded 3,000 million tons. Thus, China replaced Europe and the USA on the podium of the world’s largest energy powers (Global Energy Statistical Yearbook, 2018). However, we can see that both China and Europe are amongst the top energy markets nowadays.

One of the important tasks is to define whether the direction of energy investments is leaning towards green and clean (primarily renewable energy sources) energy or black (primarily oil, gas and coal) energy on the whole New Silk Way route. For both Europe and China, the renewable energy sources are more favourable, as they will allow countries to be less dependent on imports and become more self-efficient. However, transition to renewables demands new technologies and finances. The question is how fast and secure transition will be, and how it will affect the Chinese-European-Central Asian relations. With the adoption of the «One Belt-One Road» initiative by the Chinese government, a new stage of development begins for European-Chinese relations, and the energy component of these relations will play an important role not only for these two actors, but also for the countries located between Europe and China. Key partners on the New Silk Road include such strategically important regions of the Caspian basin and Central Asia.

Theoretical basis of research and analysis of sources used

An important milestone is also the strategy of the European Commission – 2020, led by Jean-Claude Juncker, whose speeches also served as a resource for understanding the attitudes of European governance regarding energy security. An important point is the analysis of the policy of China regarding the New Silk Road project and the participation of European countries in the Chinese initiative. To this end, the plan for implementing the concept of the New Silk Road, represented by the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Commerce of China, is also being considered.

Understanding of energy security problems arises from the basic theory’s of two schools: while realism leans towards the concept of political dependence on the main actor, the neo-liberalist theory is in favour of market interdependence. As realism sees national states as main actors of international system, it is clear that the economy is the subject to policy, so energy is identified as an important tool in defining the political strategies towards other countries, and is also used as a weapon to put pressure on them. Whilst the concept of neo-liberalist theory focuses on the trading relations between the states, as well as concentrating on the global development of energy-related economic ties, therefore the main actor here is not a politically motivated country, but an international oil company (Palonkorpi, 2017). Based on that statement, we can highlight the following possible scenarios for the development of energy security that stem from these theories: in the first case, energy will become completely politicized and countries will be able to use energy as an influential political lever. According to the second scenario, the world will become a huge market for the sale and purchase of energy and will be based on solely economic relations (Advisory Council, 2006).

Going back to understanding the energy relations between different states, we can see that both realism and liberalism agree on the dependence, or interdependence concept. Mikko Palonkorpi from the University of Helsinki examines the positive, or beneficial, and the negative, or threatening, dependencies (Palonkorpi, 2017). The interdependency concept explains the socio-economic and political aspects of why countries act in a certain way (Slaughter, 2011).

The EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation, adopted in 2013, followed by additions to the strategy: «Elements for a new EU strategy on China», published in 2016, were used to analyze the European vision of Chinese policy. European-Chinese energy relations are regulated through the EU-China Roadmap on energy cooperation 2016-2020. On the Chinese side, the founding document is the strategy of the One Belt – One Road program: Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road.

The EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation was adopted in 2013 (EU-China 2020 Strategic, 2013). Energy cooperation issues have a separate chapter in sustainable development section, marked as «Energy», although the topic of energy is also mentioned in the sections on industry and infrastructure. The section on sustainable

development tells about mutual obligations in strengthening the role of environmentally friendly technologies and developing of green economy in world markets, where Chinese and European companies play an important role (Towards a climate-neutral Europe, 2017). The «Energy» section consists of several key points. Amongst them is the cooperation between EU and China on energy issues in the framework of Energy Dialogue. In 2019 the dialogue was held between Commissioner on Climate and Energy Miguel Arias Cañete and Administrator of the National Energy Administration Zhang Jianhua (EU-China Summit Joint Statement, 2019).

In general, an integrated approach to the analysis of the energy sector throughout the countries from China to Western Europe through the regions of Central Asia, the Caspian Region and Eastern Europe has been little studied. After 2010, the issue of the green economy and renewable energy, the «green bridges» and the environmental initiative of Kazakhstan became a pressing issue. In Kazakhstan, a number of researchers deal with problems of the New Silk Road and its energy aspects (Gubaidullina, 2012, 2015; Movkebaeva, 2013). Their works served as the basis for an analysis of the Central Asian direction of the New Silk Road. Energy issues in relations between Kazakhstan and China are considered in the context of Indian prospects (Patnaik, 2013; Behera, Gubaidullina, 2018, etc.)

Most of the foreign work covers individual regions of the world, although a comprehensive study was conducted by the following scientists and researchers: Mathews John and Tan Hao with their research «China's New Silk Road: Will it contribute to export of the black fossil-fuelled economy?»; a group of researchers led by Steer Davies Gleave «The new Silk Route – opportunities and challenges for EU transport», the study was commissioned by the European Parliament. The French institute of international relations was also engaged in research on this topic, following which they published a voluminous «Three Years of China's New Silk Roads: From Words to (Re)action?» (Ekman, Nicolas, Seaman, 2017). The Stockholm Institute for Peace and Security also tackled security issues between Europe and China, releasing «The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU–China cooperation prospects» (Ghiassy, Jiayi, 2017). The study of the Eastern European direction was fundamental to the research «China and Eastern Europe as Parts of the New Silk Road» by Mikheev V.V., Shvydko V.G. (**China and Eastern Europe...**, 2016). All these works served

as the main sources of research, as they provide a comprehensive assessment of not only European-Chinese relations, but also other countries located along the New Silk Road.

Discussion and Result: Promotion of the EU and China interests in the field of sustainable development of energy systems

In 2014, Li Keqiang, the Premiere of Chinese State Council, has declared a «war on pollution». After a long course of industrialization, China decided to switch to green technologies and improve the quality of affected air, water and soil.

China has entered the arena of leaders in the financing and use of alternative energy sources in recent years. Based on the data from 2016, China's national dependence on fossil fuels reached 73%, which proves that the consumption still relies mostly on black energy (Mathews, 2016). The amount of emissions China produces is, again, the largest in the world.

On contrary, China's financial contribution to renewable energy sources is equally the largest in the world, with ambitious plans to develop and promote the technologies around the globe. According to Kara Sherwin, China is trying to implement green technologies domestically, but its international trade deals are mainly focused on black energy, mainly through the substantial investments into the coal industry of China Development Bank – \$2.1 billion (Sherwin, 2016).

Looking at the 2017 data from the BP Statistical Review on World Energy, we really see interesting figures on Chinese energy consumption: the total share of coal in energy consumption reduced to 60.4%, which is a record number for the country; renewable energy consumption increased by 31 percent compared to the previous year, most of which was solar consumption. 76 percent of total renewable energy consumption; among the fossil fuels, gas took the first place in the growth of consumption, its consumption increased by 15 percent. Among the fossil fuels (oil, coal and gas), gas is considered one of the least polluting. Despite the fact that the share of renewable energy consumption has increased substantially, China's emissions have still escalated, adding 1.6% to its rate in 2016 (BP Statistical Review, 2019).

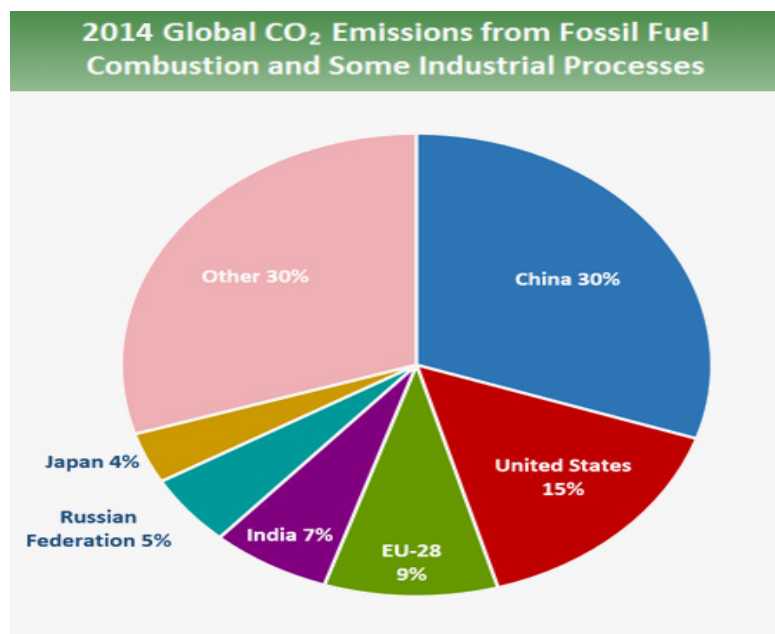
But is China as keen on promotion of green energy internationally?

China has established itself as an important player in the global energy system. As reported by scholars from Boston University, from 2000

to 2013, China’s energy export has exceeded over \$476 billion, twice as much as the United States. In comparison with the US, China overtakes it in the production of renewables: wind and solar electricity in 4 and 5 times, China’s rates of energy power plants export are also two times higher than those of the US – 18% of total global market. According to the same scholars, 55% of total energy export of China have accounted for the black energy (fossil fuels) and 37% – for green (renewable) (Kong Bo, Gallagher, 2016). It should be borne in mind that most of the local Chinese energy is also accounted for by traditional sources of energy. It is

highly possible that in the future the share of green energy in the export of China will only expand due to increasing demand from both developed and developing countries.

With the withdrawal of the United States from the Paris Climate Agreement in 2015, all world views immediately turned to China as a possible leader in the fight against climate change, by whom China wants to position itself. China is not only the world’s largest emitter, but also peaks the consumer rates when it comes to coal, so its response to this challenge will have a critical impact on the global battle against global warming.

Source: (Boden, Marland, Andres, 2017)

China’s share in global carbon dioxide emissions is 30 percent, making it the largest CO₂ emitter in the world. Emissions of European Union’s 28 countries, in comparison, were 9% of the world share (Boden, Marland, Andres, 2017). On the contrary, China is the world’s biggest investor into the renewable energy with the contribution of 36% in hydro-power, 40% in wind power and 36% in solar PV compared to the rest of the world (Buckley, Nickolas, 2017). China is also one of the leaders in domestic spendings on research and development of applied science technologies, yielding to the US, but overtaking European Union (Showstack, 2018).

At the same time, according to European Commission, in the long term, the EU should switch to renewable energy sources at 85-90 percent by 2050. With a 20% share of renewable energy by

2020, the EU is one of the world leaders in the use of renewable energy sources.

However, a diverse structure of EU and the complex composition of countries with different levels of development does not permit the homogeneous transition to renewables. If the leader in the use of renewable energy, Sweden, already has more than half of the total energy consumption that runs on green technologies, on contrary, the share of Luxembourg’s renewable energy doesn’t surpass 5.4% (Renewable Energy Statistics, 2019). Today, the European Union in general is one of the leaders in transition to renewable energy sources and their promotion in the world.

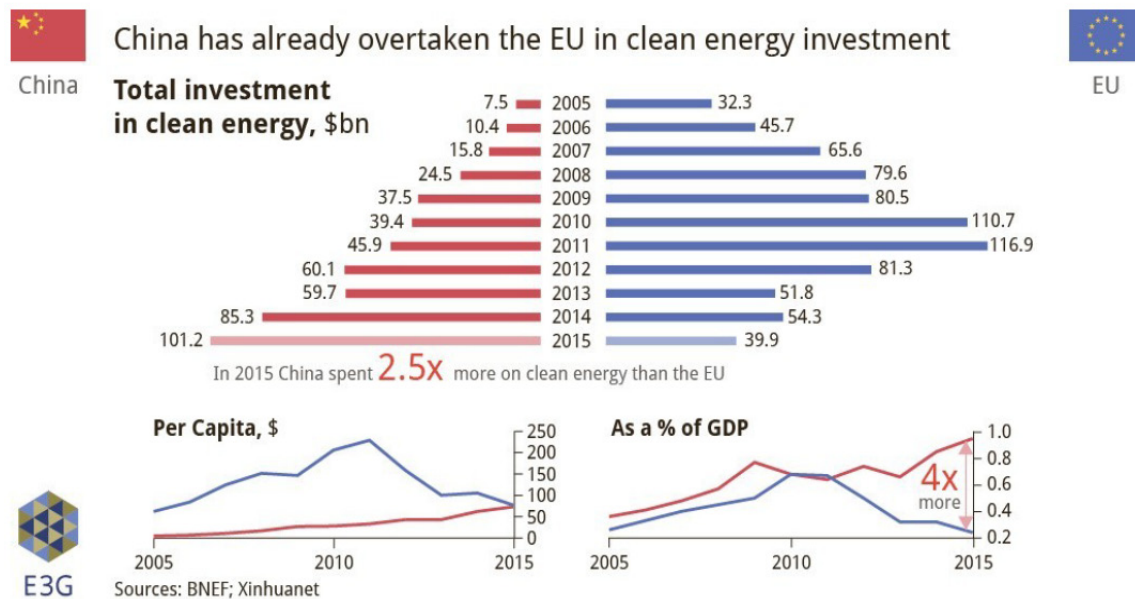
With all those factors, the real question today is: will the Belt and Road Initiative promote green or black energy?

Europe's vision on the PRC's green investment policy

As it was mentioned before, the Belt and Road Initiative's goal is to recreate the Great Silk Road – a trade corridor leading from Asia to Europe. According to this idea, China's investments in European

countries began to increase, and if before, such major world economies as France, Italy, Germany and the United Kingdom were predominant recipients, recently China's focus has shifted to the countries of Central and Southern Europe (Joint Statement on the Implementation..., 2019).

Clean energy investment, China vs EU, 2005-2015

Source: E3G Note that 'Total investment in clean energy' refers to investment for the relevant year in all renewable energy sources (Mathews, 2016)

China has created a new cooperation format called «16 + 1», which includes 11 countries of the European Union (Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Poland, Romania, Slovakia, Slovenia) and 5 Balkan non-EU countries (Albania, Bosnia and Herzegovina, Northern Macedonia, Montenegro, Serbia). Although the format of cooperation is quite promising with the holding of annual summits (the latter was held in Sofia, Bulgaria in 2018), critics, in particular Fraser Cameron, the director of EU-Asia Centre think tank, say that this project is only a way of moving to Western markets and nothing more than that, and that later it will lose its need due to the larger and more promising project of the New Silk Road. Europe, specifically developed western countries, is the final destination for Chinese trade routes.

It is important to note that European countries are interested in Chinese investments in Central and Eastern Europe for several reasons: firstly, this

will allow the countries of this region to receive additional funds and resources for the development of their infrastructure, which will make it possible to expand a common trade between China and the EU; secondly, for countries that are not members of the European Union and do not have access to its financing, this is an excellent opportunity to narrow the development gap of countries compared with the European Union and subsequently give them more chances to join the union. Even though at first this initiative seems to be very attractive for all participants: for China – the possibility of entering the European market, for the EU – improving trade with the Asian partner, for promising candidates for EU membership – investments in lagging industries, the project has some negative for Europe (members and non-EU members) effects. One of the reasons is that, in most Chinese projects, Chinese personnel are primarily involved, which does not allow creating additional jobs for Europeans.

It is necessary to take into account that the Belt and Road Initiative is not exclusively economic in nature, and is also a manifestation of China's soft power: both «16 + 1» project, and One Belt – One Road are promoted not only by the investment of infrastructure projects, but also by joint projects in the fields of education, culture, scientific research, and so on. But is China's soft power the only reason for the European Union's lack of confidence in the BRI?

For the European Union, the initiative is perceived as direct measures of China's expansion policy in many countries of the world, including in Europe. This fear stems from the experiences of other, poorer, countries that have fallen into a debt trap due to investments in the projects of the New Silk Road there. China also acquires major infrastructure projects in Europe, for example, ports in countries such as Greece, Italy, Belgium, the Netherlands and Spain, which creates unrest among EU governments (Fraser, 2018).

Chinese investment in Portugal reached 12 billion euros and made up 3.6 percent of the country's GDP. Acquiring a large number of strategically important infrastructure facilities throughout Europe, China invests even in those projects that seem to be unprofitable and not sufficiently successful. Portugal opened as a country for investment of People's Republic of China after the difficult economic crisis of 2008, and is one of the countries that signed a Memorandum of Understanding with China regarding the «One Belt – One Road» project.

Portugal is not the only European Union country where the economic relations and investments of the Chinese state are flourishing successfully; a similar way of developing relations is also pursued by Greece. Greece is also a country that has signed a Memorandum of Understanding on the project of New Silk Road, and, just like Portugal, has survived and is still struggling with the consequences of a severe economic crisis. In the case of Greece, China has acquired the ownership of the Greek port Piraeus until 2052 year, this happened when the Chinese company Cosco Group bought 67 percent of the shares of the port of Piraeus, the value of the shares amounted to 368.5 million euros, while the value of the transaction, which includes, in addition, the mandatory investments for the next 10 years, as well as the expected income of the Greek government from this project and dividends and interest amounted to a total of 1.5 billion euros. As in the case of Portugal, China is the owner of the shares of the largest state-owned Greek energy company. In 2017, the

Chinese State Grid Corporation made a deal with a Greek Public Power Corporation (PPC), according to which 24 percent of the ADMIE (Independent Power Transmission Operation) company's shares were transferred to China.

Another Mediterranean country where Chinese investment plays an important role and is trying to make profitable acquisitions is Italy. As is the case with the two previous countries, Chinese investors are interested in energy projects. In 2014, the same Chinese State Grid Corporation took over 35 percent of a CDP Reti holding company, which, in turn, owns 30 percent of the shares in a large company Snam, that is responsible for gas transport (Mathews, 2016).

The problem that the European Union sees in these investments is the countries to which these investments go, because the people in Portugal, Greece and Italy are often skeptical of the European Union and its policies, and the possibility of financing by China is a reason to understand that besides the EU these countries have alternatives to develop profitable projects in their countries, which nurtures a large share of Euroscepticism.

Another problem that concerns the European Union regarding the Belt and Road initiative is how much «green» in fact these investments are not only in Europe, but also in other countries of the New Silk Road. Europe is not sure that the project of One Belt – One Road promotes ideas for sustainable development and the development of a green economy and energy, and for this Europe has its reasons.

The impact of green energy on infrastructure changes along the New Silk Road

One Belt – One Road project is mainly focused on infrastructure improvements in various parts of the world, this is a multi-billion project that has a certain structure for the distribution of finances. The project financing system is produced through several specially created institutions. They include the specially created for the realization of BRI projects Asia Infrastructure Investment Bank (AIIB), which was created at the initiative of PRC, the Silk Road Fund (SRF), and the New Development Bank, a project initiated by the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) in 2012, designed to attract resources and investments in sustainable development projects. It is estimated that the approximate ability to finance projects from these three institutions varies in the region of \$240 billion, with priority in financing given to projects dealing

with sustainable development and renewable energy (Mathews, Tan, 2017). So, what is the specific of financing projects for infrastructure re-organization on the New Silk Road?

Asian Bank is one of the most promising development banks of our time. Proposed in 2013 by Xi Jinping to finance sustainable development projects on the New Silk Road, the initiative was supported and already in 2014 an agreement was signed on its association. In 2016, 9 large-scale projects in the fields of energy, transport and water treatment systems were approved, in which 1.7 billion dollars were invested, among which 1,085 million – in the field of energy projects. The largest project invested in 2016 was the project to modernize the electricity supply system in Bangladesh, where 12.5 people had positive effects, for which electricity became more affordable. The project, which received \$ 165 million in investment from the Bank, lay 85 kilometers of electrical cable, which will subsequently improve the working conditions of the local population and ultimately help the country's economic growth.

Another large project concerns Tajikistan, where, together with the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), improvement of the road between Tajikistan and Uzbekistan is funded – the road has needed repairs for more than 30 years: \$27.5 million was invested by the AIIB and EBRD in the field of energy, 3 more projects were approved: the extension of the Tarbela 5 hydropower station in Pakistan, which will help connect the dam-built power station to the main electrical system power grid (co-financed by the World Bank, \$300 million invested). One of the most promising projects of the New Silk Road – Trans-Anatolian gas pipeline, which is designed to supply gas from Azerbaijan to southeastern Europe through Turkey (financed in cooperation with the World Bank, investments totalled \$600 million) (AIIB, 2016). In 2017, since the number of Asian Infrastructure Investment Bank members became 84, the number of approved projects increased to twenty-three, and the amount of investments reached 4.22 billion US dollars (AIIB, 2017). The focus of 2017 for the AIIB was mainly sustainable infrastructure development projects. The Asian Infrastructure Investment Bank has invested 40% of total investments in energy projects, which made it possible to finance 6 energy projects in different countries of the world: Bangladesh, China, Egypt, India (2 projects) and Tajikistan.

The following would like to consider the second institution owned by the Chinese government, the Silk Road Fund. As the name suggests, the fund

was created specifically to invest in projects both in China and in partner countries and regions of the New Silk Road program. The range of investment areas is similar to ABII, and operates on the idea of the proposed Belt and Road initiative, including the development of infrastructure, energy, as well as the promotion of trade and financial cooperation between the countries of OBOR, capital of the Fund is 40 billion dollars (Official Website of the Silk Road Fund, 2019). It is not yet clear whether the Fund accepts a green line of investment, since not all projects are based on promoting sustainable economy and energy. One of the first projects funded by the Silk Road Fund was the hydroelectric power station in Pakistan. China-Pakistan economic corridor is one of the most large-scale areas of the One Belt-One Road project, where \$54 billion has already been invested in future and ongoing projects, many of which are aimed at the energy diversification and energy production through renewable technologies. So, in the project of the Karot hydroelectric power station, which will have a capacity of 720-MW, 1.65 billion US dollars were invested by the Silk Road Fund (Xinhua, 2015). Before moving on to the project, which has become quite provocative for the Silk Road Fund, it is worth noting another 2 projects that fall within the scope of developing sustainable technologies. First is the Yamal LNG project, launched by Russia in cooperation with China.

The project involves the development of liquidified natural gas in the Arctic to replace conventional fuels, which will subsequently lead to fewer emissions to the environment: in this project, the SDF has 9.9 percent of the shares. Another promising investment was made into the Hassyan clean coal project in Dubai. The specific feature of this project is that Hassyan will be the first coal-fired power plant in Dubai, and the station falls under the United Arab Emirates' Clean Energy Strategy 2050, which implies diversification of the energy sector. Specificity of the Hassyan coal power plant technology is in the application of a new «ultra – supercritical» technology, which will allow to generate more electricity with lower carbon dioxide emissions into the atmosphere. According to estimates, this project will provide about 1.3 million people with electricity due to the capacity of the power plant – 2,400 MW (Xinhua, 2015).

And, finally, the third institute of financing infrastructure on the New Silk Road – the New Development Bank (NDB). Founded in 2014, the National Development Bank has a total capital of \$100 billion (Annual Report, 2018), which it successfully implements for projects in the field of

sustainable development and infrastructure in the territory of all BRICS countries. Looking at the list of projects proposed and approved by banks, one can really say about its bias towards green infrastructure, because many projects are being implemented in the field of renewable energy, environmental protection, water purification and so on. Most of the renewable and clean energy projects are implemented in China, which indicates a strong support from the Chinese government, the BRICS countries and the New Development Bank for initiatives and projects to reduce emissions of greenhouse gases by China. One of the latest projects approved by the Bank, which is also one of the most expensive in the field of renewable energy, is a project of natural gas transmission in the province of Jiangxi, where 70% of energy supply depends on coal-fired power plants, and the amount of energy that relies on renewables is excessively small (Annual Report (2018)). As we can see, all three investment institutions are committed to the policy of contributions to green infrastructure and sustainable development policies through investments into projects that support these goals. The AIIB and NDB have already published their official strategies that demonstrate their intentions to adhere to green investment through the provision of financing in such areas as combating climate change, developing sustainable infrastructure, reducing emissions and adhering to the Paris agreement, it is also very important to mention the contribution of these two development Banks into the sphere of clean and renewable energy advancement. So far, it is becoming clear to us that fears about China's non-sustainable investment in projects on the New Silk Road are rather unfounded, because of all the above examples, almost all projects funded by China's created development banks are aimed specifically at developing sustainable infrastructure and renewable technologies not only in China, but also beyond its borders in partner countries along the New Silk Road.

Conclusion

With the introduction of the One Belt – One Road program a new stage has begun for Euro-China relations, and this directly affected the energy supplies between them and among the countries located between them.

The European-Chinese relations are governed by the EU's China strategy of 2013, however, the growing presence of Chinese companies as owners or owners of shares in key European facilities led the EU to adopt an additional document in 2016,

which introduces changes in Chinese investment opportunities.

Building infrastructure on the New Silk Road is beneficial for the EU: building the Trans-Anatolian and Trans-Adriatic gas pipelines will allow receiving gas directly from Azerbaijan, which will help diversify the number of exporters. In addition, China is investing in the development of energy infrastructure in Eastern Europe, which significantly reduces the amount of funding from the European Union.

The development of infrastructure facilities throughout Central Asia is driven by China's need for fossil fuel supplies, and investing in European projects allows not only giving jobs to Chinese citizens, but also to get an easy access to the European market to retail their products and export their technologies.

In the environmental sphere, both China and the EU are interested in reducing emissions and improving their environment, as well as meeting the Paris Agreement commitments and developing energy efficiency, which is confirmed by the preference for financing clean energy projects from the three main multi development banks of the New Silk Road: ABII, SRF and NDB (Annual Report, 2018).

On the new Silk Road the countries of Central Asia are, first of all, a transit zone for the entry of energy into China, therefore the entire key infrastructure is located in this territory.

Interest in the Central Asian region stems from both China and the European Union: a region rich in minerals and located in a zone of strategic political importance, Central Asia is a very dynamic region, which can be described as productively developing, but at the same time prone to a corruption, outdated infrastructure, the focus of the economy on the extraction of minerals, disputes over water resources sharing and so on.

Therefore, the investment in the region is a risk for both China and the EU: all sorts of disputes between countries pose a threat of a complicated connectivity on the New Silk Road, which creates a security threat for infrastructure projects and buildings – this threat is relevant for Europe, and for China, since many projects are co-financed, and both entities benefit from the New Silk Road projects.

The focus of infrastructure investments in Central Asia affects roads and transport to improve trade relations between the regions of the New Silk Road, as well as energy communications to supply China, which is in need of energy, and also to transfer energy resources to the European Union.

China's interest is mainly in the traditional forms of energy in Central Asia: due to the great lack of local electricity, China has to import additional resources, mainly from the neighbouring region of the Central Asia. This has an impact on the scope of projects implemented in the countries of the region – most of them are being carried out in the field of black or «dirty» energy.

On the other hand, renewable energy in the region of Central Asia has a commercial interest, and the development of energy efficiency will benefit not only the infrastructure development of countries, but also reduce the amount of greenhouse gas emissions. In addition, for China, it is an opportunity to export their green technologies abroad.

Being committed to the development of environmentally friendly agriculture and having already implemented bilateral agreements in this sphere, as well as promoting this initiative through the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), it can be noted that projects in the green sphere have great potential in Central Asia (Ghiassy Zhou, 2017).

China is investing sufficient funds into the development of partner countries, again by and large in projects related to the transition to clean energy. Investment zones cover not only the energy sector, but also the transport sector, the development of

transport infrastructure through the construction of roads, rail lines, numerous bridges – all to improve trade and economy.

The transport sector is one of the most polluting of the environment, and also requires the development of new, sustainable technologies for their reduction. According to a recent study by European experts, emissions on the railway route from China to Europe can significantly reduce when using electric trains, and provided that electric trains can take power sources from renewable energy sources, it is possible to completely get rid of carbon dioxide emissions throughout the route. Although this initiative will require infrastructural changes along the railway lines passing through China, Russia, and Kazakhstan, this initiative will help reduce CO₂ emissions by 25 tons from each twenty-foot equivalent.

With the adoption of the «One Belt-One Road» initiative by the Chinese government, a new stage of development begins for European-Chinese relations, and the energy component of these relations will play an important role not only for these two actors, but also for the countries located between Europe and China. Key partners on the New Silk Road include such strategically important regions of the Caspian basin and Central Asia.

References

- Advisory Council on International Affairs (2006. 08.03) Energised Foreign Policy: security of energy supply as a new key objective: [<https://aiv-advice.nl/6bt/publications/advisory-reports/energised-foreign-policy-security-of-energy-supply-as-a-new-key-objective#press-releases>]
- Annual Report (2018) Investing for Impact. New Development Bank (NDB): <https://www.ndb.int/data-and-documents/annual-reports/>
- AIIB (2016) Annual Report and Accounts. Asian Infrastructure Investment Bank. Connecting Asia for the future: [https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/annual-report/.content/download/Annual_Report_2016_Linkage.pdf]
- AIIB (2017) Annual Report and Financials. Asian Infrastructure Investment Bank. Financing Asia's Future. [<https://www.aiib.org/en/news-events/news/2017/annual-report/common/pdf/AIIB-Annual-Report-2017.pdf>]
- Behera A., Gubaidullina M. (2018) Between China and India: Energy Dimension of Kazakhstan // *International relations and international law journal*. №1 (81). – Pp.4-18
- Boden, T.A., Marland, G., and Andres, R.J. (2017). National CO₂ Emissions from Fossil-Fuel Burning, Cement Manufacture, and Gas Flaring: 1751-2014, Carbon Dioxide Information Analysis Center, Oak Ridge National Laboratory, U.S. Department of Energy, doi 10.3334/CDIAC/00001_V2017 [<https://www.epa.gov/ghgemissions/global-greenhouse-gas-emissions-data#Country>]
- BP Statistical Review (2019) Insight – China. China's energy market in 2018// [<https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/country-and-regional-insights/china.html>]
- Buckley, Tim&Simon, Nickolas (2017) China's Global Renewable Energy Expansionю – Institute for Energy Economics and Financial Analysis, January
- China State Grid quietly builds Mediterranean power network (2014) In: Reuters: [<https://www.reuters.com/article/utilities-mediterranean-china/china-state-grid-quietly-builds-mediterranean-power-network-idUSL6N0QB5NF20140810>]
- China and Eastern Europe as Parts of the New Silk Road (2016). Ed. Mikheev V.V., Shvydko V.G., eds. – Moscow, IMEMO, 70 p.
- Ekman, Alice, Nicolas, Françoise, Seaman, John, et al. (2017) Three Years of China's New Silk Roads: From Words to (Re) action? *Études de l'Ifri*, Ifri, February
- EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation (2013) In: Official website of European External Action Service: [<https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/20131123.pdf>]

- EU-China Summit Joint Statement (2019) In: Official website of European Council: [<https://www.consilium.europa.eu/media/39020/euchina-joint-statement-9april2019.pdf>]
- Fraser, Cameron (2018) Europe's Answer to China's Belt and Road // TheDiplomat.com: [<https://thediplomat.com/2018/09/europes-answer-to-chinas-belt-and-road/>]
- Ghiasi, Richard, Zhou, Jiayi (2017) The Silk Road Economic Belt: Considering Security Implications and EU-China cooperation prospects. Stockholm International Peace Research Institute, 60 p.
- Global Energy Statistical Yearbook (2018) In: Enerdata: [<https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-consumption-statistics.html>]; Global Greenhouse Gas Emissions Data. United States Environmental Protection Agency: [<https://www.epa.gov/ghgemissions/global-greenhouse-gas-emissions-data>]
- Gubaidullina M. (2012) «Green Bridge»: environmental initiative of Kazakhstan for the development of Europe-Asia-Pacific Partnership In: International relations and international law journal. № 2 (86). – Pp. 3-11; Gubaidullina M. (2015) «Bridges» convergence of the EU – Central Asia – SCO: security factor in the development of dialogue. In: Contemporary political Society. Ulan-Bator, Vol. 3, No1. – Pp. 134-158
- Jiangxi Natural Gas Transmission System Development Project (2018) In: Official Website of the New Development Bank: [<https://www.ndb.int/jiangxi-natural-gas-transmission-system-development-project/>]
- Joint Statement on the Implementation of the EU-China Cooperation on Energy, April 9 (2019). In: Official website of European Commission: [https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/joint_statement_on_the_implementation_of_the_eu-china_cooperation_on_energy_en.pdf]
- Kong, Bo, Gallagher, Kevin P. (2016) The Globalization of Chinese Energy Companies: The Role of State Finance. – Boston University: Global Governance Initiative, 35 p.
- Mathews, John A. (2016) China's Continuing Renewable Energy Revolution – latest trends in electric power generation. In: The Asia-Pacific Journal, Vol.14, Issue 17, N 6, 01 Sept. [<https://apjpf.org/2016/17/Mathews.html>]
- Mathews, John A., Tan, Hao (2017) China's New Silk Road: Will it contribute to export of the black fossil-fuelled economy? // The Asia-Pacific Journal, Volume 15, Issue 8, № 1
- Movkebayeva, G. (2013) Energy cooperation among Kazakhstan, Russia, and China within the Shanghai cooperation organization. In: Russian Politics & Law, Routledge, Vol. 51, N1/1. – Pp. 80-87
- Official Website of the Silk Road Fund, Overview.: [<http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23775/23767/index.html>]
- Palonkorpi, Mikko (2017) Energy Security and the Regional Security Complex Theory. In: Reader Energy Security in International Relations Theories, Higher School of Economics: [<https://www.hse.ru/data/339/636/1233/ReaderforLecturesOnEnergySecurity.doc>]
- Patnaik, Ajay (2013) Energy and the State in Central Asia. In: R. Doraiswamy eds. Energy Security: India, Central Asia and the Neighbourhood, New Delhi: Manak Publications
- Renewable Energy Statistics. Eurostat (European Commission) (2019): [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Renewable_energy_statistics#Share_of_energy_from_renewable_sources_in_gross_final_consumption_of_energy]
- Sherwin, Kara (2016) China Is Outsourcing Its Pollution//Foreignpolicy.com: [<https://foreignpolicy.com/2016/12/07/china-is-outsourcing-its-pollution/>]
- Showstack, Randy (2018) China Catching Up to United States in Research and Development: [<https://eos.org/articles/china-catching-up-to-united-states-in-research-and-development>]
- Slaughter, Anne-Marie (2011) International Relations In: Principal Theories. Princeton.edu: [https://www.princeton.edu/~slaughtr/Articles/722_IntlRelPrincipalTheories_Slaughter_20110509zG.pdf]
- Towards a climate-neutral Europe: EU invests over €10bn in innovative clean technologies European Commission (2017). In: European Commission Press Release Database: [http://europa.eu/rapid/press-release_IP-19-1381_en.htm]
- Xinhua (2015) Silk Road Fund to invest in hydropower project in Pakistan // China.org.cn: [http://www.china.org.cn/business/2015-04/21/content_35373868.htm]

**Mukhtarova K.¹, Chukubaev Ye.²,
Yerimpasheva A.³, Soloaga Aurora Díaz⁴**

¹Doctor of economic sciences, professor, e-mail: kmukhtarova@rambler.ru

²Candidate of historical sciences, e-mail: simonoberto1901@gmail.com
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

³Candidate of economic sciences, associate professor, University of International Business,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: aidayerimpasheva@gmail.com

⁴Foreign lecturer of Almaty Management, University Carlos III,
Spain, Madrid, e-mail: auroradias@gmail.com

**THE SOFT SKILLS CONCEPT
IN ORGANIZATIONS AND PROJECT TEAMS**

Modern challenges take place in markets force the companies' management to cope with risks and uncertainty. To forward competitive advantages, it is important to develop skills necessary to solve emerging problems. The authors attempted to reveal needed soft skills to manage organizations effectively. The purpose of scientific research is to study the degree of awareness concerning the soft skills concept among Kazakhstani employees. Due to the selected survey approach, the data are reliable but exploratory one. Thus, representative data is needed to confirm the findings.

Online survey with the nonrepresentative sample of employed people working in business companies was conducted. There were two stages of the research. The first stage was exploratory secondary research. Secondary data helped to propose the hypothesis that poor soft skills lead to poor performance of any activity where people interact. Findings taken from online survey showed that 54.8 % of respondents consider that soft skills are important. 64.5% claimed that low level of awareness on soft skills leads to poor performance. There can be no doubt that awareness of employees on soft skills will increase their personal performance. Within the paper, the discussion focuses on the importance for Kazakhstani entrepreneurs, businesspersons and employees to develop soft skills to expand boundaries of career opportunities.

Key words: soft and hard skills, leadership, innovators, change, project, team.

**Мұхтарова Қ.¹, Чукубаев Е.²,
Еримпашева А.³, Солоага Аврора Диас⁴**

¹экономика ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: kmukhtarova@rambler.ru

²тарих ғылымдарының кандидаты, e-mail: simonoberto1901@gmail.com
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

³экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Халықаралық бизнес университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aidayerimpasheva@gmail.com

⁴Алматы Менеджмент Университетінің шетел оқытушысы, Университет Карлос III,
Испания, Мадрид қ., e-mail: auroradias@gmail.com

**Ұйымдар және жобалардың командалардағы
ікемді дағдылар тұжырымдамасы**

Нарықтағы қазіргі қиындықтар компаниялардың басшылығына тәуекелдер мен белгісіздікке қарсы тұруға мәжбүр етеді. Бәсекеlestік артықшылықтарды дамыту үшін, пайда болған проблемаларды шешуге қажетті дағдыларды дамыту маңызды. Авторлар ұйымдарды тиімді басқару үшін қажетті ікемді дағдыларды анықтауға тырысады. Ғылыми зерттеулердің мақсаты қазақстандық қызметкерлер арасында ікемді дағдылар тұжырымдамасына қатысты хабардарлық дәрежесін зерттеу болып табылады. Таңдалған зерттеу әдісінің арқасында деректер сенімді, бірақ барлаушы болып табылады. Осылайша, деректерді растау үшін өкілетті деректер қажет.

Бизнес-компанияларда жұмыс істейтін үлгісімен онлайн сауалнама жүргізілді. Зерттеудің екі кезеңі болды. Бірінші кезең екінші зерттеуді іздестіру болды. Екінші деректер гипотезаны ұсынуға көмектесті: нашар ікемді дағдылар адамдар өзара әрекеттесетін кез келген қызметтің нашар нәтижесіне әкеледі. Онлайн-сауалнамадан алынған мәліметтер көрсеткендей, респонденттердің 54,8% ікемді дағдыларды маңызды деп санайды. Респонденттердің 64,5% ікемді дағдылар туралы хабардарлықтың төмен деңгейі нашар өнімділікке әкеледі деп

мәлімдеді. Қызметкерлердің икемді дағдылар туралы хабардарлығы олардың жеке өнімділігін арттыратыны күмән жоқ. Мақалада пікірталас қазақстандық кәсіпкерлерге, бизнесмендерге және қызметкерлерге мансаптық мүмкіндіктердің шекараларын кеңейтуге икемді дағдыларды дамытуға арналған.

Түйін сөздер: икемді және қатал дағдылар, көшбасшылық, инноваторлар, өзгерістер, жобалар, команда.

Мухтарова Қ.¹, Чукубаев Е.²,
Еримпашева А.³, Солоага Аврора Диас⁴

¹доктор экономических наук, профессор, e-mail: kmukhtarova@rambler.ru

²кандидат исторических наук, e-mail: simonoberto1901@gmail.com

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

³кандидат экономических наук, доцент, Университет международного бизнеса,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aidayerimpasheva@gmail.com

⁴иностраннный преподаватель, Алматы Менеджмент Университет, Университет Карлос III,
Испания, г. Мадрид, e-mail: auroradias@gmail.com

Концепция гибких навыков в организациях и командах проектов

Современные проблемы, имеющие место на рынках, заставляют руководства компаний справляться с рисками и неопределенностью. Для продвижения конкурентных преимуществ важно развивать навыки, необходимые для решения возникающих проблем. Авторы пытаются раскрыть необходимые навыки для эффективного управления организациями.

Целью научных исследований является изучение степени осведомленности казахстанских работников о концепции гибких навыков. Благодаря выбранному подходу данные исследования являются надежными, но предварительными. Таким образом, требуются последующие исследования с репрезентативной выборкой для подтверждения результатов.

Был проведен онлайн-опрос нерепрезентативной выборки из работающих в бизнес-компаниях. Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе проведено поисковое вторичное исследование. Вторичные данные помогли выдвинуть гипотезу: отсутствие гибких навыков приводит к низкой продуктивности любой деятельности, где работники взаимодействуют. Результаты интернет-опроса показали, что 54,8% респондентов считают, что гибкие навыки важны. 64,5% заявили, что низкий уровень осведомленности о гибких навыках ведет к снижению продуктивности. Несомненно то, что осведомленность сотрудников о гибких навыках повышает их личную эффективность. В рамках статьи обсуждается важность развития гибких навыков казахстанскими предпринимателями, бизнесменами и сотрудниками для расширения возможностей карьерного роста.

Ключевые слова: гибкие и жесткие навыки, лидерство, инноваторы, изменения, проект, команда.

Introduction

Contemporary challenges facing modern organization force its management to deal with changes, projects, innovations or start-ups. To maintain competitive advantages, it is important to develop skills necessary to solve emerging problems. The paper aims to discuss these issues. The authors have attempted to reveal leadership skills that are primarily needed to manage organizations effectively. This study applies the significance of soft skills and identifies what skills should be perceived as soft ones. In contemporary organizations, it is essential that managers possess particular skills to lead. Ideally, a manager should have the necessary skills at a sufficient level to lead employees of an organization. Good leadership development should concentrate on the skills

required to deal with changes, implement projects or launch start-ups. Any leadership development program must deal with how to enhance commitment of employees to the organization and help to cultivate the entrepreneurial or participative cultures depending on the request.

The aim of the research is to explore the soft skills acquisition of employees and to determine the importance of soft skills in organizations and companies. The subject of the research paper is soft skills. The theory of leadership generalizes the practical experience of hundreds and thousands of people. Contemporary organizations to improve their effectiveness should focus on developing leadership skills, in particular soft skills, which are a reflection of the organization's culture and strategy. Training personnel, raising their awareness and implementing a leadership effectiveness

programs are further directions to develop and enhance soft skills. The test units of the research paper are Kazakhstani employed people working in organizations and companies.

Materials and Methods

For the data collection, an online survey was conducted. The questionnaires were distributed among Kazakhstani employees via Google Survey and Monkey Survey. The participants were recruited out of the pool of the respondents and satisfied certain criteria, such as being employed with a minimum of three years of work. The research was an exploratory one. Online survey is based on the convenience sample of nonprobability sampling technique (Malhotra, 2013, Gupta, 2004). The survey was conducted very fast because sampling units gave their responses at once. In spite of these advantages, the convenience sample has serious limitations. Primarily the resulting sample are not representative of the target population. As a result, the sampling process could suffer from selection bias. Because of these limitations, it would be difficult to generalize the results of the research to the whole population. To overcome these disadvantages the descriptive or causal research are needed additionally. The Russian language was used. Structured multiple-choice, dichotomous, and Likert scale were used. A multiple cross-sectional design of the survey with an $n=231$ employees working in various organizations was used. Before the online surveys, the hypothesis was proposed. It was: poor soft skills lead to poor performance of any activity where people interact.

The comprehensive analysis of secondary data helped to interpret primary data with more insight. Findings taken from online survey showed that half of the respondents are informed on soft skills. 64.5% claimed that low level of awareness on soft skills will lead to poor performance.

In addition, the qualitative findings revealed the importance aspects of soft skills acquisition are: (i) delivery of effective and quality performance; (ii) career development and enrichment, and (iii) managing employees' skills. In summary, the findings contribute to training, and provide significant pronouncements towards the development of soft skills.

Literature review

Let us provide a list of soft skills that are important for collaboration and teamwork, based on experience of various authors. Leadership soft skills

are very beneficial for administering organization effectively and efficiently (Ariratana, Sirisookslip & Ngang, 2015, p. 331).

The realization of leadership is possible due to two components: a suitable environment and the availability of personal qualities of the leader. The suitable environment for the realization of leadership includes organizational culture and structure, availability of resources, and delegation of authority. However, without the leader's distinctive interpersonal skills, the presence of external environment is not enough (Cotrell, 2005, 2008).

According to Blumberg M. (2013) the hardest job in management is the «first time CEO» and «at least 75% of first time CEO's fail.» In fact, human resources management is a complex and responsible work. Blumberg M. (2013, p. xxiii) suggests: «Ask for help from your board and get coaching and mentoring... And don't let the fear of failure get in the way». In this regard, Heath Ch. & Heath D. (2010) have gave a reasonable answer: «In times of change, we need to remind ourselves and others...basic truths: Our brains and our abilities are like muscles. They can be strengthened with practice...» What should we do that employees could do everything correctly and cope with the most difficult problems? What conditions are necessary for this?

Christensen C.M. (1997, p. 171) in his famous book, «The innovator's dilemma» writes

«If a manager determined that an employee was incapable of succeeding at a task, he or she would either find someone else to do the job or carefully train the employee to be able to succeed. Training often works, because individuals can become skilled at multiple tasks».

So, one of the initial steps to dealing with employees well is training them. However, there are cases when training is useless. Especially if the organization implements changes and project activities. In this connection, it is necessary to understand the concept of an organization's capabilities. An organization's capabilities depends largely on the people who work in it. According to Christensen (2012), capabilities are factors that determine what a company can and cannot do and three things can represent the organization's capabilities: resources, processes and priorities. «Together, these capabilities are crucial in order to assess what a company can and, perhaps more important, cannot accomplish» (Christensen, 2012, p. 124). If managers understand that an organization's capabilities are not suited for a new task, in these cases they have three options «through which to create new capabilities» (Christensen,

1997, p. 172). Here Christensen offers more than radical methods. According to him managers could do:

- Acquire a different organization whose processes and values are a close match with the new task.
- Try to change the processes and values of the current organization.
- Separate out an independent organization and develop within it the new processes and values that are required to solve the new problem (Christensen, 1997, p. 172).

According to Gardiner (2005), five fundamental systems in every organization constitute the underpinnings to develop effective teams. They are culture, structure, internal economy, methods and tools, metrics and rewards. In principle, Gardner and Christensen do not contradict each other. Many authors insist that efficiency of leadership primarily depends on culture and organizational culture (Williams, 2012; Dubrin, 2006; Clements & Gido, 2011, Muhtarova et al. 2014, Kubaev & Baysholanova 2013, Kappels 2008, Mazur et al. 2004).

Therefore, if executives are interested in changing the situation in organization they have to be aware of principles of leadership, project and change management instruments. For example in functional organizations and organizations of weak matrixes, the project manager does not have enough power to make team members do something. As a result, a project manager tries to influence team members without any direct authority. Therefore, a project manager has to use leadership and interpersonal skills like persuasion, negotiation, and communication. Project managers often have little formal authority. They «therefore get their authority through respect for their experience, good track records, persuasiveness and downright dogged determination – in short, by influence» (Field & Keller, 2011).

Project managers have the responsibility to satisfy the needs: task needs, team needs, and individual needs. As project management is a critical strategic discipline, the project manager becomes the link between the strategy and the team (ANSI, 2008). Projects are tools to grow and survive for organizations. Projects help ‘to create value in the form of improved business processes» (ANSI, 2008, p.17). They are necessary in producing new products and services. Project management makes it easier for companies to respond to changes in the environment and to be more competitive. As a result, the project manager’s role becomes increasingly strategic.

Yet, understanding and applying the knowledge, tools, and techniques on project management is not enough to do right things. In addition to any area-specific skills, soft skills are required (ANSI, 2008).

Knowledge refers to «hard skills» of project management. Performance refers to «what the project manager is able to do while applying his or her project management knowledge» (ANSI, 2008). Personal skills refers to «soft skills» or

«...how the project manager behaves when performing the project or related activity. Personal effectiveness encompasses attitudes, core personality characteristics, and leadership, which provides the ability to guide the project team while achieving project objectives and balancing the project constraints» (ANSI, 2008).

Project managers implement work through hard and soft skills. Managing project effectively require project managers to show «a balance of ethical, interpersonal, and conceptual skills that help them analyze situations and interact appropriately» (ANSI, 2008). Further, the important soft skills of project managers are team building, motivation, communication, influencing, decision-making, and political awareness. The soft skills are particularly important to project managers. Leading means influencing people to achieve any organizational objectives. Leading involves energizing, directing, persuading others, and creating a vision.

According to Dubrin (2006), leadership includes such important interpersonal processes as motivating, communicating, coaching, and showing group members how they can reach their goals. Leadership is a key component of managerial work because management accomplish through people. The leadership aspect of management focuses on inspiring people and bringing about change, whereas the other three functions (organizing, controlling, and planning) focus more on maintaining a stable system (Dubrin, 2006). In essence, the mentioned interpersonal processes are example of realization of soft skills. At the same time Dubrin talks about the environment (stable system) where soft skills should be realized,

In line with various other scholars (e.g. Sanghera, 2011, Clements & Gido 2011) state that managing projects effectively takes a multitude of skills. They suggest all skills of a project manager to divide into two parts: managerial skills and interpersonal ones. Managerial skills involve the next: accounting and financial management, attention to details, information technology, negotiation and conflict management, problem solving, sales and marketing. Interpersonal skills include communication,

influencing, leadership, networking, and perceptive navigation. In this case, managerial skills relate with hard skills, in turn interpersonal ones are associated with soft skills.

Skills to influence the behavior of others relates to power. Power of managers comes from authority. Power is delegated to the manager from the upper level of the organization. It takes place when the organization expects the realization of its strategies and projects. If the manager does not have formal authority, there are other forms of power that he or she can use (Field & Keller, 2011). They are legitimate power, based on charismatic traits, expertise power, based on knowledge, affiliative power that arises from being associated with powerful persons in the organization, and political awareness gaining from the support of colleagues and superiors.

Managers or project managers have to use those kinds of power that are most suited both to their subordinates and colleagues and to the situation; having that power and applying it appropriately allows managers to influence where they cannot command (Field & Keller 2011). It can be assumed that all these types of power are realized through soft skills.

Not only managers or project managers are interested in high performance. Marketers as Kotler Ph. and Armstrong G. (2016, p. 305) value using a team-based new product development approach. Under this approach, «company departments work closely together in cross-functional teams.» As a result overlapping the steps in the product development process takes place. Project managers usually use overlapping in project management aspects. Instead of considering the product by departments in turn, the company can create a team of people from various departments that deal with the project (event, change, and product) from start to finish.

There are many examples when such cross-functional teams are very effective. Why are they so effective? Is leadership the main reason? Johnson S. (2010) does not think so and in his book 'Where good ideas come from. The natural history of innovations' tries to give another argument, basing on the following example:

«When the first market towns emerged in Italy, they didn't magically create some higher-level group consciousness. They simply widened the pool of minds that could come up with and share good ideas. This is not the wisdom of the crowd, but the wisdom of someone in the crowd. It's not that the network itself is smart; it's that the individuals get smarter because they're connected to the network.»

Harvard Business School Professors Kim Clark and Steven Wheelwright say about heavyweight and

lightweight teams. The heavyweight team refers to a group of people «who are pulled out of their functional organizations and placed in a team structure that allows them to interact over different issues at a different pace and with different organizational groups than they habitually could across the boundaries of functional organizations. Heavyweight teams are tools to create new processes, or new ways of working together. In contrast, lightweight or functional teams are tools to exploit existing processes. (2000 cited by Christensen & Raynor, 2003).

Yet some authors find out other reasons why companies fail when face changes. Kotter J.P. (2012) argues that the biggest mistake people make when trying to change organizations is not having established a sufficiently high sense of urgency in employees. This error according to Kotter (2012, p.4) can become «fatal, because transformations always fail to achieve their goals, when complacency levels are high.»

Kawasaki (2015) gives interesting idea concerning how to solve the problem of a shortage of great employees. He considers that recruiting decisions should not be based on «irrelevant considerations» like race, creed, colour, sexual orientation, religion, formal education and work experience. Instead, Kawasaki (2015, p. 174) makes a focus on the next three factors as: «ability to perform what the leader needs, confidence, and the candidate's commitment». In fact, Kawasaki puts soft skills in the first place. Moreover Kawasaki G. (2015) gives an advice to follow to two theories. The first theory is to find the candidate who lacks major weaknesses and the second one is to find the candidate who has major strengths. Kawasaki (2015) divides all skills into big organization skills and start-up skills. Big organization skills are sucking up to the boss, generating paper profits, beating charges of monopoly, evolving products, market research, squeezing the distribution channel. Startup skills are being the boss, generating cash flow, establishing a beachhead, creating products, shipping, establishing a distribution channel. Kawasaki (2015, p. 177) continues:

«startups take four to five years of long hours at low pay with incredible highs and depressing lows with the constant fear of running out of money. And this is if things go well.»

Like other authors (Clark & Wheelwright, 2000, as cited in Christensen & Raynor, 2003) Kawasaki (2015, p. 176) dedicates «meaningfulness of soft skills presented as startup skills».

The use of leadership skills is not enough to ensure that human resources can fulfill any assigned task. Managers should take into account other

factors, such as organization structure, culture, strategy, interest and dedication, and much more. Knapp, Sprint, Zeratsky, Kowitz (2016, p. 29-37) have suggested recruiting a team members according to roles and consider that a mix is good like in the movie «Ocean's Eleven». According to the mentioned authors the effective team includes the decider, finance expert, marketing expert, customer expert, tech/logistics expert, and design expert. Only in such kind of team the «collaborative atmosphere» (Knapp et al. 2016, p. 35) takes place.

Some authors believe that the effectiveness of performance depends not only on employees, but also on executives. Dyer, Gregersen, and Christensen (2011, p. 5, 27) believe that «entrepreneurs are somehow different from other executives.» The authors in their research are focused on innovators, in particular, innovative entrepreneurs. According to Kurman (2013, p.17), «If you want innovation to take place, set it free, and if it comes back to you – well – it's not precisely yours, but at least you've succeeded in introducing genuine value to the rest of the world....» Indeed, the innovators can courage to innovate and innovators have to possess behavioral skills as questioning, observing, networking, and experimenting which lead to associational thinking and as a result to creating the innovative business idea. Dyer et al. (2011) are presenting the innovator's DNA model for generating innovative ideas. The model (Dyer et al., 2011, p. 27) distinguishes innovators as people who actively engage in discovery skills. As Lafley (2008) declared, «innovation is the central job of every leader – business unit managers, functional leaders, and the CEO» (2008, as cited in Dyer et al., 2011).

In accordance with Bessant and Tidd (2015, p.144), «creativity is also about motivation and communication.» Nevertheless, successful entrepreneurs are not just able to come up with creative idea; they can shape and adapt their ideas. «They have a strong sense of vision and can communicate and engage others in sharing that insight» (Bessant and Tidd, 2015, p.145).

Kerzner & Saladis (2013, p. 41) as professional project managers suggest focusing on the skills that help in «achieving the objectives of a project and ensuring customer satisfaction». All these require:

«a project team that is knowledgeable, has the necessary skill set, is fully committed to the project, and is managed by a project manager who possesses effective organization, communication, and leadership skills».

In fact, «some individuals are naturally talented in doing the right thing at the right time and

in the right way to help their teams succeed»; in other respects other individuals «require training to develop their skills in taking action» (Hachman, 2002, p. 224). He suggests the different skills from other authors but they are so close to soft skills: envisioning, inventive, negotiation, decision-making, teaching, interpersonal, and implementation skills. At the same time, Hachman (2002) states that training should involve observation of «positive models» combined with practice and feedback. Stone and Heen (2015, p. 45) pay special attention to feedback because it «helps increase knowledge, skill, capability, growth».

Results and discussion

Results of the conducted study showed that only nearly 50% of respondents are informed about soft skills. At the same time, 58% of respondents strongly agree and 10 % of respondents agree that interpersonal skills are very important for their career opportunities. After short explanation concerning soft skills, 95% of respondents answered that soft skills are demanded at their workplace and they have to be evolved throughout life. In addition, majority of the respondents (73 %) accepted that the power's exercising depends on the personal characteristics of the leader or manager.

Soft skills are important and there are reasons for this, because they influence how the employees fit into the team, come out of different situations, work in a team and as a result, these skills affect the work's efficiency and results. Undoubtedly, soft skills and their level affect the whole organization. Of course, it is difficult to believe that such skills can greatly influence the organization; it is even more difficult to assess them.

Soft skills are the personal qualities, social attributes and communication skills necessary for success at work. Soft skills characterize how a person interacts with others. Unlike hard skills, soft skills are like emotions or insights that allow people to «read» others. They are much more difficult to learn, at least in the traditional classroom. They are also much harder to measure and evaluate. Soft skills include attitude, communication, creative thinking, work ethic, teamwork, networking, decision-making, positivity, time management, motivation, flexibility, problem solving, critical thinking and conflict resolution.

It is easy to understand why employers want job candidates with special challenging skills. However, soft skills are important for the success of almost all employees. After all, almost every job requires

employees to interact with others in some way. Therefore, the ability to interact well with others is important in any job.

Another reason employers are looking for candidates with soft skills is that soft skills are transferable ones that can be used regardless of the job. This makes job candidates with soft skills highly adaptable employees.

In addition, people with soft skills are often seen as having unique and broad knowledge that can diversify a company and help it work more efficiently.

Soft skills are especially important in working with clients. These employees are usually in direct contact with customers. In order to listen to the client and provide him/her with a useful and polite service, a number of soft skills are required.

Conclusion

An online survey was employed, which was distributed among Kazakhstani employees via Google Survey. A cross-sectional survey with an $n=231$ employees working in various organizations was conducted. The research proved the hypothesis that poor soft skills lead to poor performance of any activity where people interact.

One of the reasons why this research project was initiated is the attempt to systematize issues related to the importance of leadership qualities, in particular soft skills. The subject of the research is very popular among both academicians and business community. All authors, regardless of

the professional sphere, note that the modern world is rapidly changing. Therefore, to maintain competitiveness, organizations must meet the challenges of the external environment. However, conventional management is not enough. Leadership and power through soft skills are able to deal with new challenges. In addition, most authors note that two factors that can make possible to face changes effectively. First, it is fundamental systems; that is, organization must prepare the ground for all processes that would take place in the organization. Second, it is the level of comprehensive skills of the organization's leaders. In an ever-changing world, the development and cultivation of the company employees' important skills is an integral part of the organization's strategy. However, it is necessary to distinguish between hard and soft skills. Not neglecting to develop hard skills, but pay particular attention to soft skills, that are dependent on the goals of the organization or project.

In this article, we presented the most important soft skills people needs for a successful activity in companies. Based on the literature analyses we found out the major soft skills to develop for employees are communication, problem solving, teamwork, creativity, leadership, strategic thinking, customer service, innovation management. To continue research authors are planning to study methods that will be effective in mastering soft skills as: e-learning platform, face-to-face workshops, interactions with role-play, simulation, mentoring, and coaching.

References

- ANSI (2008). Guide to the Project Management Body of Knowledge. PA, USA: Upper Darby
- Ariratana, W., Sirisookslip, S., & Ngang, T. (2015). Development of Leadership Soft Skills Among Educational Administrators. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 186, 331-336. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.016
- Bessant, J., Tidd J. (Ed.). (2015). *Innovation and Entrepreneurship*, 3rd ed. UK: John Wiley & Sons
- Blumberg, M. (2013). *Startup CEO. A field guide to scaling up your business*. Hoboken, USA: John Wiley & Sons
- Christensen, C.M. (1997). *The innovator's dilemma. When new technologies cause great firms to fail*. Boston, USA: Harvard Business Review Press
- Christensen, C.M., Allworth, J., Dillon, K. (2012). *How will you measure your life?* New York, USA: HarperCollins Publishers
- Christensen, C.M., Raynor, M.E. (2003). *The innovator's solution*. Boston, USA: Harvard Business Review Press
- Clements, J.P., Gido J. (2011). *Effective Project Management*. USA: Cengage Learning
- Cotrell, S. (2005) *The critical thinking skills*. New York, USA: Palgrave MacMillan
- Cotrell, S. (2008) *The study skills handbook*. New York, USA: Palgrave MacMillan.
- Dubrin, A.J. (Ed.). (2006). *Essentials of Management*, the 7th ed. USA: Thomson.
- Dyer, J., Gregersen H., Christensen C.M. (2011). *The innovator's DNA*. Boston, USA: Harvard Business Review Press
- Field, M., Keller L. (2011). *Project Management*. USA: Cengage Learning
- Gardiner, P.D. (2005). *Project Management. A strategic planning approach*. UK: Palgrave Macmillan
- Gupta, S.L. (2004) *Marketing Research*. New Delhi, USA: Excel Books
- Hachman, J.R. (2002). *Leading teams: setting the stage for great performance*. Boston, USA: Harvard Business Review Press
- Heath, Ch., Heath D. (2010). *Switch. How to change things when change is hard*. New York: Broadway Books
- Johnson, S. (2010). *Where good ideas come from. The natural history of innovations*. USA: Penguin Group

- Kappels, T.M. (2008) Finansovo-orientirovannoe upravlenie proektami. Moskva, Rossiya: ZAO «Olimp-Biznes»
- Kawasaki, G. (2015). The art of Start 2.0. UK: Portfolio/Penguin
- Kerzner, H., Saladis F.P. (2013). Project Management Workbook and PMP/CAPM Exam Study Guide. NJ. USA: John Wiley & Sons, Inc., Hoboken
- Knapp, J. Sprint., Zeratsky J., Kowitz B. (2016). How to solve big problems and test new ideas in just five days. UK: Penguin Random House
- Kotler, Ph., Armstrong G. (2016). Principles of marketing. Global edition. UK: Pearson Educated Limited
- Kotter, J.P. (2012). Leading change. USA: Harvard Business Review Press
- Kubaev, K.E., Baysholanova, K.S. (2013) Biznes-planirovanie innovatsionnyih proektov. Almatyi, Kazahstan: IP «Sagautdinova»
- Kurman, M. (2013). Tech Transfer 2.0: How universities can unlock their patent portfolios and create more tech startups. New York, USA: Triple Helix Press, Ithaca
- Malhotra, N. (2013) Basic Marketing Research: A Decision-Making Approach. – 4 ed. – USA: Pearson New International Edition
- Mazur, I.I., Shapiro V.D., Olderogge N.G. (2004) Upravlenie proektami. Moskva, Rossiya: Omega-L
- Muhtarova, K.S. i drugie (2014) Upravlenie proektami. Almatyi, Kazahstan: Kazak universiteti
- Sanghera, P. (2009). 90 Days to Success as a Project Manager. USA: Cengage Learning
- Stone, D., Heen Sh. (2015). Thanks for the feedback. The science and art of receiving feedback well. USA: Penguin books
- Williams, Ch. (2012). Effective management. A multimedia approach. USA: South-Western Cengage Learning

4-бөлім
**МӘДЕНИЕТАРАЛЫҚ
БАЙЛАНЫСТАР**

Section 4
**INTERCULTURAL
COMMUNICATION**

Раздел 4
**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ**

Piera Gabola¹, Abdeljalil Akkari², Myriam Radhouane²

¹University of Teacher Education, Switzerland, Lausanne

²University of Geneva, Switzerland, Geneva,
e-mail: abdeljalil.akkari@unige.ch

ASSESSMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCIES: A CASE STUDY IN SWITZERLAND

In this study, we conducted a review of literature of instruments to measure intercultural competence in the domain of education and we evaluated the most relevant and scientifically valid to teachers. Eight instruments were identified and the Multiculturally Efficacy Scale was select. The purpose was to apply this instrument to analyse intercultural competence of 88 teachers from primary schools of the International School of Geneva. A comparison between English-speaking teachers and the French-speaking teachers about experiences with diversity, multicultural competence and the conception of multiculturalism in a multicultural school environment was also verified. Preliminary analyses comparing two groups revealed some difference but both groups of teachers have an attitude regarding diversity. We would discuss the results concerning this experience of diversity in English-speaking teachers and French-speaking. Findings lead to directions for future research.

Key words: competence, cultural, intercultural, transcultural, cross-cultural, multicultural, scale, inventory, education, teacher training, teacher education.

Габол Пьер¹, Абдельхалил Аккари², Мириам Радуан²

¹Педагогикалық білім беру университеті, Швейцария, Лозанна қ.

²Женева университеті, Швейцария, Женева қ.,
e-mail: abdeljalil.akkari@unige.ch

Мәдениетаралық құзыреттіліктерді бағалау Швейцариядағы тақырыптық зерттеу

Осы зерттеулерде біз білім беру саласындағы мәдениетаралық құзыреттілікті бағалау құралдарының әдебиетіне шолу жасалды. Педагогтар үшін ең өзекті болып табылып ғылыми негізделген баға берді. Сегіз құрал анықталып, мультимәдени тиімділік шкаласы таңдалды. Мақсаты – Женева Халықаралық 88 бастауыш мектебінің мәдениетаралық құзыреттілігін талдауда қолдану. Сондай-ақ, ағылшын және франк тілді мұғалімдер арасында көптірлілігімен, мультимәдениеттілігімен және мультимәдени мектеп ортасындағы мультимәдениеттілік тұжырымдамасымен жұмыс тәжірибесін салыстыру жүргізілді. Екі топта салыстыруда алдын ала талдау жасалып кейбір айырмашылықтар анықталды, бірақ екі топтың да әртүрлілікке қатысы бар. Ағылшын тілді және франкотілді мұғалімдер әртүрлі тәжірибесіне қатысты нәтижелерді талқылағымыз келеді. Алынған нәтижелер болашақ зерттеулердің бағыттарын анықтайды.

Түйін сөздер: құзыреттілік, мәдени, мәдениетаралық, трансмәдениеттік, кросс-мәдени, мультимәдениеттік, шкала, инвентарь, білім беру, мұғалімдерді дайындау, педагогикалық білім.

Габол Пьер¹, Абдельхалил Аккари², Мириам Радуан²

¹Университет педагогического образования, Швейцария, г. Лозанна

²Женевский университет, Швейцария, г. Женева,
e-mail: abdeljalil.akkari@unige.ch

Оценка межкультурного опыта: пример Швейцарии

В данном исследовании был проведен обзор литературы по межкультурной компетентности и оценены наиболее актуальные и научно обоснованные методы для педагогов в области образования. Были определены восемь инструментов и выбрана шкала мультикультурной эффективности. Цель авторов состояла в том, чтобы применить эти инструменты для анализа межкультурной компетентности 88 учителей начальных школ Международной школы Женева. Было также проведено сравнение между англоязычными и франкоязычными учителями, их опыта работы с многообразием, мультикультурной компетентностью и концепцией мультикультурализма

в мультикультурной школьной среде. Предварительный анализ сравнения двух групп выявил некоторую разницу, но обе группы учителей имеют отношение к разнообразию. Были обсуждены результаты у англоязычных и франкоязычных учителей. Полученные результаты определили направления будущих исследований.

Ключевые слова: компетентность, культурная, межкультурная, транскультурная, кросс-культурная, мультикультурная, шкала, инвентарь, образование, подготовка учителей, педагогическое образование.

Introduction

In an increasingly globalized world, the assessment of the intercultural skills of professionals is becoming a priority in the education sector. Switzerland is a multicultural country, not only because of its linguistic and religious history but also because of the international migration that the country has been hosting for a long time. The aim of this study is to analyze and compare intercultural competencies working in Geneva international school. While our data point out the intercultural competencies developed by teachers in a school marked by a hyper-diversity, our findings suggest some differences between English and French speaking teachers. In addition, as the ECOLINT is more culturally diverse, we expected that teachers hold a higher level of cultural competencies compared

to others studies. However, this hypothesis was not confirmed. In other words, it is not enough to mix teachers and students from different cultural and linguistic backgrounds to expect developing intercultural competencies. Indeed, intercultural competencies are more constructed through meaningful activities rather than demographic diversity.

Context of the study

The International School of Geneva was founded in 1924 by local educators and by officials of the League of Nations and International Labor Organization (ILO). The purpose of the school was to provide an international education based on the progressive educational principles associated with pedagogues based in Geneva such as Adolphe Ferrière and Edouard Claparède.

Table 1 – Teaching staff

Nationality	Full time	Part time	Our sample representative
Great Britain	129	43	7
Switzerland	81	50	10
France	61	40	29
USA	24	4	5
Canada	22	1	6
Other countries	44	25	26
Total	361	163	83

Source: International school of Geneva (2016)

The International School of Geneva (also called Ecolint) is the largest K-12 school in the area. There are three campuses around the city: La Chataigneraie, Nations and La Grande Boissière (the oldest). Ecolint enrolled 4 434 students in 2015, up from 4043 in 2011. The school have 138 different nationalities and over 83 different mother tongues represented among the students' population ranging from age three (reception class) up to eighteen (the last year of high-school). In the school year

2015-16, teaching staff was diverse with different nationalities represented. 361 full time and 163 part time teachers worked at the school (International school of Geneva, 2016).

A review of instruments measuring intercultural competence

A number of instruments have been designed to measure intercultural competence, mainly

developed in the workplace (Bartel-Radic, 2009:11-26.). A review of this literature has been conducted by a number of authors, in particular with regards to the domains of international organizations as well as health (Dunn, Smith, & Montoya, 2006; Gozu et al., 2007 ; Hays, 2008:471-482). However, up until now, no systematic review of the literature has been conducted which examines the instruments used to measure intercultural competence in the domain of education specifically. In order to address this gap, we conducted a systematic review of the literature to analyze instruments currently being used to measure intercultural competence in education published over a ten-year period from 2004 to 2014. We searched the database *Google Scholar*, using the key word ‘*intercultural competence*’ and adding other prefixes to cultural terms: -trans, -multi-, pluri, -cross and beliefs and other words such as: tools, measures, scales, education, teachers, training of teachers/trainers, conducting this search in English.

We therefore decided to adopt this strategy using the following English words: *competence, cultural, intercultural, transcultural, cross-cultural, multicultural, beliefs, scale, inventory, education, teacher training, teacher education*.

First, we identified key articles which made up the majority of search results based on the key words mentioned above. Second, we evaluated the abstract of these articles to select the most relevant to our review, by excluding:

- Those not published in peer-reviewed journals
- Articles published before 2004

– Literature reviews of instruments used to measure intercultural competence in domains – other than education

– Articles referring to specific instruments used to evaluate intercultural competence in domains other than education

The application of these criteria lead us to select the eight following instruments:

- *Multicultural Efficacy Scale* (MES);
- *Munroe Multicultural Attitude Scale Questionnaire* (MASQUE) ;
- *Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire* (BICCCQ);
- *Intercultural Development Inventory*(IDI);
- *Multicultural Teaching Competency* (MTCS);
- *Intercultural Communication Competence* (ICC);
- *Teacher Cultural Beliefs Scale* (TCBS);
- *Wesleyan Intercultural Competence Scale* (WICS).

We evaluated these eight instruments according to their dimensions (outlined in the Table 2 below) and psychometric properties (summarized in the Annex 1) in order to find the most relevant for researches about teachers working in multicultural environments.

The most relevant to analyze teachers’ practices, attitudes, efficacy, beliefs, regarding multicultural environment and multicultural education. We also evaluated these eight instruments in order to find the most scientifically valid.

Table 2 – Properties, items and format of responses in the instruments used to measure intercultural competence in education

Author, Instrument	Properties (sub-scales)	Tot. Items	Format of responses	Place, Year
(Guyton & Wesched) MES Multicultural efficacy scale (undergraduate and graduate teacher education students N=626)	Experience with diversity Attitudes Efficacy	35-item in tot. 34 item : 4 –point likert-type scale 1 item : select one of five possible responses to the statement 7-items 7-items 20-items	Disagree strongly or disagree somewhat; Agree somewhat; agree strongly	USA 2005

Continuation of table 2

Author, Instrument	Properties (sub-scales)	Tot. Items	Format of responses	Place, Year
(Munroe & Pearson) MASQUE Munroe Multicultural Attitude Scale Questionnaire (undergraduate students enrolled in university or collegiate programs – various courses N=422)	Know Care Act	18-item in tot. 6 – point likert-type scale 7-items 6-items 5-items	From 1 strongly disagree through 6 strongly agree	USA, 2006
(Tulman & Watts) BICCCQ Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire (students enrolled in either the bachelor of science in nursing or master of science in nursing degree program N=219)	Attitudes and Skills Knowledge of basics Cultural Communication Knowledge of Theory Knowledge of Key Concepts	31-item in tot. 3 – point likert-type scale (contained all of the items initially believed to address these two components) (contained items initially believed to relate to knowledge)	0=never 1=sometimes 2=quite often	USA, 2008
(Hammer) IDI Intercultural Development Inventory (managers, member of local church, students university, high school students N=4763)	Denial Defense Polarization Reversal Minimization Acceptance Adaptation Cultural Disengagement	50-item in tot. 5 –point likert-type scale 7-items 6-items 9-items 9-items 5-items 9-items 5-items	1=disagree, 2=disagree somewhat more than agree, 3=disagree some and agree some, 4=agree somewhat more than disagree, and 5=agree	USA, 2011
(Arasaratnam) ICC Intercultural communication competence (graduate and undergraduate students university N=302)	Intercultural communication competence	10-items 7 –point likert-type scale 10-items	From 1 strongly disagree to 7 strongly agree	Australie, 2009
(Spanierman et al.) MTCS Multicultural teaching competency scale (in-service and pre-service teachers n=258)	Multicultural Teaching Skill Multicultural Teaching Knowledge	16-item in tot. 6-point likert-type scale 10-items 6-items	From 1 strongly disagree through 6 strongly agree	USA, 2010

Continuation of table 2

Author, Instrument	Properties (sub-scales)	Tot. Items	Format of responses	Place, Year
(Hachfeld et al.) TCBS Teacher Cultural Beliefs Scale Study 1 (beginning teachers N=433) Study 2 (teacher candidates and educational science students)	Multicultural beliefs Egalitarian beliefs	10-item in tot 6 –point likert-type scale 6-items 4-items	From 1 strongly disagree through 6 strongly agree	Allemagne, 2011
(Stemler, Imada, & Sorkin) WICS Wesleyan Intercultural Competence Scale Part 1 (undergraduate students N=97) Part 2 (undergraduate students N=30)	Openness Patriotism Nationalism Internationalism Smugness Empathy Perspective-taking Ambiguity tolerance Background questionnaire	16 situations 5 –point likert-type scale 10-items 12-items 7-items 8-items 4-items 7-items 12-items 20-items 10-items	From 1 very inaccurate to 5 very accurate	USA, 2014

The table above shows that the instruments used to measure intercultural competence can be divided into two main categories. The first category focuses on stages through which the individual passes to become inter-culturally competent (Munroe Multicultural Attitude Scale, Intercultural Development Inventory, Wesleyan Intercultural Competence Scale). This first category highlights the potential development of an individual in adapting to contexts of diversity. The second category of instruments focuses on the different sub-forms of competence contributing to the individual being inter-culturally competent (Multicultural Efficacy Scale, Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire, Intercultural Communication Competence, Multicultural Teaching Competency Scale, Teacher Cultural Beliefs Scale). This second category examines the knowledge, know-how, experiences and communication abilities of individuals.

We decided to focus on the second category of instruments in order to select the most valid instrument, given the concrete focus on the

operationalized composites of competence which is more aligned to the objective of our study. Through this filtering, we selected the Multicultural Efficacy Scale as an object of analysis as it was specifically developed for teachers in multicultural settings. The stability and validation of this instrument is appropriate for our study. (Nadelson et al. 2012: 1194) report that «it preparing teachers to work in multicultural environments. The dynamic, situation, and contextual issues associated with multicultural education require instruments that can measure the construct in concert with the zeitgeist of diversity education and educational environments».

Research Questions

On the basis of our study goals and review of the literature we developed three research questions. Our research questions follow and asked:

Research question 1:

What differences exist between the English-speaking and French-speaking teachers with regards to *experiences with diversity*?

Research question 2:

What differences exist between the English-speaking and French-speaking teachers with regards to multicultural competence in terms of attitude with diversity and efficacy with diversity?

Research question 3:

What are the conceptions of teachers' multiculturalism in a multicultural school environment?

Method

Participants

Our participants were drawn from the population of teachers of the International School of Geneva in Switzerland. Teachers of the International School of Geneva speak multiple languages, are of different origins and work within a multicultural environment. Furthermore, the ISG is composed of students of different nationalities and of students are often bilingual.

Data were collected from May 8 to 30 in 2015. The total sample consisted of 88 teachers from primary schools. The French sample consisted of 50 teachers (70% female). Teachers ranged from 25 to 60 years of age (40% had between 51-60 years). The English sample consisted of 33 teachers (70% female). Teachers ranged from 25 to 60 years of age (43% had between 31-40 years).

Instrument

The first page of the protocol contained some personal socio-demographic information such as gender, age, native language, nationality. The competence of teachers in a multicultural environment was assessed by means of the Multicultural Efficacy Scale (MES) designed by (Guyton and Wesche 2005:21-29.) The questionnaire was used across a variety of departments of the International School of Geneva. The same instrument was administered to both groups of teachers. A back-translation procedure (English to French) was used for the French-speaking teachers. When conducting the questionnaires, the researchers asked teachers to state in which language they would prefer to respond. Teachers who preferred to respond in French were categorized as 'French-speaking.' Those who preferred to respond in English were categorized as 'English-speaking.'

MES

The Multicultural Efficacy Scale – MES (Guyton & Wesche, 2005) concerns 35-item Likert-type scale and it is divided into three sub-scales: the Experience with diversity (7 items and 4-point Likert-type scale ranging from *never* to *frequently*;

this sub-scale is only for comparative purposes and is not intended to be scored to contribute to measure of multicultural efficacy), Attitude toward teaching in multicultural condition (7 items and 4-point Likert-type scale ranging from *agree strongly* to *disagree strongly*) and Efficacy for teaching in multicultural environments (20 items on a 4-point Likert-type scale ranging from *I do not believe I could do this very well* to *I am quite confident that this would be easy for me to do*). To interpret outcomes of the Attitude and Efficacy sub-scales Guyton and Wesche (2005) developed a guide for scaling items: for Attitude the range of scores between 0 and 15 represent a low attitude, between 16 and 24 represent an average score, and range between 25 and 28 indicate positive attitude; for Efficacy range of scores between 0 and 54 represent low efficacy, between 55 and 66 indicate an average score, and 67 to 80 denote high level of efficacy. The last item 35 instructs users to select one of five possible responses to the statement «Choose the position which most closely reflects your strongest beliefs about teaching» and the outcomes are evaluated in percentages. Through Item 35 intended to provide descriptive data of the teachers in terms of their conceptualizations of multiculturalism. Guyton and Wesche (2005) in their study validating the MES report that 42% of responses (N=665 undergraduate and graduate teacher education students) identified multiculturalism and 8% advocacy (see Table 5).

Data Analysis

Results

First, we calculated the Cronbach's alpha coefficient for the Experience sub-scale, for the Attitude sub-scale, and Efficacy sub-scale. Results show .60, .73, and .89, respectively. The Cronbach Alpha for the 35-total item of instrument was found to be .86 which is slightly lower than the .89 reported in the instrument validation study.

Our first research question asked «What differences exist between the English-speaking and French-speaking teachers with regards to *experiences with diversity*?». The relative frequency of experiences such as playing, working, and socializing with «people different from them» during childhood, adolescence, and adulthood was calculated.

The frequency analysis showed the following: French-speaking children played more frequently with people different from them than English-speaking children; French-speaking adolescents went to school with diverse students more frequently

than English-speaking adolescents; French-speakers chose to read about people different from them more occasionally than English-speakers; English-speakers chose to read books about people different from them more frequently than French-speakers; English-speakers stated that a diverse person was one of their role models when they were younger more occasionally than French speaking; English-speakers stated that in the past chose to watch TV shows and movies about people different from them more occasionally than French-speakers and French-speaking adolescents «were on the same team and/or club with diverse students» more frequently than English-speaking.

Our second research question asked «What differences exist between the English-speaking and French-speaking teachers with regards to multicultural competence in terms of attitude with diversity and efficacy with diversity?»

With the aim of verifying the existence of differences with regards to multicultural competence of French-speaking teachers and English-speaking teachers, we calculated the average scores and significance of differences for the *Attitude about Diversity* section and *Efficacy with Diversity* section with the *t test*.

Firstly, we verified the existence of some differences in the *Attitude about Diversity* between French-speaking teachers and English-speaking teachers. As the results reveal, there are no significant statistical differences found in the averages between the English-speaking and French-speaking teachers (see Tab. 3).

Table 3 – Difference in Attitude about Diversity

Sample	N	M	SD
French-speaking teachers	50	19.0400	6.46801
English-speaking teachers	33	18.6364	5.82998

If we compare this data with that defined by Guyton and Wesche (2005) in their validation study (0-15 low; 16-24 average, 24-28 vary positive), the data reveals an average attitude of French and English-speaking teachers with slightly more positive attitudes demonstrated among the French-speaking teachers.

Secondly, we verified the existence of some differences in the *Efficacy with Diversity* between French-speaking teachers and English-speaking teachers.

According to the results of the *t test* with regards to *Efficacy with Diversity* there are no statistically significant differences in the averages between the French-speaking and English-speaking (see Tab. 4).

Table 4 – Difference in multicultural Efficacy with Diversity

Sample	N	M	SD
French-speaking Teachers	50	60.3800	22.22601
English-speaking teachers	33	64.0900	11.47106

If we compare this data with that defined by (Bennett, M.J. 1986: 27-70). in their validation study (0-54 low; 55-66 average, 67-80 high), the data reveals an average efficacy of French-speaking teachers with slightly higher efficacy demonstrated among the English-speaking teachers.

1. Our last research question asked «What are the conceptions of teachers' multiculturalism in a multicultural school environment?». We answered this question by calculating the percentage of Item 35 of MES first in French sample and afterwards in English sample. In fact, item 35, included in the last section of the instrument, concerned conceptions of multiculturalism. Results for the French sample were shown to be very different to those reported (Dunn, T. W., Smith, T. B., & Montoya, J. A. 2006: 471-482.)

in their validation study (see Tab. 5). Instead, results for the English sample are more consistent with those reported by Guyton and Wesche (2005; see tab. 3). The 38% of the French sample responses identified Tolerance and Assimilation (6%). The 45.5% of the English sample responses identified Multiculturalism and 6% Tolerance.

Table 5 – Percent reported by Guyton and Wesche (2005) in their instruments validation study

Purpose	Mesured percent (valid)	English sample	French sample
Tolerance	25.6	6.1	38.0
Assimilation	15.3	24.2	6.0
Pluralism	9.2	12.1	24.0
Multiculturalism	41.9	45.5	26.0
Advocacy	8.1	12.1	6.0
Total	100.0	100.0	100.0

Discussion

Our research allows us to highlight various aspects regarding intercultural competence and its assessment. In order to present them we will start by a focus on our results and then on the Multiculturally Efficacy Scale.

First, the comparison between teachers showed that French-speaking teachers seem to have a more practical experience of diversity than English-speaking teachers. If this first result has its importance, it is necessary to compare the items that allow us to identify some differences between these two groups of teachers. Indeed, French-speaking teachers described a childhood where they were confronted to diversity on a daily basis: at school, in their sport team ... Nevertheless, these kinds of experiences might not be the result of their choice: not a lot of children choose their school nor the members of their sport team. Besides, English-speaking teachers, even though they do not have the same experience regarding diversity, seemed to have experienced it based on a free choice (e.g. they chose more often than French-speaking teachers to watch a movie or read a book about someone different from them; their role-model were more occasionally different from them than French-speaking teachers).

This comparison is important because what French-speaking teachers described as an experience of diversity might be an effect of the context in which they grew up whereas what English-speaking teachers described might be a result of a personal will. Of course, this first point that we raised here is only a hypothesis; a qualitative study could be interesting in order to have a deeper understanding of these different kinds of experience of diversity.

Second, our research has shown that the two groups of teachers do not have the same beliefs regarding their efficacy in order to take diversity into account in their practices. In fact, English-speaking teachers have a stronger belief in their ability to develop multicultural practices than French-speaking teachers. From this, we could draw a first conclusion: experience with diversity might not have a significant effect on multicultural practices. However, we just raised a difference between the kinds of experiences that English and French-speaking teachers had with diversity. We cannot affirm that a chosen experience of diversity has a significant effect on multicultural practices; although this leads us to foster research on experience regarding diversity. On this matter, a recent research about teachers with a migrant background have shown that some experiences of

diversity might be more relevant than others in order to develop a multicultural competence; and how people transform these experiences into pedagogical resources is a key factor in the analysis (Radhouane, 2019).

These few elements highlight a limitation of the statistical analysis of the experiences of diversity. In order to go beyond the description of some experiences and have a deep understanding of their meaning for the different individuals in our sample, a qualitative study seems to be an interesting extension to this research. We could conduct semi-directive interviews in order to understand how a teacher uses – or not – an experience of diversity in his/her daily practices in a multicultural environment.

Third, our results showed that both groups of teachers have an «average» attitude regarding diversity. Different hypothesis can be drawn from this statement: 1) the different kinds of experience with diversity does not have a significant effect on the attitude developed by teachers regarding diversity (however, we explained above that a deeper analysis using a qualitative methodology would be interesting to have more information about this hypothesis), 2) working in a multicultural environment does not have a major impact on the attitude toward diversity.

This second hypothesis is paradoxical because the MES is based on the idea that experiences with diversity, efficacy and attitude toward cultural diversity are related; yet, working in a very diverse environment and having intercultural interactions on a daily basis does not seem to foster strong attitudes toward diversity. It is possible that diversity became trivial and therefore is less the subject of particular attention.

To further this study, it would be interesting to identify specific profiles of teachers such as:

- Those who have the «highest» and the «lowest» attitude toward diversity in order to understand what their experiences with diversity were and what are their efficacy beliefs towards diversity. This could lead to new hypothesis and a new understanding of aspects that can improve teachers' pedagogical practices regarding diversity.

Those who have the greatest experience with diversity in order to analysis the possible correlations with the two other dimensions of the MES. (Stemler, S.E., Imada, T. & Sorkin, C. 2014:26, 24-47).

Conclusion

In order to discuss all our results, we need to focus on the last item of the MES. The latter

aimed at identifying the different conceptions of teachers' multiculturalism. Our results highlight major differences between French and English-speaking teachers. French-speaking teachers underlined the importance of tolerance where English-speaking teachers emphasized a multicultural approach to diversity. It would be interesting to cross this result with socio-demographic data since some conceptions towards diversity are anchored in socio-political and geographical contexts. As an example, Multiculturalism is a theory that relates more to the Anglo-saxon world and Advocacy can relate to social justice theories that are more developed in the English-speaking world. Nevertheless, our hypothesis that aim at connecting social, political and national background to conceptions of diversity is challenged by one of our results. Indeed, the Assimilation item is chosen more often by English-speaking teachers than French-speaking teachers (24.2% v. 6%) (Tulman, L., & Watts, R.J. 2008:161-166)

Finally, we must comment the limitation of the study. First, various correlations should be explored in order to understand the different effects of the

experiences with diversity on efficacy and attitude. These different patterns could be explored in an extension of this study:

- Experience → Efficacy beliefs
- Efficacy beliefs → Attitude
- Experience → Attitude
- Experience → Conceptions
- Conceptions → Efficacy beliefs
- Conceptions → Attitude

Second, statistical data does not allow us to understand what individuals do with their experiences: are they significant? Do they use them as resources? Do they analyse them in order to build a stronger understanding of intercultural interactions? Do they transform them as tool for their pedagogical practices? This study needs to be completed by qualitative data in order to understand the subjectivity of experiences.

Further results would be very interesting to exploit in teacher education. It would allow educators to foster the use of personal experiences with diversity as a proper tool to develop multicultural competence. Nevertheless, the role of the training is important in order to foster a deep reflective analysis of these experiences.

Appendix 1 – Summary psychometric properties of instruments used to measure intercultural competence in education

First category	
MASQUE Munroe Multicultural Attitude Scale Questionnaire	<p>Description of the instrument</p> <p>The Munroe Multicultural Attitude Scale Questionnaire (Munroe and Pearson, 2006) is used to measure multicultural attitudes (in theory based in Bank's transformative approach*). The authors evaluated the reliability and validity of instrument, that especially measure multicultural attitude in education</p> <p>Psychometric analysis</p> <p>The fraction of the model that was definitely used for the logical derivation of items was Bank's transformative approach of Know, 7-items, example item «I know that social barriers exist », empathy (Care) 6-items, example item «I am not sensitive to language uses other than English», and experience (Act), 5-items, example item «I actively challenge gender inequities». The preliminary version of the instrument was composed by 28-items. In the final version of the instrument was considered only 18-items (Likert scale). The authors reported: for total 18 items of instruments Cronbach's alpha</p>
IDI Intercultural Development Inventory	<p>Description of the instrument</p> <p>The <i>Intercultural Development Inventory</i> (Hammer, 2011) is the first cross-cultural valid and reliable instrument of intercultural competence. This instrument has been further validated at the IDI by Paige et. Al. (2003) and Hammer et al (2003) – a validation confirmed by Bennett (1986, 1993). This instrument was developed to measure orientations towards cultural differences described in the DMIS (<i>Developmental Model of Intercultural Sensitivity</i>) of Bennett (1986, 1993).</p> <p>Psychometric analysis</p> <p>The entire IDI is composed of 50 items, with 10 additional demographic items. The first validation of IDI was composed of 60-items.</p> <p>The IDI includes seven: <i>Denial, Defense, Polarization Reversal, Minimization, Acceptance, Adaptation, Cultural Disengagement</i>. Cronbach's alpha</p>

<p>WICS Wesleyan Intercultural Competence Scale</p>	<p>Description of the instrument Wesleyan Intercultural Competence Scale Stemler, Imada, and Sorkin (2014) was developed in order to affected the limitations of intercultural competence assessment. The instrument presents 16 situations that study-abroad students probably to encounter. Combined with each situation are six distinct response options intend to reflect the six levels of intercultural competence (<i>Deniel, Defense, Minimization, Acceptance, Adaptation, Integration</i>) scheduled by Bennett (1986).</p> <p>Psychometric analysis The validity of the items of this instrument are linked to eight measures, already identified in the literature and which evaluate personality and attitudes. These measures consist of: <i>openness (10-items, Cronbach's alpha</i></p>
<p>Second category</p>	
<p>MES Multicultural efficacy scale</p>	<p>Guyton et Wesched (2005) developed the <i>Multicultural efficacy scale</i>, primarily in order to measure the concept of multi-cultural competence as well as other dimensions: the intercultural experiences of teachers in training, their attitudes towards diversity, their competence in multi-cultural contexts etc. Its development was based on a literature review of existing tools.</p> <p>Psychometric analysis The pilot version of Multicultural efficacy scale consisted of six sections and 160-items. The first step of data analysis reduced to 80-items. The second step of the analysis consisting of 35-items (Likert scale). The MES is divided into three sub-scales used for : <i>Experience with Diversity, 7-items</i> (example item «<i>I went to school with diverse students as a teenager</i> »), <i>Attitudes, 7-items</i> (example item «<i>Children should be taught mostly by teachers of their own ethnic and cultural background</i>») and <i>Efficacy, 20-items</i> (example item «<i>I can help students to examine their own prejudices</i>»). One additional and last item (35) intended to provide descriptive data of the teachers in terms of their conceptualizations of multiculturalism (five possible reponses «<i>Choose the position which most closely reflects your strongest beliefs about teaching</i>»). The authors reported: Cronbach's alpha</p>
<p>BICCCQ Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire</p>	<p>Description of the instrument The <i>Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire</i> was developed by Tulman et Watts (2008) in order to measure the student's relationship to cultural competencies taught throughout the programme for nursing care in the first cycle and superior cycles.</p> <p>Psychometric analysis The 31 items of this tool were extrapolated from the 67 items of the <i>Tool for Assessing Cultural Competence Training</i>, a tool used for mapping content linked to cultural competence in the medical programmes of universities. The <i>Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire</i> asks students to indicate the extent to which aspects of cultural competence were included in their programme. Five principal factors were considered: <i>Attitudes and Skills Knowledge of basics, Cultural Communication, Knowledge of Theory, Knowledge of Key Concepts</i>. The internal validity of the instrument was calculated for these 5 factors as well as for the tool in its entirety. The authors reported: Cronbach's alpha</p>

* «Based on specific stages of curriculum reform that could aid in measuring attitudes toward multiculturalism and that would serve a need that is now being addressed across many institutions of higher education» (Munroe & Pearson, 2006, p.820).

Cronbach's alpha: to provide a measure of the internal consistency (reliability) of a test or scale; it is expressed as a number between 0 and 1

ICC Intercultural communication competence	<p>Description of the instrument</p> <p>The <i>Intercultural communication competence</i>, developed by Arasaratnam (2009), is in a preliminary phase of development and empiric validation. The dimensions of this tool were created to evaluate the capacity of an individual to adopt certain behaviors linked to interculturality as well as interpersonal competencies and competencies in interacting with people from other cultures.</p> <p>Psychometric analysis</p> <p>The construction of the instrument was based on a selection of certain items <i>items</i> (Likert scale) of four dimensions belonging to existing tools in the literature: <i>Attitude towards other cultures</i> (8-items, Cronbach's alpha)</p>
MTCS Multicultural teaching competency scale	<p>Description of the instrument</p> <p>The <i>Multicultural teaching competency</i> scale was developed by Spanierman et al. (2010). This instrument measures teachers' multicultural skills and knowledge. In developing this scale, the authors specifically focused on finding a definition for competence in multicultural teaching.</p> <p>Psychometric analysis</p> <p>In the preliminary version, the scale was composed of 56-item (Likert scale) but only 16-item (Likert scale) were analysed to test its final factorial structure. The tool is composed of two subscales: the <i>Multicultural Teaching Skill</i> (10-items; example item «I consult regularly with other teachers or administrators to help me understand multicultural issues to instruction») and the <i>Multicultural Teaching Knowledge</i> (6-items; example item «I have a clear understanding of culturally responsive pedagogy»). In the version with 58-items, Cronbach's alpha</p>
TCBS Teacher Cultural Beliefs Scale	<p>Description of the instrument</p> <p>The <i>Teacher Cultural Beliefs Scale</i> was developed by Hachfeld et al. (2011) to evaluate the different multicultural and egalitarian beliefs towards immigrant students of the school.</p> <p>Psychometric analysis</p> <p>To develop the items concerning multicultural and egalitarian beliefs, the authors used a multi-stepped procedure by starting with an examination of the definitions of these concepts in existing social psychological research. In order to test the validity of the instrument, 2 different studies and two different scales were used, with beginner teachers and university students for the first and second study respectively. The instrument is composed of 10 total items (Likert scale): six items which measure the <i>multicultural beliefs</i> (Cronbach's alpha)</p>

References

- Arasaratnam, L. A. (2009). The development of a new instrument of intercultural communication competence. *Journal of Intercultural Communication*, 20.
- Bartel-Radic, A. (2009). La compétence interculturelle: état de l'art et perspectives. *Management international/Gestión Internacional/International Management*, 13(4), 11-26.
- Bennett, M.J. (1986). Towards ethnorelativism: A development model of intercultural sensitivity. In R.M. Paige (Ed.), *Cross-cultural orientation: New conceptualizations and applications* (pp. 27-70). New York, NY: University Press of America.
- Bennett, M.J. (1993). Towards ethnorelativism: A development model of intercultural sensitivity. In R.M. Paige (Ed.), *Education for the intercultural experience* (pp. 21-71). Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Dunn, T. W., Smith, T. B., & Montoya, J. A. (2006). Multicultural competency instrumentation: A review and analysis of reliability generalization. *Journal of Counseling & Development*, 84(4), 471-482.
- Gozu, A., Beach, M. C., Price, E. G., Gary, T. L., Robinson, K., Palacio, A., ... & Cooper, L. A. (2007). Self-administered instruments to measure cultural competence of health professionals: a systematic review. *Teaching and learning in medicine*, 19(2), 180-190.
- Guyton, E. M., & Wesche, M. V. (2005). The multicultural efficacy scale: Development, item selection, and reliability. *Multicultural Perspectives*, 7(4), 21-29.
- Hachfeld, A., Hahn, A., Schroeder, S., Anders, Y., Stanat, P., & Kunter, M. (2011). Assessing teachers' multicultural and egalitarian beliefs: the teacher cultural beliefs scale. *Teaching and Teacher Education*, 27(6), 986-996.
- Hammer, M. R. (2011). Additional cross-cultural validity testing of the Intercultural Development Inventory. *International journal of intercultural relations*, 35(4), 474-487.
- Hammer, M.R., Bennett, M.J., & Wiseman, R. (2003). Measuring intercultural sensitivity: The Intercultural Development Inventory. *International Journal of Intercultural Relations*, 27, 421-443.

- Hays, D. G. (2008). Assessing multicultural competence in counselor trainees: A review of instrumentation and future directions. *Journal of Counseling & Development*, 86(1), 95-101.
- International School of Geneva (2016). 2016 Annual Report. Geneva: International School of Geneva.
- Munroe, A., & Pearson, C. (2006). The Munroe Multicultural Attitude Scale Questionnaire A New Instrument for Multicultural Studies. *Educational and Psychological Measurement*, 66(5), 819-834.
- Nadelson, L.S., Boham, M.D, Colon-Khan, L., Fuentealba, M.J., Hall, C.J., Hoetker, G.A., Hooley, D.S., Seong Jang, B., Luckey, K.L., Moneymaker, K.J., Shapiro, M.A., & Zenkert, A.J. (2012). A shifting Paradigm: Preservice Teachers' Multicultural Attitudes and Efficacy. *Urban Education*, 47(6), 1183-1208.
- Paige, R.M., Jacobs-Cassuto, M., Yershova, Y.A. & Dejaeghere, J. (2003). Assessing intercultural sensitivity: An empirical analysis of the Hammer and Bennett Intercultural Development Inventory. In R.M. Paige (Ed.) (Special issue: Intercultural development). In *International Journal of Intercultural Relations*, 27, 467-486.
- Radhouane, M. (2019). Taking into account cultural diversity in teacher training and work: case study in Geneva (Doctoral dissertation, University of Geneva).
- Spanierman, L. B., Oh, E., Heppner, P. P., Neville, H. A., Mobley, M., Wright, C. V., Navarro, R. (2010). The multicultural teaching competency scale: Development and initial validation. *Urban Education*.
- Stemler, S. E., Imada, T. & Sorkin, C. (2014). Development and Validation of the Wesleyan Intercultural Competence Scale (WICS): A Tool for Measuring the Impact of Study Abroad Experiences. *Frontiers: the Interdisciplinary Journal of Study Abroad*, 26, 24-47.
- Tulman, L., & Watts, R. J. (2008). Development and testing of the Blueprint for Integration of Cultural Competence in the Curriculum Questionnaire. *Journal of Professional Nursing*, 24(3), 161-166.

Байзакова К.¹, Утегенова А.², Масанов М.³

¹доктор исторических наук, профессор, e-mail: kbaizakova@mail.ru

²PhD докторант, e-mail: autegenova2008@mail.ru

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

³научный сотрудник Международного института центральноазиатских исследований,
Узбекистан, г. Самарканд, e-mail: madjer.inst@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННОЕ ВЕДЕНИЕ БИЗНЕСА И ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Целью подготовки данной статьи является попытка ответить на следующий вопрос: почему ответственное ведение бизнеса в Республике Казахстан должно включать в себя охрану материального культурного наследия. Авторы рассматривают правовые аспекты защиты культурного наследия Казахстана, его международные обязательства в этой сфере, а также статус объектов материального культурного наследия на территории Республики Казахстан. На уровне ЮНЕСКО Республика Казахстан имеет многочисленные официальные международные обязательства в области охраны материального культурного и природного наследия, которые необходимо неукоснительно соблюдать как государственным, так и частным организациям. Данная система международных обязательств дополняется местным законодательством Республики Казахстан, направленным на сохранение объектов культурного и природного наследия. Дополнительно в данной работе будут кратко перечислены основные рекомендации, соблюдение которых обеспечит охрану и сохранность объектов материального культурного наследия, а также избавит представителей сферы бизнеса от различных рисков и сопутствующих финансовых потерь, связанных с причинением ущерба и разрушением объектов материального культурного наследия. В дополнение к соблюдению казахстанских и международных законодательных баз в области охраны и использования материального культурного наследия, наиболее социально ответственные организации также могут организовать собственные мероприятия по повышению осведомленности своих сотрудников о необходимости охраны объектов материального культурного наследия.

Ключевые слова: ответственное ведение бизнеса, культурное наследие, охрана, консервация, законодательство.

Baizakova K.¹, Utegenova A.², Masanov M.³

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, e-mail: kbaizakova@mail.ru

²PhD student, e-mail: autegenova2008@mail.ru

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

³research fellow, International Institute for Central Asian Studies,
Uzbekistan, Samarkand, e-mail: madjer.inst@gmail.com

Responsible business conduct and protection of cultural heritage site

Preparation of present article was aiming to try to answer the following questions: why the responsible business conduct in the Republic of Kazakhstan needs to include the protection of tangible cultural heritage. Authors consider legal aspects of protection of cultural heritage of Kazakhstan, its international obligations in it to the sphere and the status of objects of material cultural heritage in the territory of the Republic of Kazakhstan. At the level of UNESCO, the Republic of Kazakhstan has numerous official international obligations in protection of material cultural and natural heritage, which both the state and private organizations need to observe strictly. This system of the international obligations is complemented with the local legislation of the Republic of Kazakhstan directed to preservation of objects of cultural and natural heritage. Additionally, this work will list the basic recommendations, following of which is going to guarantee the protection and conservation of tangible cultural heritage sites, as well as save the representatives of the business sphere from various risks and associated financial losses related to the damaging and destruction of tangible cultural heritage sites. In addition to compliance with Kazakhstani and international legislative bases in the field of protection and use of tangible cultural heritage, the most socially responsible organizations

can also organize their own events to raise awareness of their employees about the need to protect tangible cultural heritage.

Key words: responsible business conduct, cultural heritage, protection, conservation, legislation.

Байзақова К.¹, Утегенова А.², Масанов М.³

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: kbaizakova@mail.ru

²PhD докторанты, email: autegenova2008@mail.ru

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

³Орталық Азия зерттеулерінің халықаралық институтының ғылыми қызметкері, Өзбекстан, Самарқанд қ., e-mail: madjer.inst@gmail.com

Жауапты бизнес және мәдени мұраны сақтау

Осы мақаланы дайындау келесі сұраққа жауап іздеуді көздеді: неге Қазақстан Республикасындағы жауапты іс жүргізу материалдық мәдени мұраны қорғауды қамтуы керек? Бұдан басқа, осы құжат материалдық мәдени мұра объектілерін қорғауды және сақтауды қамтамасыз етуге, сондай-ақ материалдық мәдени мұра объектілерінің бүлінуіне және бұзылуына байланысты түрлі тәуекелдерден және қаржылық шығындардан босататын негізгі ұсыныстарды қысқаша тізімге енгізеді. Авторлар Қазақстан Республикасының мәдени мұрасын қорғаудың құқықтық аспектілерін, оның осы саладағы халықаралық міндеттемелерін және Қазақстан Республикасы аумағындағы материалдық мәдени мұра объектілерінің мәртебесін қарастырады. ЮНЕСКО деңгейінде Қазақстан Республикасы мемлекеттік және жеке ұйымдар қатаң сақтауы қажет материалдық мәдени және табиғи мұраны қорғау бойынша көптеген ресми халықаралық міндеттемелерге ие. Халықаралық міндеттемелердің бұл жүйесі мәдени және табиғи мұра объектілерін сақтауға бағытталған Қазақстан Республикасының жергілікті заңнамасымен толықтырылған. Сонымен қатар, бұл жұмыста материалдық мәдени мұра нысандарын қорғауға және кепілдік береді. Сондай-ақ, бизнес саласының өкілдерін бүліну мен жоюға байланысты түрлі қаржылық шығындардан сақтайтын негізгі ұсыныстары келтірілген. Материалдық мәдени мұраны қорғау және пайдалану саласындағы қазақстандық және халықаралық заңнамалық базаны сақтаумен қатар, әлеуметтік жауапты ұйымдар материалдық мәдени мұраны қорғау қажеттілігі туралы қызметкерлерінің хабардарлығын арттыру мақсатында жеке іс-шаралар ұйымдастыра алады.

Түйін сөздер: жауапты бизнес, мәдени мұра, қорғау, консервация, заңнама.

Введение

Анализируя наиболее широко распространенные интерпретации ответственного ведения бизнеса или корпоративно-социальной ответственности (КСО), можно сказать, что они, в первую очередь, сводятся к ответственности, которую несет бизнес за свое влияние на общество и окружающую среду. Одной из множества сфер, на которые бизнес также может оказывать влияние, является охрана и менеджмент объектов культурного наследия.

Объектами культурного наследия являются «физические артефакты и нематериальные атрибуты какой-либо группы или сообщества, унаследованные от прошлых поколений, сохраненные в настоящем и дарованные будущим поколениям» [1]. Если рассматривать исключительно материальное культурное наследие, то его условно можно разделить на движимые (картины, скульптуры, манускрипты и т.д.) и недвижимые (архитектурные и археологические памятники и т.д.) объекты.

Центральной темой данного исследования является неразрывная связь между практикой

ответственного ведения бизнеса и проведения комплекса мер, предусмотренных национальным законодательством и международными обязательствами РК, в области охраны объектов культурного наследия.

Материал и методы

Материалами, которые использовались при подготовке данного исследования, были в первую очередь нормативно-правовые акты Республики Казахстан в области охраны и использования объектов культурного наследия, а также различные международные стандарты в области ответственного ведения бизнеса и менеджмента объектов культурного наследия.

С точки зрения методологии, особую важность имеют два приведенных далее примера ведения бизнеса. Они наглядно демонстрирует то, к каким экономическим и статусным для всей страны последствиям может привести соблюдение или несоблюдение мер по охране памятников материального культурного наследия. Эта часть данного исследования наилучшим образом демонстрирует теоретические принципы

ответственного ведения бизнеса, которые приводятся в первой части работы.

Общие правовые аспекты защиты объектов материального культурного наследия на территории Республики Казахстан

Международные обязательства Республики Казахстан в сфере охраны и менеджмента культурного наследия

На международном уровне в сфере охраны и использования объектов как материального, так и нематериального культурного наследия наибольшее значение имеет факт присоединения Республики Казахстан к некоторым конвенциям Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

После распада СССР новые страны центральноазиатского региона активно начали процесс интеграции в международное сообщество, в том числе посредством ЮНЕСКО. В марте 1992 года Республика Казахстан стала первой страной на территории постсоветской Центральной Азии, которая вступила в список стран членов ЮНЕСКО. В период с 1992 по 2012 годы Республика Казахстан в общей сложности ратифицировала 15 различных конвенций ЮНЕСКО. В их числе в 1994 году была ратифицирована «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972) [2], в 1997 году – «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (1954) [3], в 2011 году – «Конвенция об охране нематериального культурного наследия» (2003) [4], а в 2012 году – «Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (1970) [5]. Несмотря на тот факт, и это следует подчеркнуть, что Республикой Казахстан были не ратифицированы некоторые отдельные конвенции ЮНЕСКО, в сфере материального и нематериального культурного наследия интеграция страны в систему ЮНЕСКО была осуществлена в полной мере [6].

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия

По состоянию на конец 2018 года Республика Казахстан успешно включила в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО пять объектов на своей территории [7]. По состоянию на начало 2017 года еще тринадцать объектов культурного и природного наследия на

территории Казахстана были включены в Предварительный список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО [8].

В декабре 1992 года при Министерстве иностранных дел Республики Казахстан была учреждена Национальная комиссия Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО. Данная организация является связующим звеном между Правительством Казахстана и ЮНЕСКО. При Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО функционируют несколько специализированных общественных экспертных организаций, таких как Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия (2012) и Национальный комитет всемирного наследия (2014). Целью данных организаций является содействие Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО в сфере охраны, сохранения и популяризации казахстанского материального и нематериального наследия [9].

С 1994 г. на территории Казахстана функционирует Кластерное Бюро ЮНЕСКО в Алматы по Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Узбекистану, поддерживающее многочисленные проекты и инициативы, к которым относятся как исследования в области консервации и управления культурным и природным наследием, так и в области нематериального наследия и культурного туризма.

Таким образом, на уровне ЮНЕСКО Республика Казахстан имеет многочисленные официальные международные обязательства в области охраны материального культурного и природного наследия, которые необходимо неукоснительно соблюдать как государственным, так и частным организациям. Данная система международных обязательств дополняется местным законодательством Республики Казахстан, направленным на сохранение объектов культурного и природного наследия.

Национальное законодательство Республики Казахстан в сфере охраны и менеджмента материального культурного наследия

Правовая база по защите материального культурного наследия (или историко-культурного наследия) Республики Казахстан насчитывает несколько главных инструментов национального законодательства:

- Конституция Республики Казахстан, 1995 [10];
- Закон Республики Казахстан о культуре, 2006 [11];
- Закон о защите и использовании историко-культурного наследия, 1992 [12];

– Закон об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, 2011 [13].

На национальном уровне государственная система менеджмента объектов материального культурного наследия на территории Республики Казахстан основывается в первую очередь на Законе РК от 2 июля 1992 года №1488-ХІІ «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия». Данный закон обеспечивается Президентом РК, Правительством РК, а также Министерством культуры и спорта РК, которое является главным исполнительным органом, отвечающим за реализацию государственной политики по защите и управлению им в целом. На региональном уровне за данную сферу отвечают местные исполнительные органы областей, районов, городов республиканского и областного значения.

По соглашению с Министерством культуры и спорта РК местные исполнительные органы обеспечивают всю деятельность по консервации памятников культурного наследия, включая базовые исторические и архитектурные схемы по подготовке и утверждению новых планов или проектов по переустройству территории памятников (статья №18). Однако Министерство культуры и спорта РК в качестве уполномоченного органа находится во главе всего государственного контроля и всех действий в отношении объектов наследия международного и республиканского значения (статья №19), а также является ответственным органом за выполнение Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Важно отметить, что согласно вышеупомянутому закону: «Если международный договор, ратифицированный Республикой Казахстан, устанавливает иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора» (Статья №1), к примеру, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, подписанная Казахстаном в 1994 году, имеет большую силу, чем местное законодательство.

Подход Международной финансовой корпорации к вопросу охраны и менеджмента культурного наследия

Стандарты Международной финансовой корпорации (МФК) также включают в себя вопрос охраны объектов культурного наследия в рамках концепции ответственного ведения бизнеса [14]. Если кратко резюмировать стандарты МФК в данной области, то в отношении объек-

тов материального культурного наследия от любой государственной или частной организации требуется следующее:

- Соблюдение международного и национального законодательства, а также применение международно-признанных практик по охране и управлению материальным культурным наследием (§6). К данному пункту также относится понимание того, что в определенных случаях международные и местные законодательства могут защищать некоторые объекты материального культурного наследия от любого возможного антропогенного воздействия (§13, 14, 15, 16);

- Привлечение специалистов по определению и защите материального культурного наследия до начала непосредственных работ по эксплуатации какой-либо территории (§7, 8);

- Привлечение сообществ, на месте проживания которых планируется какая-либо эксплуатация территории, к определению и защите материального культурного наследия (§9, 10);

- Минимизация антропогенного воздействия на объекты материального культурного наследия даже в тех случаях, когда международные и местные законодательства не запрещают все формы эксплуатации их территорий (§11, 12).

Статус объектов материального культурного наследия на территории Республики Казахстан

После того, как мы рассмотрели основные правовые аспекты защиты и менеджмента объектов материального культурного наследия, мы можем более детально охарактеризовать их статус на территории Республики Казахстан.

Определение материального культурного наследия

Согласно статье 4 Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» памятники истории и культуры подразделяются на следующие виды:

- памятники градостроительства и архитектуры;

- памятники археологии;

- ансамбли.

Согласно той же статье, система мер по их охране и менеджменту направлена на:

- выявление, исследование и пропаганду объектов историко-культурного наследия;

- закрепление за объектами историко-культурного наследия статуса памятников истории и культуры;

- обеспечение защиты от уничтожения, акта вандализма, фальсификации, мистификации, искажения, внесения необоснованных изменений, изъятия из исторического контекста;

- возрождение и сохранение путем проведения археологических и научно-реставрационных работ;

- содержание в соответствии с нормами, обеспечивающими их сохранность;

- использование в процессе возрождения этнокультурной среды, а также в научных и воспитательных целях.

В данной связи важно понимать, что к памятникам историко-культурного наследия относятся не только крупные и хорошо заметные объекты в пределах городской черты, но и многочисленные и такие, на первый взгляд, неприметные объекты как: зимние и летние стоянки кочевого населения, курганы, некрополи или системы охотничьих ловушек (араны). Они разбросаны на территории всех регионов и климатических зон Республики Казахстан, а их число продолжает неуклонно увеличиваться вследствие продолжения освоения и развития все большей территории страны. Их определение в качестве объектов историко-культурного наследия может быть сделано только профессиональными организациями или специалистами.

Также согласно статье 5 Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» объекты историко-культурного наследия приобретают статус памятников истории и культуры с момента признания их таковыми в порядке, установленном настоящим Законом. Для принятия решения о включении объектов историко-культурного наследия в Государственный список памятников истории и культуры представляются документы в порядке, установленном Правительством Республики Казахстан.

Признание объектов историко-культурного наследия памятниками истории и культуры закрепляется утверждением их в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения, подлежащем обязательному официальному опубликованию. Памятники археологии приобретают статус памятников истории и культуры с момента их выявления. Памятники истории и культуры в Республике Казахстан подлежат обязательной защите и сохранению в порядке, предусмотренном настоящим Законом, обладают особым правовым режимом их использования, изменения права собственности

на них и лишения их статуса. Лишение памятника истории и культуры его статуса и исключение из Государственного списка памятников истории и культуры допускаются лишь в случае полной физической утраты объекта и (или) утраты историко-культурного значения. Выявленные объекты историко-культурного наследия включаются в список предварительного учета и до принятия окончательного решения об их статусе подлежат охране наравне с памятниками истории и культуры в соответствии с настоящим Законом.

В контексте деятельности любых лиц и организаций, занимающихся хозяйственным или иным освоением любой территории РК, важно отметить, что приведенная выше система подразумевает необходимость охраны и сохранения всех объектов культурного наследия, включая те, которые были обнаружены непосредственно в ходе проведения мероприятий по освоению территорий.

Далее попробуем подробно описать процедуру охраны объектов материального культурного наследия на осваиваемой территории, которую должна обеспечивать любая государственная или частная организация на территории Республики Казахстан.

Процедура обеспечения охраны материального культурного наследия на территории Республики Казахстан

Как уже было отмечено выше, мероприятия по охране объектов материального культурного наследия начинаются до начала непосредственных работ по хозяйственному освоению какой-либо территории. Данные работы можно разделить на два практических этапа. Соблюдение обоих этих этапов позволяет максимально обезопасить любую компанию, реализующую хозяйственное освоение какой-либо территории, от различных рисков, которые несет в себе охрана и менеджмент объектов материального культурного наследия.

Согласно статье 39 Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» освоению любой территории предшествует выявление объектов материального культурного наследия посредством проведения так называемой археологической или историко-культурной экспертизы земель. Данный тип работы может иметь линейный или площадной характер, в зависимости от типа осваиваемой территории. Подобная экспертиза может быть выполнена исключительно теми государственными или частными организациями, которые

имеют соответствующую лицензию, выданную Министерством культуры и спорта РК.

Реализация археологической или историко-культурной экспертизы позволяет еще на этапе проектировки выявить наличие или отсутствие объектов материального культурного наследия на предполагаемой к освоению территории и, в случае необходимости, сделать корректировки будущего проекта.

На втором этапе, в случае обнаружения на предлагаемой к хозяйственному освоению территории объектов археологического наследия и невозможности корректировки будущего проекта в интересах сохранности данных объектов, возможно проведение полного комплекса научно-исследовательских работ. Они предполагают полное исследование необходимого объекта материального наследия и последующий его вывод из государственных списков объектов историко-культурного наследия. Данные работы также могут производиться исключительно лицензированными государственными или частными организациями. По факту такой объект материального культурного наследия перестает существовать, его территория становится пригодной для хозяйственного освоения, а лицензированная организация обеспечивает его комплексное научное изучение и предотвращение его разграбления и потери научной информации, которую он мог бы предоставить.

Важно отметить, что в определенных случаях, например, в случае объектов, включенных Республикой Казахстан в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО или Список объектов историко-культурного наследия республиканского значения, проведение полного комплекса научно-исследовательских работ с целью передачи его территории под хозяйственное освоение в принципе невозможно. В этих случаях любой проект, затрагивающий территорию подобного памятника, следует скорректировать в интересах сохранения уникальной международно-признанной ценности данного объекта, а также неприкосновенности его территории и территории его охранных зон.

С коммерческой точки зрения второй этап стоит значительно дороже первого и занимает намного больший период времени. Однако очень важно понимать тот факт, что статья 447 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан предусматривает административную ответственность для лиц и

организаций, которые нарушили правила охраны и использования памятников историко-культурного наследия.

Все эти обстоятельства должны соответствующим образом учитываться при расчете рисков любого проекта по освоению любой территории в Республики. Это связано еще и с тем, что согласно статье 39 Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»: *в случае обнаружения объектов, имеющих историческую, научную, художественную и иную культурную ценность, физические и юридические лица обязаны приостановить дальнейшее ведение работ и сообщить об этом уполномоченному органу*. Последнее влечет за собой остановку реализации проекта на неопределенный срок и соответствующие финансовые потери для компании.

Таким образом, в рамках концепции ответственного ведения бизнеса, а также в интересах соблюдения национального законодательства Республики Казахстан в области охраны и использования материального культурного наследия перед стартом любого проекта по эксплуатации земли необходимы:

- Проведение лицензированной организацией археологической или историко-культурной экспертизы с целью выявления наличия или отсутствия на эксплуатируемой территории объектов материального культурного наследия;

- Корректировка строительного проекта в интересах охраны и менеджмента обнаруженных объектов материального культурного наследия, в особенности в случае обнаружения объектов, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО или Список объектов историко-культурного наследия республиканского значения;

- Проведение лицензированной организацией полного комплекса научно-исследовательских работ, в случае невозможности корректировки строительного проекта и отсутствия у обнаруженных объектов особого международного или национального статуса, после проведения которого хозяйственное освоение территории становится возможным.

В заключение второй части данного исследования рассмотрим два примера надлежащего и ненадлежащего подхода к охране объектов материального культурного наследия на территории Республики Казахстан. Данные примеры наглядно продемонстрируют нам, как должна вести

себя любая государственная или частная организация на территории Республики Казахстан в интересах ответственного ведения бизнеса и сохранения национального культурного наследия.

История «золотого человека»: пример ответственного ведения бизнеса

Так называемый «золотой человек» является одной из наиболее важных археологических находок, сделанных на территории современного Казахстана, и одним из символов казахстанской государственности. Каждый гражданин РК знает о существовании «золотого человека» и его визуальный образ из школьных учебников. Данное открытие было сделано в 1969 году в городе Иссык во время сноса нескольких сакских курганов, расположенных на территории, запланированной к строительству автомобильной базы города Иссык.

Для нас наибольший интерес представляет тот факт, что данное открытие было сделано в результате научно-исследовательских работ, которые предшествовали началу строительства запланированной автомобильной базы. Из приказа № 54 дирекции Института истории, археологии, этнографии КазССР от 21 апреля 1969 года: «Командировать в г. Иссык сроком на 10 дней экспедицию в составе: мл. научного сотрудника отдела археологии Б. Нурмуханбетова, инженера-фотографа О. Медведева и художника П. Сон. Фронт предписанных работы – снос двух курганов Иссыкского могильника». Несмотря на тот факт, что в Советском Союзе не существовало современного понимания ответственного ведения бизнеса, ответственный подход к охране и изучению объектов материального культурного наследия позволил совершить одно из наиболее важных археологических открытий в истории нашего государства.

История «городища Талгар»: пример безответственного ведения бизнеса

Однако в истории Республики Казахстан имели и имеют место и отдельные примеры безответственного ведения бизнеса в части охраны объектов материального культурного наследия. Наиболее резонансный случай произошел в 2016 году с древним городищем на территории современного города Талгар (историческое название Талхиз), которое является компонентом (составной частью) Серийного транснационального объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань – Тянь-Шанского коридора». Данный

объект совместно был включен Казахстаном, Китаем и Кыргызстаном в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 2014 году.

Если коротко резюмировать причину инцидента, то территория городища Талгар (Талхиз) находилась на пути запланированной к строительству автодороги Бирлик–Алмалык–Казстрой–Рыскулов–Ак-Булак (участок дороги ПК 0+00 – ПК 177+47.26). Данный участок дороги, в первую очередь, предназначался в качестве короткого пути между городом Алматы и горнолыжным курортом Ак-Булак, который должен был принять часть спортивных соревнований в рамках 28-й Всемирной зимней Универсиады 2017 года в Алматы.

Несмотря на существование альтернативных путей вышеуказанной автодороги в обход территории городища Талгар, главный подрядчик строительных работ принял решение провести автодорогу через территорию древнего городища, закрыв глаза на тот факт, что его выдающаяся универсальная ценность была признана на международном уровне ЮНЕСКО. Немалую роль в принятии данного решения сыграла близость Всемирной зимней Универсиады и необходимость сдачи автодороги в кратчайший срок.

В итоге данный случай вызвал волну негодования со стороны научных и академических кругов Республики Казахстан, а также отечественных средств массовой информации и широкой общественности. Угроза сноса объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО на территории Казахстана обсуждалась как на правительственном, так и международном уровне. Республике Казахстан грозили серьезные санкции со стороны ЮНЕСКО, которые вызвали бы, в первую очередь, удар по репутации страны. Ситуация разрешилась после вмешательства со стороны Правительства РК, в результате чего строительство автодороги на территории городища Талгар было остановлено.

Данный случай не зря был назван примером безответственного ведения бизнеса. Неуместный подход к строительству автодороги Бирлик–Алмалык–Казстрой–Рыскулов–Ак-Булак не только поставил под угрозу уничтожения объект всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, но и подвел под удар международный имидж Республики Казахстан, а также вызвал срыв строительного проекта и невозможность его реализации в требуемый срок.

Результаты и обсуждение: рекомендации по охране и менеджменту объектов материального культурного наследия на территории Республики Казахстан

В первую очередь важно понимать, что любая деятельность в сфере охраны и использования материального культурного наследия полностью находится в рамках Закона РК о защите и использовании историко-культурного наследия. Это означает, что деятельность любой государственной или частной компании на территории Республики Казахстан не может ставить под угрозу сохранность объектов материального культурного наследия.

Как было отмечено выше, перед началом любых работ по эксплуатации какой-либо территории Республики Казахстан подрядная организация должна провести при содействии лицензированных организаций выявление памятников материального культурного наследия на территории своей деятельности. После их выявления проект эксплуатации территории должен быть пересмотрен для обеспечения наиболее полной сохранности данных объектов. В случае невозможности изменения строительного проекта, а также при отсутствии у обнаруженных объектов материального культурного наследия особого международного или национального охранного статуса, который делает невозможным любую эксплуатацию данных территорий, лицензированными организациями должны быть проведены их полные археологические исследования.

Только при соблюдении данных условий хозяйственная эксплуатация какой-либо территории может считаться законной с точки зрения Закона РК «Об охране и использовании объек-

тов историко-культурного наследия» и международных обязательств, принятых Республикой Казахстан.

Заключение и выводы

В итоге обеспечение охраны объектов материального культурного наследия является не только частью концепции ответственного ведения бизнеса, но и обязательным требованием законодательства Республики Казахстан и международных обязательств, принятых нашей страной с момента получения независимости.

В заключение следует отметить, что в дополнение к соблюдению казахстанских и международных законодательных баз в области охраны и использования материального культурного наследия, наиболее социально ответственные организации также могут организовать собственные мероприятия по повышению осведомленности своих сотрудников о необходимости охраны объектов материального культурного наследия. В этом случае подобная организация может подготовить собственный внутренний документ, описывающий необходимость и детали защиты объектов культурного наследия.

Наиболее важным пунктом в данном ключе представляется информирование сотрудников, осуществляющих непосредственные полевые работы по хозяйственному освоению территории. Эти сотрудники должны в первую очередь понимать, что при обнаружении объектов материального культурного наследия на какой-либо территории все работы должны быть немедленно приостановлены и вызваны представители местных органов управления.

Литература

- Tangible cultural heritage // URL: <http://www.unesco.org/new/en/cairo/culture/tangible-cultural-heritage/>
Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010688#pos=1;-104
Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm>
Конвенция об охране нематериального культурного наследия // https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31381886
Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000507>
Тематическое исследование «Роль ЮНЕСКО в РК». – Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2015. – С. 71.
Properties inscribed on the World Heritage List // <http://whc.unesco.org/en/statesparties/kz>
Tentative Lists // URL: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/state=kz> (Список регулярно обновляется).
Muzafarov R.R., Utegenova A.E., Kazakhstan-UNESCO: hronika vzaimodeistviya i partnerstva 1992-2011 [Kazakhstan-UNESCO: Chronicles of Cooperation and Partnership 1992-2011]. Astana-Almaty: Secretariat of the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO, 2011.

Конституция Республики Казахстан 1995 // <http://www.constitution.kz/>

Закон Республики Казахстан о культуре // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960

Закон Республики Казахстан о защите и использовании историко-культурного наследия. 1992 // https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z920002900_

Закон Республики Казахстан об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. 2011 // https://kodeksy-kz.com/ka/ob_arhitekturnoj_deyatelnosti/3.htm

Performance Standards on Environmental and Social Sustainability. Standard 8. – Washington: IFC, 2012. – С. 53-56 // URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/c8f524004a73daeca09afd998895a12/IFC_Performance_Standards.pdf?MOD=AJPERES

References

Tangible cultural heritage. URL: <http://www.unesco.org/new/en/cairo/culture/tangible-cultural-heritage/>

Konventiya obohranekulturnogoIprirodnogonaslediya. 1972//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010688#pos=1;-104

Konventiya o zashite kulturnih thenostey v sluchae voorugennogo konflikta. <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm>

Konventiya ob ohrane nematerialnogo kulturnogo naslediya. https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31381886

Konventiya o merah, navralennih na zapreshenie i preduprezhdenie nezakonnogo vvoza, vivoza I peredachi prav sobstvennostu na kulturnie thennosti // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000507>

Tematicheskoe issledovanie «Rol' UNESCO v RK». – Almaty: TOO «Arheologitheskayexpertiza», 2015. – С. 71.

Properties inscribed on the World Heritage List. <http://whc.unesco.org/en/statesparties/kz>

Tentative Lists. URL: <http://whc.unesco.org/en/tentativelists/state=kz> (Spisok regul'yarno obnovlyatsya).

Muzafarov R.R., Utegenova A.E., Kazakhstan-UNESCO: hronika vzaimodeistviya i partnerstva 1992-2011 [Kazakhstan-UNESCO: Chronicles of Cooperation and Partnership 1992-2011]. Astana-Almaty: Secretariat of the National Commission of the Republic of Kazakhstan for UNESCO and ISESCO, 2011.

Konstitutiya Respubliki Kazakhstan 1995. <http://www.constitution.kz/>

Zakon Respubliki Kazakhstan o kulture. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30081960

Zakon Respubliki Kazakhstan o zashite i ispol'zovanii istoriko-kulturnogo nasledia. 1992. https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z920002900_

Zakon Respubliki Kazakhstan ob arhitecturnoy, gradostroitel'noy i stroitel'noy deyatel'nosti. 2011. https://kodeksy-kz.com/ka/ob_arhitekturnoj_deyatelnosti/3.htm

Performance Standards on Environmental and Social Sustainability. Standard 8. – Washington: IFC, 2012. – С. 53-56. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/c8f524004a73daeca09afd998895a12/IFC_Performance_Standards.pdf?MOD=AJPERES

Франк Д.А.¹, Альназарова Г.Ж.²

¹директор Общественного Фонда «Социум-PV», Казахстан, г. Павлодар, e-mail: dddimm@mail.ru

²магистр философии, старший преподаватель Инновационного Евразийского университета, Казахстан, г. Павлодар, e-mail: g.alnazarova@mail.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СФЕР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ КАЗАХСТАНА (результаты социологического исследования)

Предметом данного исследования является анализ состояния и динамики развития основных сфер жизнедеятельности этнических немцев Казахстана, а также анализ и оценка эффективности деятельности общественных объединений немцев Казахстана. В статье рассмотрены вопросы функционирования немецкой диаспоры в многонациональном Казахстане. Для достижения цели и решения поставленной задачи проведен мониторинг и анализ перспектив развития и деятельности немецких культурно-этнических сообществ Казахстана. Авторы приходят к выводу, что Национально-культурные центры немецкой диаспоры на территории Казахстана, различные немецкие фирмы активно содействуют развитию немецкой культуры, немецкого языка и т.д. В их распоряжении имеются отдельные средства массовой информации (радио, печатные органы, интернет-порталы). Эффективная работа национальных объединений способствует росту интеграционного потенциала членов немецкой диаспоры, снимает культурные барьеры, формирует условия для международного диалога и взаимопонимания. Процесс формирования единой казахстанской культуры предполагает развитие культуры всех этносов. Что касается национально-культурных центров, то необходимо констатировать факт их прямого взаимодействия с Ассамблеей народа Казахстана. Делегаты Ассамблеи, являясь членами национально-культурных центров, активно способствуют претворению в жизнь решений, принятых на сессиях Ассамблеи народа Казахстана.

Ключевые слова: мониторинг, анкетирование, этнос, этнические немцы, общественные объединения.

Frank D.A.¹, Alnazarova G.Zh.²

¹Director of the Social Fund «Socium-PV», Kazakhstan, Pavlodar, e-mail: dddimm@mail.ru

²master of philosophy, senior lecturer at the Innovation University of Eurasia, Kazakhstan, Pavlodar, e-mail: g.alnazarova@mail.ru

Dynamics of development of spheres of life of ethnic Germans of Kazakhstan (Results of a sociological study)

The subject of this study is the analysis of the state and dynamics of development of the main spheres of life of ethnic Germans in Kazakhstan, as well as the analysis and assessment of the effectiveness of public associations of Germans in Kazakhstan. The article discusses the functioning of the German diaspora in multinational Kazakhstan. In order to achieve the goal and solve the problem, monitoring and analysis of the development prospects and activities of the German cultural and ethnic communities of Kazakhstan are carried out. The authors conclude that the National Cultural Centers of the German Diaspora in Kazakhstan, various German firms actively contribute to the development of German culture, the German language, etc. They have at their disposal individual media (radio, print media, Internet portals). The effective work of national associations contributes to the growth of the integration potential of members of the German diaspora, removes cultural barriers, creates the conditions for international dialogue and mutual understanding. The process of formation of a single Kazakhstani culture involves the development of the culture of all ethnic groups. As for the national cultural centers, it is necessary to state the fact of their direct interaction with the Assembly of the People of Kazakhstan. The delegates of the Assembly, as members of national cultural centers, actively contribute to the implementation of decisions adopted at the sessions of the Assembly.

Key words: monitoring, questioning, ethnic group, ethnic Germans, public associations.

Франк Д.А.¹, Альназарова Г.Ж.²

¹«Социум-PV» Қоғамдық Қорының директоры, Қазақстан, Павлодар қ., e-mail: dddimm@mail.ru

²философия магистрі, Еуразия Инновациялық Университетінің аға оқытушысы, Қазақстан, Павлодар қ., e-mail: g.alnazarova@mail.ru

Қазақстанның этникалық немістерінің өмір салаларының даму динамикасы (Социологиялық зерттеу нәтижелері)

Бұл зерттеудің тақырыбы – Қазақстандағы этникалық немістердің өмірінің негізгі салаларының жай-күйін және даму динамикасын талдау, сонымен қатар Қазақстандағы немістердің қоғамдық бірлестіктерінің тиімділігін талдау және бағалау.

Мақалада көпұлтты Қазақстанда неміс диаспорасының қызметі, мақсатқа жету және мәселені шешу үшін Қазақстанның неміс мәдени және этникалық қауымдастықтарының даму перспективалары мен қызметіне мониторинг және талдау жүргізілген.

Авторлар Қазақстандағы неміс диаспорасының ұлттық мәдени орталықтары, әртүрлі неміс фирмалары неміс мәдениетін, неміс тілін және т.б., олардың қарамағында жеке ақпарат құралдары бар (радио, баспа құралдары, интернет-порталдар) ұлттық бірлестіктердің тиімді жұмысы неміс диаспорасы мүшелерінің интеграциялық әлеуетінің өсуіне ықпал етеді, мәдени кедергілерді алып тастайды, халықаралық диалог пен өзара түсіністік үшін жағдай жасайды. Біртұтас қазақстандық мәдениеттің қалыптасу процесі барлық этностардың мәдениетін дамытуды қамтиды. Ұлттық мәдени орталықтарға келетін болсақ, олардың Қазақстан халқы Ассамблеясымен тікелей өзара әрекеттесу фактісін айту қажет. Ассамблея делегаттары ұлттық мәдени орталықтардың мүшелері ретінде Ассамблея сессияларында қабылданған шешімдердің орындалуына белсенді түрде атсалысуда.

Түйін сөздер: бақылау, сұрақ қою, этникалық топ, этникалық немістер, қоғамдық бірлестіктер.

Введение

В статье анализируется динамика развития жизнедеятельности этнических немцев Казахстана, работа Национально-культурного центра немецкой диаспоры в Казахстане. Актуальность данного исследования связана с тем, что в Казахстане принята государственная программа этнического возрождения немцев. Она принята для того, чтобы создать условия для закрепления немцев в Казахстане в связи с их массовой миграцией в Германию. Немецкие национально-культурные центры вносят большой вклад в формирование немецкой диаспоры в Казахстане. Современные казахстанско-германские отношения развиваются динамично и поступательно (Токаев, 2001).

Для многонационального Казахстана эффективная национально-культурная политика выступает важнейшим инструментом поддержания социально-политической, экономической целостности и общественного согласия (Курганская и др., 2003). Такая политика невозможна без знания жизни многочисленных народов страны во всей полноте и реальных проявлениях. Важно отметить, что диаспора – это не только форма, механизм и средство существования исторически сложившихся сообществ, являющихся носителями определенных этнокультурных традиций, но и политический инструмент (Иваненко,

1991). В этой связи диаспора становится связующим звеном в строительстве межнациональных и международных отношений, так как, развиваясь и укрепляясь, превращается в объект и субъект современного политического процесса.

Отношения с Федеративной Республикой Германии находятся в ряду приоритетных для современной казахстанской внешней политики. Они обладают первостепенной важностью как с экономической, так и с политической точки зрения, составляя один из ключевых элементов национальной безопасности (Воробьева, 1995). Изучение современных миграционных процессов важно с точки зрения эмиграции высококвалифицированных специалистов. Выявление механизмов миграционной политики на примере немецкой диаспоры позволит решить проблемы и в отношении других этнических меньшинств и будет способствовать выработке государственной политики по улучшению положения многочисленных этнических групп на территории Казахстана, что в конечном итоге приведет к увеличению численности населения республики и решению ряда острых демографических проблем (Кадацкая, 2008).

Наконец, один из важных факторов обусловлен возрастающей ролью Федеративной Республики Германии в международных отношениях, ее усиливающимися позициями в технологической, экономической и политической сферах, а

также приоритетного направления Европейского вектора развития казахстанской внешнеполитической деятельности (Полоскова, 1999). В этой связи проживание на территории Республики Казахстан значительного числа граждан немецкой национальности является серьезным интегрирующим фактором казахстанско-германских отношений.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев неоднократно отмечал интегрирующую роль диаспор во внутренней и внешней политике страны. Так, в своем труде «В потоке истории» он отмечает: «Диаспоры Казахстана будут не только частями своих «этноматериковых культур», но и, главным образом, станут полномочными представителями культуры Казахстана. Они выступают одним из каналов, механизмов нашей взаимосвязи с национально-культурными системами других государств (Назарбаев, 2003б). Эту колоссальную роль этнических диаспор нельзя недооценивать, и ее позитивное значение покажет будущее. На территории Казахстана проживают представители крупнейших народов планеты, представители великих культурных традиций. В то же время они наши сограждане, и в плане гражданской идентификации, прежде всего – казахстанцы» (Назарбаев, 2003а).

Создание Ассамблеи народа Казахстана стало результатом усилий по поиску новых механизмов согласования различных этнических интересов. Сама жизнь показала эффективность этого, не имеющего аналога в мировом опыте инструмента цивилизованного осуществления национальной политики, уникального института гражданского общества. Деятельность Ассамблеи народа Казахстана получила широкое признание и высокую оценку международных институтов таких, как ОБСЕ, председателем которой в 2010 году была Республика Казахстан.

Целями данного исследования являются изучение состояния и динамики развития основных сфер жизнедеятельности этнических немцев Казахстана, анализ и оценка эффективности деятельности общественных объединений немцев Казахстана по состоянию на первую половину 2018 года.

Дискуссия и результаты

В условиях социального расслоения казахстанского общества этнический фактор становится определяющим в системе общественных отношений. Процесс консолидации современ-

ной немецкой диаспоры начинался с объединения вокруг вопроса о признании и осуждения геноцида как страной проживания, так и международным сообществом (Замятина, 2012). После распада СССР немецкий народ стал ведущим среди народов, имеющих свои диаспоры. Можно отметить и то, что большое количество наших соотечественников давно уже проживает в странах дальнего зарубежья. Среди них немало тех, кто стремится сохранить свою этническую и культурную самобытность. Представители немецких общин отмечают, что идет процесс осознания ими себя как диаспоры, как общности, объединенной этническим признаком (Дедерер, 1999). Сохранение культурной самобытности этносов невозможно без выработки научно обоснованной государственной политики, которая должна основываться на комплексном анализе современной этносоциальной и этнополитической ситуации, тенденций развития межэтнических отношений и взаимоотношений основных субъектов этнополитики, механизмов регулирования этнических процессов (Кушербаев, 1996:5).

Представители немецкой этнической группы впервые появились на территории Казахстана в середине XVIII века. Первое поколение мигрантов было представлено интеллигенцией, гражданскими чиновниками, учеными, врачами, сыгравшие роль распространителей европейского просвещения, науки и культуры. В разные времена немцы внесли весомый вклад в процесс социокультурного развития, много сделали для интеграции наших народов в мировое сообщество.

Опрос населения проводился на основе анкетного интервью, который предполагает непосредственный контакт интервьюера (человек, который опрашивает) с респондентом (человеком, которого опрашивают). Отбор респондентов для опроса был осуществлен на основе квотной выборки, которая репрезентирует взрослое население (18 лет и старше) республики по полу, возрасту и социальному статусу. Всего было опрошено – *9000 респондентов*, 5% от общего числа этнических немцев Казахстана. Социологическое исследование было проведено по всем регионам Республики Казахстан.

Объект исследования

Объектом исследования является немецкое население Казахстана.

Предмет исследования – социально-экономическое положение немцев Казахстана, дея-

тельность немецких национальных объединений РК, социально-психологическое самочувствие немецких семей, знание немцами государственного и родного языков, миграционные настроения немцев, участие немецкой диаспоры в общественной жизни страны.

Проведенное социологическое исследование было направлено на изучение состояния и динамики развития основных сфер жизнедеятельности немецкой диаспоры Казахстана с учетом следующих задач:

- Определение материального положения немецких семей.
- Выявление социально-психологического климата немецких семей.
- Оценка эффективности деятельности немецких этнокультурных объединений.
- Выявление миграционных настроений немецких семей.
- Определение уровня самоидентификации немцев.

По результатам исследования выявлено, что большинство опрошенных немцев констатируют отсутствие положительной динамики в росте материального благосостояния семьи за прошедшие три года.

Так, отвечая на вопрос: «Изменилось ли материальное положение Вашей семьи по сравнению с предыдущими годами (в пределах 3-х лет)?» 42% – от общего количества опрошенных ответило, что «не изменилось», 20,4% – считают, что «немного ухудшилось», и только 19% полагают, что «улучшилось».

Таким образом, исследование показывает отрицательную динамику в оценке немцами своего материального положения. На вопрос: «Оцените материальное положение Вашей семьи?» большинство опрошенных (76%) оценили «удовлетворительное».

Оценивая жизненную ситуацию своей семьи, 57% опрошенных немцев оценили ее как «можно жить», 20% – «трудно», 16,5% – «хорошо».

Рост цен на продукты питания и товары повседневного спроса задел немецкие семьи, что подтверждают своими ответами респонденты. Именно высокие цены на продукты и товары повседневного спроса (51%) в наибольшей степени осложняют жизнь каждой второй немецкой семьи. Как видно из таблицы 1, к основным факторам, осложняющим жизнь немецкой семьи, опрошенные отнесли: низкий доход семьи (34%), проблемы со здоровьем (32%), высокие цены на коммунальные услуги (27,7%).

Следует отметить, что среди чисто экономических проблем как значимую респонденты выделили проблему со здоровьем, которая по значимости занимает третье место среди других. Ответы респондентов свидетельствуют о серьезной озабоченности немцев своим здоровьем.

Для исследования темы взаимоотношений немцев с коренным населением в анкете был поставлен вопрос: «Как представители казахской национальности относятся к немцам?».

Полученные ответы в целом демонстрируют положительную тенденцию во взаимоотношениях между представителями казахской национальности и немцами. Так, более половины опрошенных немцев (60%) полагают, что представители казахской национальности относятся к ним как равным во всех отношениях, а 5,6% опрошенных немцев даже считают, что казахи относятся к ним с сочувствием и пониманием.

Таблица 1 – Факторы, осложняющие жизнь Вашей семьи

Вариант ответа	%
Низкий доход семьи	34
Высокие цены на коммунальные услуги	27,7
Проблемы со здоровьем	32
Высокие цены на продукты и повседневные товары	51
Невозможность приобрести товары длительного пользования	9,6
Отрицательные жилищные условия	5,8
Невозможность получить образование Вам и членам семьи	4
Невозможность получить лечение Вам и членам семьи	5,3
Отсутствие работы	7
Боязнь потерять работу	11,8
Трудности из-за незнания казахского языка	9,3
Отсутствие перспективы для детей, молодежи	20,6
Проблемы в сфере межнациональных отношений	1,6
Другое	
Затрудняюсь ответить	8

Таким образом, более половины респондентов не встречали недоброжелательного отношения к себе или унижения на национальной почве. В то же время четверть опрошенных сталкивались с равнодушным отношением к себе по национальному признаку.

Неоспоримым фактом является то, что национальные этнокультурные объединения способствуют сплоченности членов этнической группы. В ходе социологического исследования мы пытались оценить эффективность деятельности немецких этнокультурных объединений.

Отвечая на вопрос *«Знаете ли Вы о существовании и деятельности общественных объединений/организаций немцев Казахстана «Возрождение»»*, подавляющее большинство опрошенных (94%) ответили «положительно». В ходе проведенного исследования мы выяснили, что большая часть опрошенных немцев (93,9%) положительно оценивает деятельность Ассоциации общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение».

В целом, оценивая роль этнокультурных объединений в жизни своей этнической группы, опрошенные немцы сошлись во мнении, что данные объединения играют весомую положительную роль, поскольку помогают в изучении немецкой культуры, традиций, этот факт отмечают 85,2% опрошенных, оказывают помощь в изучении немецкого языка (79,6%), а также членство в подобных организациях консолидирует членов группы, через участие в различных мероприятиях, так считает 71,2% опрошенных.

В ходе исследования мы попытались выяснить, насколько глубоко немцы вовлечены в деятельность своего этнического объединения. Как оказалось, активно посещают все мероприятия 21,4% опрошенных респондентов. Большинство же опрошенных (46,1%) посещают мероприятия избирательно. Четверть опрошенных (28,75%) занимают пассивную позицию и не посещают мероприятия, проводимые этническими объединениями.

Полиязычие является одной из главных примет многонационального государства и цивилизованной нормой для большинства развитых государств. Проблемой большинства немцев Казахстана является слабое владение не только государственным, но и родным языком. Так в ходе исследования выяснилось, что свободно общаться на родном языке может лишь незначительное количество опрошенных (4,6%), понимать медленную простую речь может почти половина (48,8%) опрошенных, 23,9% респондентов не владеет немецким языком. Более половины опрошенных респондентов (57,3%) не владеют казахским языком, медленную простую речь понимают чуть более четверти (30,3%) опрошенных. Всего 3,8% опрошенных свободно владеют казахским языком.

В конце прошлого века Германия проводила лояльную миграционную политику в отношении соотечественников. Переезд в Германию был для немцев способом решения многих экономических проблем, возникших у населения после развала Советского Союза. В результате эмиграции после 90-ых годов XX века численность немецкого населения в Казахстане значительно сократилась (Садовская, 2001). Однако, в последние десятилетия исход немцев уменьшился, большая часть тех, кто хотел эмигрировать, сделали это. С 2013 г. после либерализации миграционной политики Германии (Deutsche Aussenpolitik, 2002:35), включения дополнений в Закон о поздних переселенцах поток уезжающих немцев вновь активизировался.

С целью выявления миграционных настроений современных немцев в ходе исследования получены следующие результаты: всего четверть опрошенных (26,1%) планирует отъезд в другую страну на постоянное место жительства, 28,2% – «пока думают», а вот 31,3% опрошенных планируют остаться в Казахстане.

Наибольшее желание эмигрировать зафиксировано среди молодых немцев, количество готовых к эмиграции здесь в 2 раза больше, чем у старшего поколения. Подавляющее большинство опрошенных демонстрируют желание эмигрировать в Германию – 80,7% респондентов. Незначительное количество респондентов (0,4%) подумывает о таких вариантах как Чехия, Канада, США, Австрия, в основном это молодое население. В качестве основных причин миграции в современных условиях были названы следующие факторы: стремление к воссоединению с родственниками, желание жить на исторической родине, отсутствие перспективы получения достойной оплаты труда, низкие пенсии, социальные пособия, невозможность получить качественное медицинское обслуживание и др. К основным факторам, удерживающим немецкое население в Казахстане, респонденты отнесли следующие: наличие в Казахстане родственников и друзей, восприятие Казахстана как своей Родины, страх перед неизвестностью, слабое знание немецкого языка.

На вопрос об этнической идентификации половина опрошенных (50,7%) заявили, что «ощущают» себя казахстанскими немцами.

Оценивая вовлеченность немцев в немецкую культуру и жизнь Германии, немецкого народа, в ходе исследования получены результаты, что большинство опрошенных проявляют искрен-

ний интерес к немецкой культуре и жизни Германии – так респонденты соблюдают традиции немецкого народа (67,7%) и следят за событиями (62,8%), связанными с Германией и немецким народом. Однако, более половины (59%) респондентов слабо знают историю Германии и немецкого народа. При оценке активности немцев как граждан Республики Казахстан выявилась их низкая гражданская активность (13,9%), более половины респондентов (60,9%) занимают пассивную гражданскую позицию, они, конечно, интересуются социально-экономическими, политическими событиями в регионе, республике, но активного участия не принимают, к сожалению, нашлись и такие респонденты (6,1%), которые выразили полное безразличие к событиям, происходящим в Казахстане.

Выводы

Анализ результатов исследования позволяет составить представление о состоянии, проблемах и перспективах жизнедеятельности немецкой этнической группы Казахстана:

1. Материальное положение немецких семей за последние три года не изменилось, большинство респондентов оценили свое материальное положение как удовлетворительное, а жизненную ситуацию своей семьи в целом немцы охарактеризовали как «жить можно». Таким образом, можно оценить социально-психологическое состояние большинства немцев в целом как спокойное и уравновешенное. Значительно сказывается на социально-экономическом положении немцев образование, род деятельности. Как правило, чем выше уровень образования человека, тем выше уровень и качество его жизни.

2. К основным факторам, осложняющим жизнь немецкой семьи, можно отнести: высокие цены на продукты и повседневные товары, низкий доход семьи, проблемы со здоровьем и высокие цены на коммунальные услуги.

3. Межэтнические отношения в Казахстане можно охарактеризовать как ровные, благоприятные. Так в ходе исследования выяснилось, что большинство респондентов считают, что представители казахской национальности относятся к ним как равным во всех отношениях. Данный вывод согласуется с ранее звучавшими выво-

дами казахстанских исследователей (Романова, 2000).

4. В ходе исследования также выявлено, что наибольшее предпочтение немцы Казахстана отдают общественной организации «Возрождение». Подавляющее большинство респондентов положительно оценило ее деятельность, отметив при этом ее консолидирующую роль для себя.

5. Важная роль этнокультурных объединений в поддержке своего этноса подчеркивается большинством опрошенных, этнокультурные объединения занимают значительное место в жизни немцев Казахстана. Отождествление со своей референтной группой происходит у них по нескольким основаниям – традициям, культуре и языку.

6. Процент потенциальных мигрантов среди немецкой диаспоры на данный момент не очень высок, чуть более четверти опрошенных (26,1%) готовы к отъезду в другую страну, остальные либо раздумывают, либо вовсе не планируют отъезд. Подавляющее же большинство готовых к отъезду респондентов планируют выехать в Германию. К основным факторам, влияющим на их решение, респонденты относят: воссоединение с родственниками, невозможность получить качественное медицинское обслуживание, низкие пенсии.

7. Практически все немцы являются русскоязычными, около половины в той или иной степени владеют немецким языком и лишь незначительное количество – государственным языком. В изучении языков в основном большие успехи делает молодежь. Немецкий язык большинство немцев изучает на языковых курсах при организациях «Возрождение».

8. Немцы Казахстана являются мало политизированной этнической группой, хотя у них и имеется интерес к социально-экономическим и политическим событиям в регионе проживания, но активного участия в них они не принимают.

9. В ходе исследования выявлено, что большинство немцев считают себя, прежде всего, казахстанскими немцами, хорошо интегрированными в экономическое и социально-культурное пространство страны.

10. В целом можно резюмировать, что немецкая этническая группа Казахстана является значимым положительным элементом казахстанско-германских отношений.

Литература

- Воробьева Л. (1995) Немцы Казахстана как этнополитический фактор развития германо-казахстанских отношений// Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. – М.: РИСИ
- Дедерер А.Ф. (1999) Отчет о положении ранее депортированных народов в Республике Казахстан. Алматы, 59 с.
- Замятина Н. Ю. (2012) Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. № 5. – С. 151–163
- Иваненко И.П. (1991) Межнациональные отношения: термины и определения. – Киев.- 50 с.
- Курганская В.Д., Дунаевский В.Ю., Айтхожин К.К. (2003) Мониторинг прав этнических меньшинств в Казахстане (научно-исследовательский отчет), Алматы
- Кадацкая Н. (2008) Немцы в миграционном обмене между Казахстаном и Германией: тенденции и перспективы // CAM-MIC Working Papers. Toyama: Center for Far Eastern Studies, No.5
- Кушербаев К.Е. (1996) Этнополитика Казахстана: состояние и перспективы, Алматы
- Международная защита прав и свобод человека (1990). Сборник документов. – Москва, 81 с.
- Назарбаев Н.А. (2003а) В потоке истории. Алмты: Атамұра, 125 с.
- Назарбаев Н.А. (2003б) Стратегия независимости. Алматы, 229 с.
- Токаев К.К. (2001) Дипломатия Республики Казахстан. – Астана: Елорда, 231 с.
- Полоскова Т.В. (1999) Диаспоры и внешняя политика//Международная жизнь. – М., № 11.- С. 12- 27
- Романова Н.В. (2000) Политологический анализ межэтнического взаимодействия// Евразийское сообщество. – №3 (31). – 110 с.
- Садовская Е.Ю. (2001) Миграция в Казахстане на рубеже XX1 века: основные тенденции и перспективы. – Алматы, 63 с.
- Статистический ежегодник Казахстана (2006). Статистический сборник. Заказ Агентства по статистике исх. № 07-10\130 от 29.12.- Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 88 с.
- Deutsche Aussenpolitik (2002) Die Brochure von Auswaertigen Amt Deutschlands, 76 S.

Reference

- Vorob'yeva L. (1995) Nemtsy Kazakhstana kak etnopoliticheskiy faktor razvitiya germano-kazakhstanskikh otnosheniy//Kazakhstan: realii i perspektivy nezavisimogo razvitiya ["The Germans of Kazakhstan as an ethno-political factor in the development of German-Kazakh relations // Kazakhstan: realities and prospects of independent development"]. – М.: RISI
- Dederer A.F. (1999) Otchet o polozhenii raneye deportirovannykh narodov v Respublike Kazakhstan. ["Report on the situation of previously deported peoples in the Republic of Kazakhstan"] Almaty, 59 s.
- Zamyatina N. YU. (2012) Territorial'nyye identichnosti i sotsial'nyye struktury /// Obshchestvennyye nauki i sovremennost' ["Territorial identities and social structures // Social Sciences and the Present"]. № 5. – S. 151–163
- Ivanenko I.P. (1991) Mezhnatsional'nyye otnosheniya: terminy i opredeleniya ["Interethnic Relations: Terms and Definitions"]. – Kiyev.- 50
- Kurganskaya V.D., Dunayevskiy V.YU., Aytkhozhin K.K. (2003) Monitoring prav etnicheskikh men'shinstv v Kazakhstane (nauchno-issledovatel'skiy otchet) ["Monitoring the rights of ethnic minorities in Kazakhstan (research report)"], Almaty
- Kadatskaya N. (2008) Nemtsy v migratsionnom obmene mezhdu Kazakhstanom i Germaniyey: tendentsii i perspektivy ["The Germans in the migration exchange between Kazakhstan and Germany: trends and prospects"] // CAMMIC Working Papers. Toyama: Center for Far Eastern Studies, No.5
- Kusherbayev K.Ye. (1996) Etnopolitika Kazakhstana: sostoyaniye i perspektivy, Almaty Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka (1990) ["Ethnopolitics of Kazakhstan: state and prospects, Almaty International Protection of Human Rights and Freedoms (1990)"]. Sbornik dokumentov. – Moskva, 81 s.
- Nazarbayev N.A. (2003a) V potoke istorii.["In the stream of history"] Almaty: Atamura, 125 s.
- Nazarbayev N.A. (2003b) Strategiya nezavisimosti.["Strategy of Independence"] Almaty, 229 s.
- Tokayev K.K. (2001) Diplomatiya Respubliki Kazakhstan.["Diplomacy of the Republic of Kazakhstan"] – Astana: Yelorda, 231 s.
- Poloskova T.V. (1999) Diaspory i vnesnyaya politika//Mezhdunarodnaya zhizn'.["Diasporas and Foreign Policy // International Affairs"] – М., № 11.-С.12-27
- Romanova N.V. (2000) Politologicheskii analiz mezhetnicheskogo vzaimodeystviya// Yevraziyskoye soobshchestvo.["Political analysis of interethnic interaction // Eurasian Community"] – №3 (31). – 110 s.
- Sadovskaya Ye.YU. (2001) Migratsiya v Kazakhstane na rubezhe KHKH1 veka: osnovnyye tendentsii i perspektivy.["Migration in Kazakhstan at the turn of the 21st century: main trends and prospects"] – Almaty, 63 s.
- Statisticheskii yezhegodnik Kazakhstana (2006). Statisticheskii sbornik. Zakaz Agentstva po statistike iskh. № 07-10\130 от 29.12.- Almaty: Agentstvo Respubliki Kazakhstan po statistike, ["Statistical Yearbook of Kazakhstan (2006). Statistical Digest. Statistical Agency Order Ref. No. 07-10 \ 130 dated December 29.- Almaty: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics, 88 p." 88 s.
- Deutsche Aussenpolitik (2002) Die Broschüre von Auswaertigen Amt Deutschlands, 76 S.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Сыртқы саясат пен дипломатия	Section 1 Foreign policy and diplomacy	Раздел 1 Внешняя политика и дипломатия
<i>Kuramayeva G.N., Suleimenov T.S.</i> Education as an instrument of «soft power» in the foreign policy of Kazakhstan		4
<i>Фоминых А.Е.</i> Выставка «Фотография в США» в Алма-Ате (1976): американская публичная дипломатия в Казахской ССР.....		13
2-бөлім Әлемдік саясаттың қазіргі мәселелері мен халықаралық құқық	Section 2 Current issues of world politics and international law	Раздел 2 Актуальные вопросы мировой политики и международного права
<i>Ахметов Е.</i> Особенности функционирования отдельных коллективных учреждений в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (историко-правовой аспект).....		28
<i>Abdalla Moh'd Dyab Al-Nouimat, Jakubayeva S., Zhekenov D., Azimov A.</i> Geopolitical interest of Iran in Central Asia		40
<i>Buzurtanova M.M.</i> Human rights in the US foreign policy case of Kazakhstan		47
3-бөлім Әлемдік экономика	Section 3 World economy	Раздел 3 Мировая экономика
<i>Gubaidullina M., Lu Qui, Nurdavletova S., Goncharova A.</i> «Green Energy» and environmental sustainability in the context of the Belt and Road Initiative.....		58
<i>Mukhtarova K., Chukubaev Ye., Yerimpasheva A., Soloaga Aurora Díaz</i> The soft skills concept in organizations and project teams		69
4-бөлім Мәдениетаралық байланыстар	Section 4 Intercultural communication	Раздел 4 Межкультурные связи
<i>Piera Gabola, Abdeljalil Akkari, Myriam Radhouane</i> Assessment of intercultural competencies: a case study in Switzerland		78
<i>Байзакова К., Утегенова А., Масанов М.</i> Ответственное ведение бизнеса и охрана объектов культурного наследия		90
<i>Франк Д.А., Альназарова Г.Ж.</i> Динамика развития жизнедеятельности этнических немцев Казахстана (результаты социологического исследования)		99